

Мария Стикко

Святой Франциск Ассизский

Мария Стикко

СВЯТОЙ ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ

Название в подлиннике:
Maria Sticco — «San Francesco d'Assisi»

Перевод с итальянского:
Елены Пастернак
Леонида Харитоновна
Татьяны Гитиной

© Copyright 1990
VITA E PENSIERO. — Milano

Издано с разрешения издательства
ВИТА Е ПЕНСИЕРО — Милан,
которому принадлежат издательские права

Copyright для русского издания
«Христианская Россия» — Италия
20133 Милан — ул. Понцио, 44
24068 Сериате (Бергамо) — ул. Таска, 36

Russia Cristiana — Italia
v. Ponzio, 44 — 20133 Milano
v. Tasca, 36 — 24068 Seriate (Bergamo)

На обложке:

СВЯТОЙ ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ,
фреска Чимабуе, XIV век.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ТЕ ВРЕМЕНА

ОРЕЛ

Семь веков назад Священной Римской империи уже не было, был только священный римский император, впрочем, не особенно священный, ибо папа нередко предавал его анафеме, и не римский, ибо по рождению он принадлежал одному из германских племен. Рим просто дал ему право на власть, законы и символ империи, то есть того самого орла, который указывал легионам путь на край света и олицетворял такое величие, что казался Божьей птицей и немцам, и итальянцам, немало претерпевшим от его когтей.

Этого священного римского императора звали Фридрих Барбаросса, был он из Гогенштауфенов и вел свой род из далекого замка в Северной Свевии. Он был белолиц и розовощек, как все немцы, с рыжими кудрявыми волосами, и весел на вид, так что казалось, будто он все хочет рассмеяться и показать белоснежные клыки. Руки его были прекрасны, сердце — из бронзы.

Немногим более чем за тридцать лет, с 1154 по 1185 год, он шесть раз спускался в Италию, чтобы укротить непокорные народы. В первый раз он сжег три миланских замка — Розате, Трекате, Галлиате, уничтожил Кьери и Асти, взял приступом Тортону; во второй раз занял Брешию, разграбил Кремену, целый год осаждал и морил голодом, захватил и в шесть дней сровнял с землей Милан, не выказав ни малейшей жалости к его жителям. Все они, от наизнатнейших до самых низших, в покаянных одеждах, с веревкой вокруг шеи, с крестом в руках и посыпанной пеплом головой ходили в его лагерь, падали перед ним, протягивая ему ключи

от города, бросали к его ногам тридцать шесть знамен комунны и сворачивали свое боевое знамя. Император был непоколебим. По его приказанию затрещали триста башен на городских стенах, и от прекрасного, могущественного и богатого города осталось поле, покрытое обломками. В третий раз он попытался было затеять войну против Веронской лиги, Виченцы, Падуи и Тревизо. В четвертый — удовольствовался взятием Анконы. В пятый раз он был так жестоко разбит при Леньано Ломбардской лигой, что думали, будто он и сам убит, так что, когда через несколько дней он появился в Павии, людям казалось, что воскрес мертвый. Урок этот пошел ему на пользу, и в шестой раз он появился в Италии лишь для того, чтобы присутствовать на свадьбе: в Милане его сын Генрих сочетался браком с Констанцей д'Альтавилла, последней из норманнов, унаследовавшей сицилианский трон.

Фридрих Барбаросса безусловно противился свободе наших коммун, и все же, из-за любви к орлу, итальянцы его почитали — певцы посвящали ему песни, написанные гекзаметрами, и даже самые знаменитые советники Болоньи, призванные на собрание в Ронкалье, чтобы решить, законны ли его притязания, решили — да, законны, ведь он был наследником кесаря, главою Великой Римской империи, а закон и империя неразделимы.

У Барбароссы была душа тевтона, и, когда его войско под имперскими орлами продвигалось вперед, люди, покоренные священным знаком пропускали его. Когда во время третьего крестового похода, в 1188 году, узнали, что он утонул, как бродяга, в киликийской речонке, все встревожились — такой бесславный конец славного правителя казался предвестником беды для западных стран.

За пять лет до этого, когда в Милане готовились к свадьбе его сына Генриха с Констанцей Норманнской, в народе поговаривали о том, что от этого брака может родиться Антихрист, ибо жениху было двадцать лет и был он сурового нрава, пятидесятилетняя же невеста вернулась в мир из монастыря. Возможно, ее отозвали оттуда по политическим соображениям и, вопреки ее воле и здравому смыслу, выдали замуж за императорского сына, выходца из Свевии, или Соавии, как тогда говорили. Словно ветер промчалась жизнь Генриха, но он оставил после себя ребенка, которого нарекли именем деда, а покровителем его стал папа Римский.

Фридрих II родился в Джези и воспитывался в Италии. Прежде немецкого он услышал говоры Марке и Умбрии и, может быть, больше, чем немецкий, учил классическую латынь законников; французский — язык, принесенный норманнами на прекрасный остров его матери и так чудесно звучащий в старинных песнях труверов; арабский — восточных

мудрецов из Палермо; итальянский, на котором придворные поэты к тому времени уже начинали слагать стихи.

Он учился всему, и все давалось ему с той легкостью, что присуща итальянскому духу — и наука о природе, которую в то время считали мракобесием, и философия (он спорил с арабскими мыслителями о том, когда, кто и почему положил начало миру), и охота, и обучение соколов, поэзия, политика, военное искусство.

Его дед появлялся в Италии лишь ради военных сражений и не заходил дальше Рима. Фридрих II обосновался в южной Италии, а в Палермо и в апулийских замках устроил себе покои для отдыха. Он поистине был достойнейшим императором, милостивым в речи и в повадках, он восхищался доблестными воинами, и к его двору, блиставшему талантами, роскошью, восточной и западной изысканностью, стекались люди со всех концов света — музыканты, трубадуры, художники, рыцари, ученые, которых он с почтением и радостью принимал и щедро одаривал.

Всем походил он на римского орла, но был орлом немецким. В помыслах своих он был далек от латинских учений и следовал учениям арабским, а в политике он, как и его предки, боролся против коммун. Он принес войну и в Падуанскую долину и во всю Италию — и центральную, и северную — и вышел лишь видимым победителем. Он обещал первосвященникам, которые сменялись довольно часто, сражаться лишь в крестовых походах, но слова не держал, пренебрегал главным — завоеванием Гроба Господня, и первосвященники трижды проклинали его. Он Антихрист, говорили враги, вспоминая о колдовстве и ересях, о кощунствах и сарацинском дворе. Но верные ему любили его так истово, что, разуверившись в нем, разбивали голову о стену, а поэты говорили, что не было никогда более достойного синьора.

ОРЛЯТА

От Рима у имперского орла осталось одно название, а коммуны, уклонявшиеся от римской феодальной власти, унаследовали и мысль ее и кровь. Там, где в IX веке император ставил своих вассалов для управления землями, горожане мало-помалу объединялись в союзы, присягая, что будут друг другу помогать и в делах, и в приобретении земель, принадлежавших графам и баронам, и в получении как можно большей «libertas»¹, то есть в освобождении от поборов и других всеобщих налогов. Эти гражданские союзы превратились в политические, когда управлять

¹ свободы (лат.).

ими стали особые магистраты, называвшиеся консулами. Коммуны возникали больше всего в северной и центральной Италии и были разными в разных местах. Все они, даже соседние, появились и развивались неодинаково. Среди них были крохотные сельские коммуны, чей совет собирался на церковном дворе, консулами были волопасы, а священник был и миротворцем, и учителем, и канцлером; были городские коммуны, где властвовал епископ, не имевший корысти оставлять наследство, человек по духу скорее романский, нежели германский, внимательный к мнению народа и стремившийся освободить себя и свою паству от подчинения императору; некоторые коммуны рождались в борьбе между мелкими и крупными вассалами, другие же — потому, что возрастал авторитет одного или нескольких влиятельных семейств, вокруг которых сосредоточивалось окрестное население. Кое-какие из коммун создавались на основе общих сельскохозяйственных или торговых интересов; были и такие, которые возникали весьма поспешно, чтобы дать отпор врагу; некоторые созревали постепенно, как коралловый нарост. У одних все было устроено по-новому — и чиновничий аппарат, и законы, другие же основывались на старых традициях, приспособившись к ним и видоизменив их так, что гасальды и бароны или другая знать были ставленниками народа, но не императора. Коммуны бывали богатыми и бедными, они вели активную торговую жизнь (например, приморские республики Амальфи, Пиза, Генуя, Венеция) или дремали на вершине холма на берегу горной речки, между церковной колокольней и башней на консульском доме, не меняясь чуть ли не столетиями. Бывали коммуны просвещенные, их уровню образования могла бы позавидовать столица, например, Болонья, Павия, Флоренция, Неаполь; были коммуны маленькие, неграмотные, где писать умел лишь священник, а консулы вместо подписи ставили крест.

Повсюду в Европе на обломках империи вырастали нации с собственным монархическим ядром. Италия же была подобна выводку орлят, которые не желали чужой власти, хотя между собой не ладили, ибо кроме независимости у них не было ничего общего, все они хотели жить по-своему и в мыслях своих каждый рвал других на части. Многие коммуны расправлялись в деревнях с представителями феодальной знати и, приравняв их к людям из народа, обязали вступить в ремесленную общину, если те хотели получить гражданские права. Так развязали они новую борьбу между городской знатью и плебсом, между старшими и меньшими или зажиточными и мелким людом и, смотря по тому, кого больше почитала каждая из сторон — папу или императора — они называли себя гвельфами или гибеллинами. К внутренним битвам прибавлялись и внешние, подчас жесточайшие, между одной и другой

коммуной, и орлята показывали, что в жилах их течет немало варварской крови. Но когда независимости угрожал варварский орел, скажем, Фридрих Барбаросса или Фридрих II, они могли объединиться в Тревизскую лигу и в Первую и Вторую Ломбардские лиги.

Рожденные от романо-германского орла, коммуны обрели личные доблести германцев и социальные — латинян. Война и деньги, сила и закон, отвага рыцаря и практичность торговца способствовали этим доблестям. Но орлята не признавали ничего германского, они считали законным лишь римское прошлое орла, и летописец самой никудышной коммуны высокомерно доказывал, что корни его уходят к предкам или современникам Ромула, а старушка, сидя за прялкой, запросто болтала со своей семьей о троянцах, Фьезоле и Риме. И все же в войнах, родовых расправах, вендеттах было что-то дремучее. Варварская кровь, прочно привившаяся за восемь веков вторжений, смешалась с древней кровью, из которой еще не ушло язычество, и ее не могло изменить гуманное правосудие кодекса законов. Сила античной цивилизации уже не украсила орлят, нужна была сила нового Рима — крест.

КРЕСТ

Прошло девять веков, как крест сменил в Риме орла, провозвещающая новую империю, которая расширяла бы свои границы, не сражаясь, но страдая; не когтями и клювом, но любовью и болью. Рим, ставший центром новой цивилизации, столетиями со сверхчеловеческой энергией боролся за то, чтобы разрушить языческие основы общества и создать новый мир не только из обломков классического язычества, но — главное — на основе новых сил неведомых и недоступных древнему юридическому мышлению. Борьба эта была основана на мученичестве.

Первые христиане предавали себя мучениям и смерти, чтобы доказать, что Иисус Христос — Бог, и учение Его истинно, и только ради этой истины стоит жить; а христиане Средневековья, избранники Церкви, истязали себя, чтобы с корнем вырвать язычество, вросшее в верования и обычай. Они отказывались даже от законных требований человеческой природы, запрещали себе восхищаться прекрасным и пользоваться благами, считали преходящими радости жизни, и все это только для того, чтобы очистить природу и жизнь от языческих суеверий, которые населили небо богами, горы — ореадами, моря — сиренами, рощи — дриадами, и в наслаждениях и славе искали смысл жизни.

Христиане каялись и для того, чтобы обратить варваров, противопоставляя их грубой силе — силу духа. В Средневековье (как и всегда)

Церковь стремилась превратить в добро то, что было злом, в Божье — то, что было человеческим, в вечное — то, что было мгновением. Она противостояла Империи, когда императоры забывали свой долг христиан и государей, рыцарским духом усмиряла воинственные инстинкты и тягу к приключениям, препятствовала насилию, пользуясь лишь оружием веры — отлучением и мыслями о вечности. Когда итальянские коммуны впервые объединились в борьбе против внешнего врага, она дала им то, что было тогда символом милосердия — повозка, запряженная терпеливыми быками, которая тащила по деревьям, созывая звоном колокольчика колонов и подвассалов, чтобы они отправили десятину в пользу Церкви, превратилась в боевую колесницу с алтарем, крестом, штандартом, вокруг которого, словно вокруг Святого Гроба, собирались воины. Когда безграмотность была повсеместной, только Церковь открывала школы для народа, при каждой церкви была приходская школа, независимая, со своими песнопениями, проповедями, изображениями святых. Каждый монастырь был еще и библиотекой, и учебным центром, где бережно создавали ту неосязаемую ценность, которая вне этих стен уходила на второй или на третий план — знание.

Церковь оказывала милосердие всем страждущим телом и духом: представляла больницы и лепрозории, помогала беднякам и странникам, но еще больше делала она для государства, расширяла духовное и территориальное влияние Европы на Востоке, ибо начала освободительные войны на Святой Земле. Крестовые походы перемещали и обновляли людей, мысли, институции, владения и государства.

В те века, когда было столько воинов, крест вставал над страданиями победителей и побежденных, угнетающих и угнетенных. На рукояти меча он напоминал и о правде, и о милости, дабы смягчить боль от ран, утешить предсмертную муку; на колокольне соединял враждующие народности идеалом веры и отечества; на парусах кораблей, бросавших якорь у Святой Земли, освящал Средиземное море, дабы влияние наше приумножалось на новых путях.

Особенно большое место занимал он в конце XII и в начале XIII века. И все же он был скорее снаружи, чем внутри, скорее на предметах, чем в сердцах; как и орел, он был скорее символом, нежели жизнью. Это был крест, который еще никто не взял на себя, как взял его и был распят наш Господь. Это — знамя, но нести его некому. Знаменосец еще придет.

УЧИТЕЛИ И УЧЕНИКИ

Особенно гордились орлята романской кровью в городах, где процветало образование. В Салерно изучали медицину, в Болонье и Павии — право, в Падуе, немного позднее — точные науки, в Неаполе — философию. «Штудий» рождались обособленно, в узком кругу, состоявшем из образованного учителя и нескольких учеников-добровольцев, а потом разрастались, — на помощь учителю приходили другие, являлись новые ученики, им нужны были новые преподаватели. Так появились объединения «штудий», то есть — университеты.

Среди первых лекторов Болоньи был Ирнерий, который читал гражданское право, и Грациан, читавший право каноническое. Болонские ученые защищали императора в Ронкалье, все еще от любви к римскому орлу; защищали они и свое заведение, и город, чрезмерно превознося самих себя.

«К нам, — говорили они, — постоянно идут люди, стекаются иностранцы, к нам стекаются и деньги, и законы, и много у нас прекрасного...» В некотором смысле они заставили императора выплачивать долг, прося у него привилегий для Болоньи. Болонский университет обрел международное значение, тем более что студенты создали город в городе. Руководили им особые должностные лица, избиравшиеся из числа преподавателей, и, управляя обучением, они не подчинялись гражданским властям.

В XIII веке болонское студенчество, около десяти тысяч человек, разделилось на предальпийцев и заальпийцев (или «итальянцев» и «чужеземцев»). И у тех, и у других были свои ректоры и советники. Жизнь молодых людей была строго регламентирована — они жили в отдельных домах, вроде интернатов или пансионатов, одевались в особую одежду с капюшоном, цвет которой обозначал факультет, им запрещалось буяннить ночью и выходить из города без разрешения. Кроме того, они платили преподавателям взносы, которые собирали два студента-казначея. На самом деле, конечно, студенты плевали на закон — одевались они, как и все, заботясь лишь об удобстве, кутили, а не учились, не платили налоги, словом, развлекались что есть сил, и город был полон песен, насмешек, споров, потасовок.

Студенты из-за гор вносили во все это своеобразный оттенок. Среди них были немцы, венгры, французы, поляки, богемцы. Из далеких аббатств и замков приносили они странные нравы, обжорство, пьянство, силу, варварскую латынь, особый говор. Во время занятий они обнаруживали свой способ мышления, порождавший новые проблемы среди учителей и товарищей, тогда как сами они приобщались к духу Рима. Нередко через

Болонью и другие города прокатывались волны вагантов, бродячих клириков — нахальных студентов, почти всегда чужеземных, которые переходили с места на место, лишившись стипендии в своих университетах. Они бродяжничали повсюду, выпрашивая приют, книги, уроки и развлекая приятелей веселыми шутками. Самые разнузданные из них звались голиардами и считались менестрелями студенчества. Голиарды воспевали вино и наслаждения, ругали ученых и императора, папу и всю вселенную, насмехались над святыми вещами, и не почитали даже мессу. Они рассказывали, что изучают право в Болонье, медицину — в Салерно, точные науки — в Париже, демонологию — в Толедо, и неизвестно где — хорошие манеры. И все же репутация университета зависела подчас от их злых языков.

В Болонье все было серьезно. Лекторы, в число которых допустили нескольких иностранцев, отличались строгостью. Об Адзоне, одном из самых замечательных, говорили, что он, дабы не терять времени, болел только на каникулах и во время каникул умер.

С возникновением университетов по-новому осознали достоинство итальянских коммун. Если в 1158 году четыре болонских доктора могли рассудить орла с орлятами, то через сто лет без малого правовед Роландино ди Пасседжери, отвечал Фридриху II, который разгневался, что сына его, сардинского короля, Энцо, болонцы посадили в темницу: «Придешь и увидишь нас. Мы не камыш, что склоняется от дуновения ветра. Мы стоим за себя».

Роландино, ученый, пишет как воин. В его словах живет дух коммун, которые ощутили, что уже не связаны с орлом, с орлом германским, и стали орлятами империи креста, новыми римлянами — итальянцами.

Однако задолго до того, как Роландино написал эти знаменитые фразы, кто-то ниспослал ученой Болонье то, чего не найти в сводах законов — безумие креста.

ТРУБАДУРЫ

Жизнь того времени была не только войной, торговлей, борьбой, победами и учением; она, как и всегда, была песней, ибо песня так же относится к труду, как мечта к долгу, надежда — к страданию, вера — к смерти. Песни пели и на латинском, и на итальянском языках. По-латыни пели в храме; по-итальянски — на улицах и площадях, в домах и мастерских. Пели женщины, хлопоча по хозяйству, стряпая и прядя пряжу, мастеровые — за работой, жены крестоносцев пели скорбные песни разлуки:

Да сохранит Господь в стране
Языческой синьора мне.
Да возвратится он здоров
И весел под родимый кров.
И с ним все воины Христовы
Вернутся веселы, здоровы².

Юноши пели девушкам серенады, песни майских карнавалов и полусерьезные песни-советы, как выбрать жену:

Коль хочешь ты супругу взять,
Четыре вещи должен знать:
Во-первых, из семьи какой,
Второе — хороша ль собой,
И кроток нрав ее иль крут,
В-четвертых, что за ней дают.
Коль все четыре хороши,
Бог в помощь — под венец спеши.

Коммуны и победившие партии воспевали свои деяния, осмеивая побежденных, благодаря или порицая Бога за вендетту, но все это пелось на очень грубом, вульгарном языке, или на диалекте, вернее — на множестве диалектов, походивших друг на друга, как братья, а то и как близнецы, и ученые относились к песням с презрением из-за их невыносимой грубости. Образованные светские люди предпочитали латынь для занятий, провансальский — для поэзии, французский — для бесед и прозы.

Провансальский был особенно в моде. Его распространяли поэты — провансальцы, которые звались трубадурами. Они находили рифмы, и пели, аккомпанируя себе на лютне, а шли они из той прекрасной земли, которая протянулась дугой по берегу Средиземного моря, от Пиренеев до Альп. Там был мягкий климат, виноградники, оливковые рощи, цветущие луга и сады; там, в замках знатных феодалов, сменяли друг друга турниры, состязания, битвы стихов и придворные игры вокруг хозяйки и ее дам. Жизнь эта была слишком роскошной, занятия слишком веселыми, настолько веселыми, что все забыли пристойность и заповеди Божьи; величие куртуазной любви утратило силу, ложные мысли еретиков не встречали отпора и распространялись по всему Провансу, что и привело его в упадок. Провансальцы люди вольные, свобода у них в

² Здесь и далее перевод стихов Г. Дашевского (прим. перев.).

крови, но они не сумели сохранить чистоту нравов. Именно тогда трубадуры принесли к нам танцы, пасторали, сирвенты, песни о любви и о войне.

Но прежде трубадуры прославились по всей Италии полной приключений жизнью. Одним из самых необыкновенных был Рамбаут ди Вакерас³. Он был сыном обнищавшего рыцаря из графства Оранского, и сделал первые шаги «в поисках рифм» и в сражениях при дворе принца Гийома IV Оранского, а между 1185 и 1189 годами пришел в Италию, пришел неизвестно почему, с лютней в руках, и первые его годы были тяжелыми. В Генуе он тщетно добивался любви одной красотки повествуя о своих чувствах на нежном провансальском языке, она же бранила его на генуэзском диалекте и называла грязным бродягой. В Луниджиане он сцепился с маркизом Альберто Маласпина, который тоже «искал рифмы» на провансальском языке; он и кутил, и познал голод, а в Ломбардии его видели нищим.

Но при дворе Монферрато он обрел счастье. Ему оказал поддержку маркиз Бонифацио, и Рамбаут сопровождал его, преданно ему служил во всех его походах, вплоть до крестового похода в Святую Землю. Он сражался вместе с ним в Блakerне, у ворот Константинополя, в Македонии, в Эпире, воспевал его мужество и щедрость. Бонифацио, один из кондотьеров в Четвертом крестовом походе, подарил трубадуру много земель и большой доход в Салоникском царстве. Но трубадур, сделавшись вельможей, тосковал по своему прошлому, и среди красот античной Греции, чуждых сердцу средневекового христианина, среди эллинов, которых он называл грифонами, оплакивал годы своей бедственной юности, полной любовных страданий и приключений. Тогда он тайно обожал сестру своего синьора, Беатриче ди Монферрато, и воспевал ее под именем прекрасного рыцаря, потому что девица эта была отважна, как мужчина, скакала с соколом на руке, как охотник, и облачалась в доспехи своего брата. Беатриче, прекрасный рыцарь, умерла в тот год, когда ее брат и его невец отправились в заморскую страну, где встретили славу и смерть. Потеряв Беатриче и находясь вдали от своей родины, Рамбаут уже не смог утешиться. В Греции он пел: «Ни зима, ни весна, ни солнце не привлекают меня. Приключения кажутся мне бедами, блаженство — болью. Меня изнуряет бездействие, терзает ожидание...»

³ Мне вменяли в вину жизнеописание Рамбаута, как излишнее отступление. Рассказывая о необычной жизни трубадура, я хотела описать рыцарское Средневековье и показать, кем стал бы Франциск, следуй он этой жизни и этим нравам, — он ведь тоже родился в небогатой семье, а потому был честолюбив, стремился к приключениям.

«Что мне богатство? Я считал себя богатейшим, когда был любим. Тогда я любил эту высшую радость больше, чем все земли и имение, которыми владею сейчас. Чем больше моя сила, тем больше я гневаюсь и горюю, ибо возлюбленный мой рыцарь, а вместе с ним радость, покинули меня».

Трубадур, начавший свою жизнь скитальцем, а кончивший крупным феодалом, повидавший Прованс, Францию, Италию, Константинополь и Грецию, познавший идиллию и эпос, обладавший всем, чего только можно пожелать на этом свете, завершает жизнь песней, полной тоски и печали. Так и кончаются мирские радости.

КАРЛ ВЕЛИКИЙ И КОРОЛЬ АРТУР

Прекрасная гемуэзка, бросившая Рамбауту ди Вакерас слово «бродяга», знала, как его обидеть: ведь бродячий певец не сочинял стихов, а всего лишь пел чужие; он был исполнителем, который по сравнению с сочинителем иногда в несколько раз хуже, и как бы переписчиком в сравнении с писателем. И все же певец был заметной личностью. Он переходил из одного замка в другой с жигой или виолой, распространял песни трубадуров, военные и придворные новости, рассказывал о достопримечательностях всего света; дамы, скукавшие без мужей, находившихся в дальних походах и путешествиях, ждали певцов с нетерпением, а вельможи устраивали им пышные приемы, считая их людьми умными, способными на песни, шутки и удивительные выходки, преисполненными народного духа и поэзии, без которой нет полной гармонии и веселья на пиру. При дворе и в крупных феодальных замках певцу всегда находилось место, и если он был умен, он играл для безграмотных вельмож роль газеты и книги, если же был хитер, или более прост, нежели образован, то скорее роль шута.

Часто он не пел, а читал или рассказывал об Артуре, короле Британии, и о его рыцарях, равных меж собою, сидевших с ним за круглым столом, дабы не было среди них ни первого, ни последнего. Вместе замышляли они удивительные дела, помогали слабым, защищали дев, завоевывали земли, побеждали в турнирах самых сильных борцов, разрушали чары. Он рассказывал о честном рыцаре, отправившемся на поиски святого Грааля, драгоценного сосуда, в котором Иосиф Аримафейский сохранил кровь Христа, или о Ланселоте Озерном, который привез своему королю королеву Гиневру, или о Тристане, так горько страдавшем из-за белокурой Изольды, о чудесах Мерлина и о фее Моргане, о загадочном исчезновении короля Артура, который не погиб в битве, как людям казалось, а

уснул в глубине пещеры, быть может в сердце заснеженной, дымящейся Этны с огромным мечом на боку, готовый, когда придет час, ринуться в бой против саксонских завоевателей.

Певец читал или рассказывал, бароны слушали его у очага зимними вечерами, оставив на время мысли о битве, служанки приостанавливали веретено, дамы замирали в мечтах над вышиванием по тафте.

У народа тоже были свои певцы и сказители, которые останавливались на перекрестках и площадях, чтобы исполнить песни о Роланде. Они монотонно распевали множество строк с одной рифмой о том, как Роланд, племянник Карла Великого и Оливье, лучший из французских паладинов, был побежден в Ронсевале сарацинским войском из-за измены коварного рыцаря Ганелона, и о том, как отчаянно бились французы, но не сумели отразить сарацинов, о геройстве Роланда, который не захотел подуть в свой огромный рог Олифант, чей звук достигал края света, дабы позвать на помощь короля, и о смерти Оливье и архиепископа Турпина, который был предан своему сюзерену, как Богу, и до последней минуты воодушевлял сражавшихся, и как верный вассал не сдался живым, но умер, благословляя погибших, со вспоротым животом и разбитой головою. Они пели о том, как умер Роланд, как опоздал Карл Великий и увидел в лунном свете поле, покрытое рыцарями, которые погибли, подняв для крестного знамени руку и вонзив в землю мечи, похожие на лилии; пели о смерти прекрасной Альды, невесты Роланда, которая, узнав о кончине своего рыцаря, упала замертво, не промолвив ни слова.

Когда сказитель пел о доблестном Роланде и мудром Оливье, о прекраснородом Карле Великом и о Ринальде да Монталбано и об Огьере Датском, мальчишки сбегались и внимали ему широко раскрыв глаза, мечтая о турнирах, доспехах, боевых конях, о полях сражений и сверкании мечей, а крестьянки с младенцами на руках сбивались в кружок, а в час сиесты приходили из лавочек шерстобиты, портные, ткачи, золотых дел мастера, скромные и мудрые, в камзолах с пояском, и слушали, и фантазировали. Если же был час работы, они не бросали дела, но над склоненными головами, над ловкими проворными руками прокатывалась, сверкая, волна эпической песни.

ЕРЕТИКИ

Учение, песни, истории о войне и о любви были самой гуманной частью тогдашней жизни, век был очень жесток. Они доходили не до всех, а может и не было в них столько силы, чтобы утешить все души, особенно те, которые не могли удовлетвориться минутным облегчением, но лишь забывались и заглушали боль.

Контраст между религией и обычаями, между евангельской любовью и злобой толпы стал особенно непереносимым, когда Крестовые походы и странствия завели людей Запада в страну Иисусову, где, увидев Святые места, они ощутили, сколь живы Его деяния и Его учение.

С Востока пришла потребность обновлять веру, и к концу XII века появилось учение катаров. Катары называли себя так, ибо претендовали на чистоту в мыслях и поведении. Они приняли древнее еретическое учение манихеев и некоторые философские теории гностиков и неоплатоников и полагали, что мир разделен на два противоположных начала, добро и зло. Добро породило все духовное, прекрасное и чистое, а зло — все материальное, земное и чувственное. Противоборство двух начал отражено в каждом человеке — это его душа и тело. Душа есть добро, тело — зло, и борьба между ними продолжается до самой смерти. Но и эта борьба была не так важна для катаров, ибо они верили, что каждому человеку уготована определенная судьба, и каждый, родившись под своей звездой, уже предопределен для ада или рая. Верили они и в то, что самая страшная борьба между двумя началами, Богом и Сатаной, Христом и Антихристом начнется тогда, когда настанет конец света, и она близка.

Катары хотели противостоять злу, живя в нищете, как Апостолы и первые христианские общины. Они не признавали ни семьи, ни собственности, ни власти, ни церковной иерархии, ни таинств; они противопоставляли себя знати, богатым людям, духовенству, епископам и образовывали тайные общества, в которых собратья жили на всем общем и делились на низших и совершенных, на неопитов и старейшин. В секту не принимали тех, кто не прошел посвящения, совершалось же оно наложением рук. Члены секты были связаны тайной, касавшейся и веры, и практической жизни.

Учения эти распространялись быстро, особенно среди бедных горожан, ремесленников и торговцев; была в них искра социального недовольства, скрывавшаяся в вероучении, был новый мир, который они для себя открывали, была и тайна, в которую они погружались, и сила, которую они обретали мало-помалу, когда знать или вожди той или иной группировки в политических целях примыкали к ним.

Вероучения и дела катаров различались мало. Распространялись они во всех торговых центрах Европы, особенно разрастаясь в предместьях больших городов, и назывались странными именами: во Фландрии они именовали себя — *tisserands* — или ткачами, в Испании — *zabatai* — или оборванцами, в Савойе — *barbets*, в Дофине — лионскими бедняками, во Франции — *bougres*, то есть болгарами или цыганами.

Северная Италия принимала катаров повсеместно — первая сильная их организация обосновалась в Монтефорте, возле Асти. Милан стал их

прибежищем, и в Милане они звались патаринами, то есть старьевщиками или перепродавцами, так как Патария, где они, вероятно, собирались, была рынком, на котором торговали старьем; но они, еретики, говорили, что называют себя так, ибо это имя восходит к глаголу *pati*, «страдать» — ведь они готовы перенести любое страдание за свою веру, а квартал старьевщиков тут не при чем.

Секты еретиков появлялись и рассеивались по свету, словно сорная трава. В 1178 году один лионский торговец, Пьетро Вальдо, предстал перед папой Александром III, чтобы тот позволил ему проповедовать открыто на родном, простом языке, и папа согласился; но спустя шесть лет у него отняли это право, ибо проповедь его противоречила учению Церкви. Он сопротивлялся, и был предан анафеме. Вальденсы, его последователи, жили милостыней, ходили в рубище и сандалиях, проповедуя народу, порицая духовенство и осуждая Церковь. Выходцы из Ломбардии, умилати, чье учение не было только еретическим, считали непреложным правилом труд и жили, подражая апостолам.

Все эти секты будоражили Церковь, мир, умы, грозили бунтом и тиранией масс, а она не лучше единоличной тирании, до той поры существовавшей в империи, которая пала, как падают перья орла.

Катары и все их преемники, в смысле социальном, были большевиками тринадцатого столетия. Что же касается их религиозных утопий, то притязая продвинуть историю вперед, сами они двигались ей вспять.

ВЕРУЮЩИЕ

Выступая против роскоши и безнравственности, еретики были отчасти правы. Чрезмерной и надменной нищетой они хотели упрекнуть церковников, ибо представители духовенства иногда явно забывали Евангелие.

Были некоторые священники, которые жили мирской жизнью, у них была семья, некоторые вели дела, ухитрялись получать деньги, взимали с прихожан намного больше десятины, а кое-кто, не гнушался подторговывать Святыми Таинствами, получая прибыль, или ссориться с собратьями из-за церковных прав и завещаний. Бывали и клирики, которые переходили из одного университета в другой без высшего соизволения, пользуясь в пути гостеприимством монастырей, всегда предоставляющих приют странникам; там они получали даровые обеды, а в городах устраивали буйства как самые что ни на есть мирские студенты. Свыше шестисот лет одной из самых надежных опор Церкви был Орден святого Бенедикта, обращавший в свое время язычников, укрощавший варваров, превращавший античное общество в христианское и заселявший пустынные, разоренные

села. Этот Орден, живший молитвой и трудом, сохранял римское равновесие в монашестве и религиозном мире Запада благодаря своей скромности и доброжелательности. Он смог сблизить и соединить во Христе латинян и германцев, но крупные бенедиктинские аббатства, управлявшиеся первым уставом, созданным в Средние века, среди полного забвения законности, превращались в крупные поместья, и в некоторых местах их нельзя уже было отличить от феодальных замков. Аббаты имели титулы и часто жили в довольстве и пороке, самовластно управляя всем, словно принцы. Первосвященники призывали их упростить устав, скромнее одеваться, меньше есть, быть снисходительней к подчиненным, чтобы им не пришлось втянуться в жесточайшую борьбу между замками и монастырями, или между несколькими монастырями, — ведь ни один из них не смиритса с поражением и даже с подчинением. Страдали даже слуги монахов, хотя по праву считались привилегированными среди рабов.

Влияние бенедиктинцев ослабело не только из-за разложения монашества. Была еще одна причина, социальная. Рожденные в начале VI века, чтобы сохранить дух *domus cristiana*⁴ и порядок самоуправления в противоборстве римского духа и варварства; выросшие вместе с феодальным строем, чтобы противопоставить невежеству, насилию и грубости, царившим в замках, греко-латинский гуманизм, бенедиктинские аббатства служили примером добрых деяний Церкви в обществе, основанном на крупном землевладении, но, мало-помалу укрепив это общество, восприняли от него и дух, и форму.

В Италии XIII века прочно укоренился феодализм чужеземный, общество уже не было строго разделено на два класса — господ и рабов. Появился народ коммун. Замки были разорены и башни — разрушены, лишь монастыри оставались обособленными, монахи — чуждыми новому, ремесленному, торгующему обществу.

И в Церкви произошло то, что позднее произошло в военной тактике: войско подвижное, четко разделенное, легкое, предпочли бенедиктинскому тяжелому войску.

Из-за святости основателя, из-за гибкой мудрости законов, из-за постоянного сопутствия благодати, которая не уходила из Церкви, и присутствовала всегда и в институциях ее, и в созданиях Божьих, и в духовных дарах, бенедиктинцы могли бы стать в авангарде новой пехоты, что и бывало в некоторых местах. Но в Италии так не случилось, потому что многие аббатства утратили дух святого Бенедикта. Многие аббаты были уже не монахами, но мирскими властителями, захватившими этот титул, чтобы получать от него доходы.

⁴ христианская община (лат.).

Более всего духовенство нуждалось в возвращении к евангельскому духу. Слово «клирик» было синонимом образованности, но в учености многих клириков не было ничего от христианства. Латинская элегия, написанная в конце XII века, и посвященная переменчивости судьбы и утешению философией, служит образцом средневекового мышления. Автор ее, Генрих да Сеттимелло, приходской священник из Каленцано, что возле Прато противится жестокому и, возможно, несправедливому унижению, которое он претерпел от флорентийского епископа. Чтобы освободиться от страдания, которое тревожит его днем и ночью, он изыскивает наиболее тонкие аргументы в философии стоицизма, но он, священник, даже отдаленно не размышляет о философии Распятия. Гуманист прежде, чем словесник, он чувствует литературу больше, чем веру, любит классическое больше, чем Бога. Лучшие представители духовенства отдалялись от народа, если они удалялись от мыслей о Христе. Необходима была реформа, возврат к Евангелию и в жизни, и в проповеди тех, кто посвятил себя Богу.

АНТИХРИСТ

При виде стольких войн, разрушений, гонений, дурных нравов и печального конца Крестовых походов многим приходила на ум мысль о близком конце света, о том, что со дня на день должен родиться Антихрист, бес в человеческом обличьи, который будет обманывать людей ложными чудесами и обещаниями, дабы увлечь их к гибели перед Страшным судом. В первые годы XIII века один старый воин, рассказываясь в том, что слишком много участвовал в битвах между людьми, написал небольшую поэму, в которой рассказал о приходе Антихриста и о конце света как о событиях неизбежных и близких.

Антихрист, говорится в одном из первых памятников нашей литературы, — родится и вырастет в Вифсаиде и до тридцати лет проживет в безвестности, а потом сотворит неслыханные чудеса, которые убедят людей в том, что Господь наш Иисус вернулся на Землю, хотя все эти чудеса будут кознями дьявола: морские волны выйдут из берегов, реки побегут вспять, с неба пойдет огненный дождь, мертвые воскреснут, а живые в ужасе возопят: «О, Боже, создавший нас, смилуйся над нами! Помоги нам, ибо мы погибаем!»

Тогда папа соберет на Вселенский Собор вельмож со всего света, — французского императора, итальянского короля, епископов и аббатов, герцогов, маркизов и графов из всех земель, Антихрист же пришлет на это собрание своего посланника, по имени Нерон, который прибудет со

злыми чародеями (точное их число — шесть тысяч триста человек) и разобьет лагерь, конца которому не видно, с палатками, шатрами, покрытыми шелком. Зазвучат трубы, и посланник Антихриста, войдя в собрание, скажет:

«Слушайте, добрые люди, слушайте и внимайте! Пришло время, когда Антихрист должен управлять землей. Он ниспошлет вам здоровье, мир и веселие, тысячи ливров золота и множество других даров, если вы уничтожите церкви, алтари, проповедников, рассеете их по свету, дабы никто не осенил себя крестным знамением и не преклонился перед крестом, и никогда больше не служили мессу».

Слова его устрасят людей, они поймут, что попали в засаду, и святой папа благословит начало войны с Антихристом, доверив ее королю Италии: «Вперед, бароны, поднимайте знамя, с благословением бросайтесь в битву, снесите головы злым чародеям!»

А король Италии скажет: «Господа мои, ради всемогущего Бога, послушайте! Смешались века, и время пришло к концу! Близок конец света! Храбро бейтесь до последнего сражения. Пусть ваши острые мечи нанесут побольше ударов и навсегда прославят вас!»

Христианское войско перенесет войну за море, на Святую Землю, где в то время будет править Антихрист, и король Италии поведет одиннадцать тысяч рыцарей и знаменосцев с развевающимися стягами и стотридцатитысячную армию солдат с литанией на устах. Но оружие бессильно против чар. С неба упадет звезда и пройдет сквозь землю, из пещер выйдут ужасные драконы, разрывающие людей на части, так что бедный король Италии, несмотря на ободрения папы, уверится в том, что он рожден под дурной звездой, сдастся и предстанет при дворе Антихриста с криком: «Теперь я отказываюсь от царства, ты — король римлян!» Антихрист ответит: «Прекрасный сир, король Италии, ты могущественен и сердце мира у тебя в руках, ибо ты правишь великим Римом. Напрасно ты обвиняешь меня, ибо не знаешь обо мне правды. Я воскрешаю мертвых, исцеляю немощных, помогаю бедным, одеваю нагих, и тому, кто преклонится передо мною, дам золота, серебра и шелков. А кто не захочет, у того голова слетит с плеч. Но тебе, сир, я не скажу ничего дурного. Я дозволю тебе делать то, что ты захочешь».

Лживая доброта Антихриста приведет короля в отчаяние, и он, помолвившись над Гробом Господним, отречется от королевства, возвратит знамя папе, поцелует землю, осенил себя крестным знамением и возопит так громко, что кровь брызнет из его глаз: «Господи, помоги нам, ведь мы рабы Твои. Если Ты не поможешь нам, мы погибнем!»

Тогда Господь пошлет в Иерусалим двух ветхозаветных пророков — Еноха и Илию, которые будут яростно бороться против антихристовых учений, но

кончится это тем, что они умрут мученической смертью. Возгордившись, Антихрист пожелает волшебством вознестись на небо, но Бог, разгневавшись, пошлет Михаила Архангела, и тот сразит Антихриста, и сто тысяч дьяволов перенесут в преисподнюю его сожженное тело и проклятую душу.

Тогда воскреснут Енох и Илия, а через сорок дней мира (за это время добрые люди успеют очиститься от скверны) вправду придет конец света и Страшный суд.

Автор этой поэмы, Угуччоне да Лоди, человек военный, но было в нем тонкое религиозное и, можно сказать, скороспелое национальное чувство, раз он предоставил королю Италии вести последнюю битву против зла — ведь в те времена никто не мог так думать. В своем фантастическом видении он отразил не только воспоминания молодости и размышления старости, но реальность войны, и религиозный ужас своей эпохи. Понятно, что в это время вера, омраченная кошмаром Антихриста, не могла быть безоблачной.

*DE PROFUNDIS*⁵

Чем выше поднимаешься, тем яснее видишь. Одним из тех, чьи понятия о разуме и долге были высоки, и кто сумел с этой высоты разглядеть всю глубину пороков своего времени, был Лотарио, из графского рода Сеньи, впоследствии ставший выдающимся папой Иннокентием III. Родился он в замке Гавиньяно, в округе Сеньи, в 1160 году; в Болонье изучал юриспруденцию, в Париже — теологию; в тридцать лет стал кардиналом, и затем на семь лет добровольно уединился в своем замке в Ананьи, вплоть до того времени, когда после смерти Целестина III его избрали папой. Судьба оказала ему величайшую честь, одарив его необычайными дарами — тонким умом, благородством и богатством; но Иннокентий III страдал так, как немногие способны страдать, — он понимал человеческие бедствия и знал, как печально его время.

И действительно было о чем горевать. Он видел, что и во всей Италии, и в землях, зависимых от Рима, кипит борьба между знатью и народом, между феодалами и коммунами; как растет германское влияние во многих странах, которые после победы первой Ломбардской лиги должны были бы свободно самоуправляться; видел, что на права его питомца, Фридриха II, посягает Оттон Брунsvикский, а в южной Италии — Марковальдо, немецкий принц жесточайшего нрава, разграбивший, сжегший и разрушивший Молизе и Санино, вербуй к себе на службу сарацинов, то есть соединяя варварское тевтонское войско с мусульманским. За пределами Италии он видел насилие и деспотизм Филиппа

⁵ Из глубины (лат.).

Августа во Франции, Иоанна Безземельного — в Англии; видел Прованс, потрясенный ересью альбигойцев и Святую Землю под властью магометан, несмотря на Крестовые походы, которые уже не достигали своей истинной цели. Перед его глазами были села Европы и Италии, села, окружавшие Рим, разоренные войной и дороговизной; обедневшая знать, докатившаяся до нищеты, и бедняки от рождения обреченные на голод, и больные, брошенные на дорогах, и новорожденные младенцы, утопленные в Тибре, откуда их вылавливали лодочники.

Хотя он и заботился, как мог, о страждующих, раздавая пособия бедным, построив прекрасную, до сих пор сохранившуюся больницу Святого Духа, оказывая помощь и покровительство подкидышам, все же папа страдал от непомерной ноши бед человеческих и едва не дошел до отращения к жизни. Это он выразил в сочинении, названном «О презрении к миру», которое написал в Ананьи, еще до того, как стал папой.

Никто до него не описывал жизнь человеческую в таких темных тонах. Иннокентий III рассказывает о немощах плоти и крови с рождения и до смерти, с безжалостной откровенностью описывает болезни, хрупкую и мимолетную юность; он повествует о боли, которая поражает любой возраст и любое сословие, старых и молодых, бедных и богатых, слуг и господ, женатых и одиноких, мудрых и невежественных, добрых и злых; с иронией рассуждает о тщетном труде людей, чье существование длится один день, как детская забава; исследует наши грехи — гордыню, гнев, алчность, похоть, любовь к успеху и превосходству, любовь к изысканности и роскоши; наконец погружается в размышления о смерти. Ведь все эти желания, страдания, страсти, плен собственных чувств нужны лишь для того, чтобы в конце концов тело оказалось в могиле, превратилось в червей и прах, а душа устремилась в вечность, которая может оказаться ужасной, когда в ней нет благодати. С тех пор, как человек совершил первородный грех, с природой его произошло нечто противоестественное; так и кажется, что он — перевернутое дерево: волосы — корни, голова и шея — начало ствола, живот и грудь — продолжение, руки и ноги — ветки, пальцы — листья. И вот как кончается жизнь этих перевернутых растений! Размышлениями о смерти, аде и рае завершается эта достопамятная книга, вобравшая в себя самое трагическое, что было в средневековом мышлении.

Но автор «Презрения к миру» быть может создал и прекрасный гимн Святому Духу, который пели в церкви девять дней после Троицы: «Приди, Святый Дух, приди, Отец бедных, лучший Утешитель, долгожданный гость, сладостное облегчение! Без тебя нет в человеке ничего

доброто. Очисти, ороси, согрей нас, смири и исправь!»⁶. Это — стремление и надежда, это гимн замученных, вырывающихся за пределы собственного «я», чтобы слиться со Святым Духом. Пока человек углубляется в исследование наших бедствий, Первосвященник, вдохновленный Богом, зывал к Утешителю, обращая взор к Востоку.

ПРОРОК ИЗ КАЛАБРИИ

Не он один смотрел на Восток. Когда он четыре года был папой, в Калабрии умер монах-цистерцианец, предсказывавший новую эру, которая должна преобразовать мир. Звали его Иоахим Флорский, он родился между 1130 и 1145 годами в Челико, близ Козенцы; по мнению одних, он был из крестьян, другие же считают, что он знатного происхождения, и именно это способствовало тому, что он мог учиться и путешествовать. Он побывал в Греции и Палестине, Святой Земле, тяжело заболел, а излечившись, провел сорок дней в пещере на горе Фавор в посте и молитвах, с тем, чтобы, вернувшись в Италию, жить затворником. И впрямь, он уединился в лесистых лесах Калабрии, посвятив себя созерцанию и размышлениям, а потом стал монахом в цистерцианском монастыре Самбучина, в земле Бизиньяно, где изучал Святое Писание и проповедовал. За добродетель, строгий нрав и ученость его избрали аббатом Кораццо, близ Катанцаро, но активная жизнь настоятеля была не для него. Он бежал, укрылся на плоскогорье, самом высоком, лесистом и отдаленном в Калабрии, в Пьетралата нелла Сила, и целиком посвятил себя изучению Священных книг; но, хотя он и стремился к одиночеству, за ним и туда последовали преданные ему люди, и создали собственную конгрегацию, названную его именем.

Аббат Иоахим был скорее человеком мечты, нежели молитвы. Он словно вобрал в себя течение истории, давней и недавней, питавшей его; и что-то было в нем от философского аскетизма великой Греции, что-то от нордической фантазии, просочившейся вместе с норманнами, и от восточного фатализма, проникшего в Италию с арабами, а более всего — ощущение тайны, стремление к чистой духовности, которою леса на вершине горы делились с тем, кто жил среди них. Иоахиму мечталось, что мировая история делится на три эпохи, по трем лучам Святой Троицы. Первая, уже ушедшая в прошлое, соответствует Ветхому Завету и отличается от других тем, что управляет ею Отец. Вторая относится к Новому Завету, правит ею Сын; в ней учреждены Церковь и таинства, а

⁶ Перевод прозаический.

закончится она в 1260 году. Третья, начинающаяся с этого года, станет эпохой Святого Духа; и духовные люди разовьют идеи Евангелия, и будет она совершенной и вечной.

Аббат Иоахим дал волю своему поэтическому воображению и описал, как поэт, три эпохи, возникшие в его сознании. Он рассказывал: первая — эпоха царей, патриархов, женатых людей, вторая — священнослужителей, третья — монахов; первая — эпоха рабского подчинения, вторая — сыновьего послушания, третья — свободы; первая — эпоха рабов, вторая — сыновей, третья — друзей Божьих; первая — эпоха страха, вторая — веры, третья — любви. Он сравнивал первый период с зимой, звездами и крапивой; второй — с весной, рассветом и розой; третий — с летом, днем и лилиями. Преисполнившись такими идеями, он комментировал Евангелие и Откровение. Его наставления и книги распространялись с огромной быстротой, они были по душе и людям мирским, и еретикам, ибо, хотя и без злого умысла, они подрывали авторитет Церкви и превозносили монашество. Нравились они и потому, что обещали наступление новой эры, а это в высшей степени привлекало и толпы людей суеверных, жаждущих чуда и немногих мистиков. Ему приписывали предсказания, никогда ему не принадлежавшие. Многие почитали его как святого, Церковь же осудила его. Но, отбросив в сторону теологические заблуждения и фантастические построения, можно сказать, что одинокий голос, чей отзвук отдавался до Возрождения, тогда, на пороге XIII века, был рассветной песнью.

ОЖИДАНИЕ

В конце XII — начале XIII века Италия охвачена ожиданием. Угуччоне да Лоди ждет Антихриста и светопредставления; Иннокентий III, глубоко веруя, взывает к Святому Духу; Иоахим Флорский ждет святых времен. Три человека, три голоса, три части Италии — голос Севера, суровый и устрашающий; голос юга, пылкий и мечтательный; голос самого сердца Италии и всего мира, голос Рима, голос Божий. Иннокентий III, который криком отчаяния подводит итог Средневековью и вступает в новую эру, завершая разрушительный, искупительный период христианства, чтобы открыть новый, созидательный и освободительный, — Иннокентий III через несколько лет увидит человека, жалкого с виду, но столь великого духом, что поверит: перевернутое растение человечества возродится, выпрямится, вырастет корнями в землю, листвой устремится к небу. Человеком этим будет Франциск Ассизский.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МЕЖДУ МИРОМ И БОГОМ

УМБРИЯ

В центре нашего полуострова, в самом его сердце — ведь море ни с одной стороны туда не подходит — находится местность, которая называется Умбрия. Тот, кто майским утром смотрит со стороны Перуджи на сполетанскую долину, на холмы, покрытые бархатом молодой зелени, на поросший лесом хребет горы Мальбе, подумает: зеленая Умбрия. Смотрящий со стороны Губбио, Ночеры, Гуальдо, Нарини увидит скалистую горную цепь, голые вершины и хребты, которые в полдень окрашиваются в агатовый цвет, на закате они аметистовые или берилловые, а перед бурей — цвета железа. Он увидит шероховатые холмы, покрытые степной растительностью, с кипарисом и колоколенкой на вершине, извилистые горные потоки, а на отмелях — булыжники, белеющие, будто черепа, и подумает: страна страстей и мучения.

Но тот, кому видно из Монтефанно или Тоди величие плавных спусков гор, тот, кому внятно непередаваемое слово успокоения, которое они умеют сказать замученной душе; тот, кому из Ассизи, из Читта ди Пьеве, из той же Перуджи видны на горизонте горы, громадные и бескрайние, как море; тот, кто на пустынных берегах Тразименского озера, скрывающего в своем молчании память о сумятице войн, или перед чистыми водами Клитунно, захочет прочитать молитву, скажет: «Святая страна!»

Природа Умбрии состоит из контрастов — она сладкая и терпкая, святая и дикая. История ее подобна природе: отсюда родом великие основатели западных Орденов — святой Бенедикт и святой Франциск; отсюда и

великие полководцы Бьордо Микелотти, Браччо Фортебраччо, Никколо Пиччинино, Гаттамелата; отсюда и великие юристы — например, Бальдо дельи Убальди — которые принесли славу перуджинской учености. В этих образах, столь несхожих между собой, проступают и словно возрождаются характерные черты народов, населявших эту землю тысячи лет назад и оставивших след в истории местной цивилизации, которая знала умбров, сражавшихся в жесточайших поединках, этрусков, занимавшихся разгадкой вечности, римлян, мастеров законодательства. Из этого этнического слоя, на протяжении веков выходили военачальники, религиозные деятели, юристы, солдаты, священники, судьи, люди с виду противоположные, но связанные единством в своем многообразии, ибо святые — это воинство, воинство — это дисциплина, а дисциплина — правосудие.

Святые тех мест, необыкновеннейшие люди, вобрали в себя дух древних племен, возвысив его — они были скорее деятелями, нежели учеными. Они любили, молились, трудились, славя Бога и жертвуя собой ради ближнего с воинствующей самоотверженностью. Но воинами они не были, не шли с войсками в битву, и жили не только трудом, хотя и не погружались целиком в созерцание. Они стремились не только к покаянию, и к восторжению стремились не всегда. Чаще всего их отличало романское чувство меры, итальянский дух гармонии. Они с величайшим смирением воспринимали и бури, и победы. Это смирение излучает их земля, и думая об Умбрии, люди прибавляют: «смирренная».

Она смиренна, как олива.

Оливковое дерево — дерево Умбрии. Серо-зеленые ожерелья олив обвивают холмы, спускаясь к озерам, они карабкаются по горам, пока их не отбросит холод, им нужно совсем немного земли и корнями они охватывают скалы. Самые крупные из них — маленькие деревца, разлапистые, дуплистые, им легко сопротивляться суровому климату, у них нет ствола, есть лишь пористая, сучковатая, узловатая кора, и по ночам они кажутся душами страждущих, воздевающими руки к звездам. Из-за них умбрийский пейзаж печален, зато они дают в изобилии благоуханное масло, светлое, как солнце. Если главное в Умбрии — покой, то покой этот рожден в муках, как и оливковое дерево.

АССИЗИ

Ассизи — жемчужина Умбрии. Издалека это горстка домов, разбросанных по западному склону Субазиио — ребристой, наполовину голой горы, возвышающейся на сполетанской долине. Вблизи городок виден лучше — несколько коротких и ровных улиц, параллельных подъему горы, и

множество крутых улочек, старающихся покорить крутизну, бегущих вверх и вниз, лавируя между домами, которые приспособляются к склону как могут. Иногда, с одной стороны у них четыре или пять этажей, с другой — только дверь да крыша. Кто хоть раз прошел по этим улицам, никогда их не забудет. Узкие, беспорядочные, пустынные — что же в них красивого? Дома небольшие, но разнообразные: один из почерневшего травертина, другой — из того розового камня, который добывают в Субазио; один — обвалившийся, другой — низкий, третий — высокий, у четвертого разрушена башенка. Кое-где встречаются и дома железного цвета, угловатые, резкие, закрытые, сумрачные, словно зашнурованные наглухо, или забаррикадированные от врага — настоящие крепости. Другие — дома гладкие, чистые, с редкими окошками за двойной решеткой — это монастыри. Проходившие века меняли вкусы владельцев; двери и окна хранят эти следы: внутри остроконечного свода, где камни выложены расходящимися лучами видна ренессанская арка, внутри арки — современный прямоугольный дом.

Дома эти не похожи на нынешние многоэтажки, по улицам не проехать автомобиль — они обрывисты и развединыны, они неприглядны, но в ясную погоду голубое небо темнеет, синева обрамляет пейзаж, неожиданно являющийся в глубине арки, а на окнах ворожат помнящие старину герани. Вот-вот кипарис, возвышающийся над садовой оградой, смоковница, оливковое дерево между двумя домами, или ручеек, звенящий в тишине, напомнят нам о Востоке. Но здесь так много строгости и сосредоточенности, что становится ясно: это не Восток. Улицы чистые, но не вычищенные, скорее простые — но не старинные; в бедности их — благородство, в молчании — молитва. Не Восток, а загадочная Италия внимательно смотрит на нас.

Весь пейзаж предрасполагает к молитве. На плечах Ассизи лежит огромный, каменный хребет Субазио, который выдается лесистым валом, изрытым извиистой Тешо; на вершине его можно размышлять о мировой справедливости. Впереди возделанная долина, расчерченная участками зеленой и коричневой земли, на горизонте — горы и горы, четыре или пять горных цепей, они постепенно теряются из виду и меняют оттенок от ярко-синего до сиреневого в соответствии с освещением неба и временем суток. Издалека они кажутся маленькими и не унижают нас, как высокие горы, а поскольку они прекрасны, нам хочется преодолеть свою незначительность. Горы говорят: и ты должен возвыситься; небо говорит: и ты должен быть чист! И горы и небо обращают нас к красоте, еще бесконечно большей, чем та, которую нам дано увидеть. Потребность в этой красоте столь сильна, что не возможно удержаться от безмолвного восклицания: «О, Боже мой!»

ДОМАШНИЙ ОЧАГ

Ассизи — орленок германского орла. В 1160 году Фридрих Барбаросса защитил его, выпустив закон о феодальном самоуправлении, но, чтобы опутать городок еще крепче, он в 1177 году передал его во владение преданнейшему герцогу Конраду Лютценскому. Но орленок, который со времен языческого храма Минервы и до времен христианского храма Сан Руфино, охранял костяк и древнего и нового Рима — взломал имперскую скорлупу, выбросил знатных гиббелинов из родовых замков, и пожелал жить на свободе.

Две чисто латинские силы помогали ему освободиться: вера его епископов и деньги его торговцев. Развитие Ассизи — типичный пример «эмбриогенеза» коммун.

В самом центре, недалеко от пьядца дель Пополо, где до сих пор возвышается коринфский портик античного храма Минервы, стоял в конце XII века дом торговца тканями, Пьетро Бернардоне. Это был красивый четырехэтажный дом с железными столбиками вокруг, чтобы привязывать лошадей, с крюками на окнах, с кольцами для факелов на стенах, с четырьмя высокими остроконечными дверьми, которые вели на склад и в лавку, и с узкой дверкой, которая вела в дом. Она была приподнята над землей и войти в нее можно было при помощи особой лестницы, вроде подъемного моста — необходимая предосторожность против городских беспорядков, обычных для того времени.

Пьетро Бернардоне был сметливым торговцем, он вывозил из Франции тюки нечесанной шерсти, чтобы ее остричь, сворсовать, разрезать; ведь промышленность Италии процветала. Однажды вместе с деньгами и узлами шерсти, он привез жену, мадонну Пику — была она знатного рода, нежная и утонченная, тогда как супруг ее был суровым, алчным и грубым. Во время одного из обычных странствий Пьетро мадонна Пика родила ребенка, которому при крещении дали имя Джованни, но отец, вернувшись, изменил его — то ли из благодарности французской земле, то ли из желания выделиться, обычного для людей нового типа (а возможно — и для того, чтобы досадить жене) и пожелал назвать сына именем «Франциск», по меньшей мере редким в те времена. Франциск рос чистым и великодушным ребенком, семья нежно любила его, хотя иногда потеряв терпение, родители и ругали его за то, что он все раздаривал.

— Мы сделаем из него умелого торговца! — говорил мессер Пьетро, который не мог дождаться часа, когда сын будет помогать ему в делах.

— Мы сделаем из него доблестного рыцаря, с Божьей душой, — думала мадонна Пика, втайне мечтая о садах своей родины и об изысканных французских манерах.

Мальчик учился у отца хитростям и опасностям торгового дела, а у матери молитвам и вере, песням трубадуров, рассказам о короле Артуре и о его рыцарях. От ученых клириков в школе Сан Джорджио он узнал латынь и арифметику; но часто он ускользал от латыни, торгового склада и сладостных материнских слов, и бежал на площадь, чтобы послушать бродячего певца, который пел о мужественном Роланде и мудром Оливье, или же увидеть, как проходят рыцари из Швеции, приглашенные Конрадом Лютценским, императорским ставленником, который в управляемой им крепости, воспитывал маленького Фридриха II. Эти рыцари крепко сидели в седлах, и доспехи на них сверкали, а на гребнях шлемов красовался серебряный орел. Франциск приходил в смятение. «И я, и я буду рыцарем!» — думал он, и черные глаза его, словно глаза орла, смотрели куда-то вдаль.

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

В возрасте двадцати лет Франциск чувствовал себя богатым и почти свободным. Выученный отцом, он преуспевал в делах, не из-за хитрости, присущей торговцу, но потому, что умел найти подход к клиентам. В его такте не было и тени меркантильности. Он был наделен обаянием. Тот, кто говорил с ним, поступал так, как он скажет. Не был он и скрягой, как отец. Пьетро зарабатывал деньги, чтобы копить их, Франциск — чтобы тратить. От матери он унаследовал нежное сердце и хорошие манеры, вкус ко всему прекрасному, потребность в изяществе, страстную любовь к музыке, поэзии, веселой и блестящей жизни. Он был до вычурности наряжен и расточителен до мотовства. Из самых дорогих материй, которые он находил на отцовском складе, он заказывал себе платья по последнему слову французской моды, а все деньги, которые он зарабатывал и которыми его щедро одаривали родители, тратил на обеды и кавалькады, игры и дружеские вечеринки, так как кроме страсти к чудачествам была в нем еще и нежная, пылкая любовь к друзьям. Он хотел поделиться с другими деньгами и радостью, чтобы развлекаться и развлекать, наслаждаться и доставлять наслаждение другим. К друзьям он был привязан настолько, что нередко поднимался из-за стола, не дождавшись конца обеда, и убегал с веселой компанией, оставляя брюзжащих родителей. Но в глубине души родители не были на него в обиде, даже если он и подшучивал над ними.

— Падре Пьетро, — говорили отцу соседи, — вы и не знаете, какой ваш сын сшил себе костюм. Одна его часть — из самой негодной ткани, а другая — из самой дорогой.

— Ох, и глупый мальчишка... — бормотал отец, но самолюбию торговца, мечтавшего войти в доверие ко всей знати, льстило то, что сын его на всех праздниках лучший, и зовется «цвет юношей».

— Осторожней, — нашептывали подружки мадонне Пике. — Ваш Франциск сорит деньгами, он за всех расплачивается, так что вы скоро по миру пойдете!

Но мать кротко отвечала:

— А как по-вашему, что выйдет из моего сына? Увидите, он будет Божьим чадом.

У матери вешее сердце. Весь город любил жизнерадостного, прекрасного юношу. Был в Ассизи один полубезумный нищий, который, завидив Франциска на улице, поспешно расстилал у него под ногами свой плащ, крича «Мира тебе и добра!», а «цветок юношей» проходил мимо, но в душе твердо верил, что его ждет великое будущее.

ДОБЛЕСТЬ И ДОБРОТА

Он был веселым, но не бывал развязным. Грубости, ругательства и вульгарность были ему так же противны, как и грязное платье, пятна жира и вина на скатерти, ибо он был утончен в мыслях более, чем в одежде, а красоту души ценил выше, чем красоту вещей. Когда кто-либо из его приятелей произносил нелепые речи, Франциск не упрекал его и не возмущался, а поступал куда лучше — молчал. Молчал, будто отсутствовал, так как, по его мнению, многое не заслуживало ни внимания, ни ответа, и приятель понимал это и стыдился своих слов.

Он был учтив со всеми и от природы, и потому, что хотел стать рыцарем. Лишь однажды ему случилось прогнать нищего, появившегося в лавке, когда там было особенно много народа. «Смилуйся, ради Бога!» — зарыдал бедняк в лохмотьях, стоя в толпе покупателей, собравшихся возле прилавка. «Ради Бога!» Эти обычные слова проникли в душу юноши, он словно впервые понял их смысл, и боль пронзила его сердце. «Если бы этот бедняк попросил у тебя милостыню ради великого принца, — сказал он себе, — ты дал бы вчетверо больше, чтобы ему услужить. Как же ты можешь отказывать, если тебя просят от имени Царя всех царей? Не должен ли ты быть щедрей и великодушной, чем всегда, чтобы воздать Ему хвалу?»

В его добросердечии и изяществе не было тщеславия, он просто хотел делать хорошо все, что ему нужно было делать и всегда быть первым. Для того, чтобы заслужить похвалу? Нет, чтобы нравиться людям. Для того, чтобы ему подчинялись? Нет, чтобы его любили.

Хотя и был он богат, изнежен, избалован, он не предпочитал свое спокойствие и свои желания всеобщему благу. Это проявилось в 1198 году, когда герцог Конрад вынужден был отдать Иннокентию III герцогство Сполето и графство Ассизи. Ассизцы воспользовались этим: разъяренный народ разнес крепость, возвышавшуюся над городом, бывшую резиденцию германских властей; но, проявив такую отвагу, они поняли, что надо защитить Ассизи от возможной мести германцев. Тогда консулы, в тот год впервые избранные правителями свободной коммуны, вынесли решение: обнести город крепкой стеной, с башнями и валами вокруг, согласно фортификационному искусству и военной науке того времени. Сделать это надо было быстро, очень быстро, не дожидаясь нападения, и всех горожан — бедных и богатых, старых и молодых призвали к этой срочной работе. И Франциск, оставив дела в лавке, с горячностью, свойственной семнадцатилетним, научился таскать камни, перемешивать известь, ловко работать мастерком. В этой работе он был так же проворен, как и в торговле и развлечении, ибо в любое дело вкладывал душу. Франциск клал стену и пел, вовлекая приятелей в работу, словно в игру и восхищая их какой-то рыцарской отвагой, сквозившей в каждом его движении.

ГОД В ТЕМНИЦЕ

После разрушения крепости представители знати, принявшие сторону императора, подверглись нападениям и преследованиям. Замки Сассороссо, Аугурамонте, Сан Савино рухнули от меча и огня разъяренных нуворишей. Городские дома защищали рыцари в латах, но и они уступили выстрелам лучников коммуны, дубинкам и топорам мастеровых. Бежавшая знать отомстила за себя, испросив помощи у перуджинцев, и пообещав покровительство их городу. Могущественных перуджинцев не стоило просить дважды — они начали войну против Ассизи. Войско ассизцев, состоявшее из знати, сохранившей верность коммуне, из торговцев и бедноты, не смогло дать отпор перуджинской пехоте, хорошо обученной и снаряженной, и у Коллестраде, у берегов Тибра, на небольшой возвышенности, ассизцев разбили наголову. Среди пленников оказался и Франциск. Его переправили в Перуджу и заперли в темнице на Кампо ди Батталья вместе с несколькими знатными юношами — возможно, победители заметили в его повадках и внешности скорее знатного человека, нежели торговца, а может быть, они понадеялись на то, что отец выкупит его за крупную сумму.

Так Франциск, любивший свободу больше, чем жизнь, оказался запертым в четырех стенах среди знатных спесивцев не желавших принять его в свое общество. Они словно бы говорили: «Прочь от нас! В твоих руках

кошель с деньгами, но городской герб наш. Ты можешь быть богат, но мы — высокородны». А он сквозь решетку видел крутой склон холма над долиной Субазьо, озаренный нимбом всходящего солнца, и Ассизи, где плача ждала его мать, но сам не плакал. Никогда не читавший Сенеку, так как книги не очень привлекали его, он знал, что человек великой души не плачет — чем больше ударов он получает от судьбы, тем громче он поет. Рыцари не сдаются. Его товарищи — знатные рыцари, в столь кратком заключении уже пали духом! Но он не падет духом, ведь в его жилах течет кровь народа. Он пел самые прекрасные песни Франции, самые нежные баллады Прованса; он пел, и от этого пения, от его радости казалось, что солнечный луч проник в темницу. Франциск завоевал сердца товарищей. Завоевал он и сердце одного рыцаря, человека мрачного, надменного и неприветливого, мизантропа, ни с кем не говорившего. Но Франциск преисполнился жалости к этому надменному человеку и был единственным, кто смог найти к нему подход; своей вежливостью и добросердечием он примирил его с другими пленниками, сделал терпимой жизнь в темнице.

«Как это тебе, Франциск, удалось укротить дикаря?» — спрашивал его один из пленников. — «Какого черта ты поешь в темнице?» — спрашивал другой. — «Что вам известно обо мне? — отвечал юноша. — Меня будет почитать весь мир! Я стану святым».

«Безумец!» — решили товарищи. Он не был безумцем, он был пророком.

СЛАВА

Франциск приобрел военный опыт, провел год в заключении вместе со знатными людьми; после этого привычная жизнь уже не устраивала его. Стоило ли весь день трудиться, чтобы вечером предаться развлечениям? Такое вознаграждение за труд нелепо, но и всякий труд бессмыслен и скучен, если трудишься ради вознаграждения.

Теперь Франциск чувствовал радость от застолья и веселой болтовни лишь в том случае, если это было наградой за битву — когда нет риска, нет и радости. Битва закончена, пора очиститься от пыли и крови и в награду закатить пир в шатре, с друзьями, за чашей кипрского вина, чтобы на этом пиру трувер пел песни, и песни эти достигли сердца прекрасной дамы. Вот это настоящая жизнь, а не то, пустое существование, когда дни заполнены торговлей и кутежами, в которых можно обрести ничтожную славу такого маленького городка, как Ассизи.

Франциск хотел сделаться знатным. Сколько их, еще менее знатных чем он, стали рыцарями и прославились, сопровождая в походах славных вождей! Оружие открывает путь к славе. События тех времен и разговоры, звучавшие вокруг, разжигали его мечту. В лавку заходили купцы и соблазняли его рассказами: «Венецианский флот снялся с якоря и плывет на Восток. Двести пятьдесят кораблей с рыцарями и солдатами, семьдесят — с продовольствием, пятьдесят галер. Самые прекрасные сиры Франции преклонили колена перед дожем в храме Святого Марка, чтобы испросить у него корабли. Везет же этим венецианским купцам!»

Неужели Франциску так и не представится случай отправиться в поход, на поиски славы? Представится, когда один знатный человек из Ассизи будет набирать войско солдат и рыцарей для Гуальтери ди Бриенне — он сражался в Апулии за права Церкви, защищая их от Марковальдо, который хотел лишить папу опекунства над императором Фридрихом II. Франциск тут же приготовил себе боевое снаряжение на зависть любому принцу. Родители не возражали — быть может, военная дисциплина образумит сорванца; быть может, он будет биться так же доблестно, как французская знать и венецианские купцы. Франциск в этом не сомневался. Но накануне отбытия он узнал, что один знатный рыцарь из Ассизи, разоренный войной, не может участвовать в походе, ибо в его снаряжении многого не достает. Франциск тут же подарил ему самые красивые свои доспехи, чтобы тот не унизился перед людьми своего сословия. Но ведь и сам он так хотел привлечь к себе внимание! Доброта победила в нем тщеславие.

В следующую ночь, словно в вознаграждение за жертву, Франциск увидел странный сон. Ему приснилось, будто кто-то позвал его по имени и ввел в чудесный дворец, полный разных доспехов. Там были оружие, щиты, знамена, трофеи — каждая комната походила на боевой зал.

— Кому принадлежит это оружие и этот прекрасный дворец?

— Тебе, — отвечал неведомый голос, — тебе и твоим рыцарям. Франциск пробудился, трепеща от радости. Он станет не только рыцарем, он станет кондотьером! С таким предчувствием он отправился в Апулию, но ему пришлось остановиться в Сполето. Он захворал. И в лихорадочном сне он услышал тот же таинственный голос:

— Франциск, кто может сделать для тебя больше: господин или слуга?

— Господин.

— Так почему же ты оставляешь господина ради слуги и принца ради вассала?

— О, Господь, — ответил трепещущий Франциск, — что я должен для Тебя сделать?

— Возвращайся в Ассизи и скажу тебе все, что надлежит тебе исполнить. Свой предыдущий сон ты должен переосмыслить заново.

Франциск больше не мог сомкнуть глаз в эту ночь. На рассвете он тихо пошел по дороге в Ассизи, размышляя в сердце над услышанным: значит, существует иное воинство, иные битвы, иная слава.

Жители Ассизи, которые видели его отправлявшимся в путь с рыцарской отвагой, только покачивали головами: да у него семь пятниц на неделе.

Но Франциск уже догадывался о пути истинной жизни и своем призвании, и с верой и надеждой ждал повелений Господа и размышлял о них.

ЛЮБОВЬ

Перемену он ощутил еще до этой ночи. Давно ощущал он смутное волнение, но причину не мог определить. Веселую жизнь, к которой он возвратился по окончании войны, нарушила болезнь, от которой он едва не умер. Он излечился, и так как смерть — хороший воспитатель, он, встав с постели и передвигаясь по дому с тростью, чувствовал томление, которое порождало в нем, веселой натуре, отвращение к жизни. Однажды солнечным утром он впервые вышел за ворота. Покрытая зеленью долина, огромный хребет Субазлио, видневшийся в синеве, гряда дальних гор — все показалось ему обновленным, возродившимся вместе с ним, все трепетало и жило на солнце, ручейки, лютики, ящерицы. Покрытый жаркой испариной выздоровления, он почувствовал, что сердце его исходит нежностью и сладостной болью. Он ощущал боль, ибо прекрасное — вокруг него, а он никогда не сможет вобрать это в себя. Эта красота, как и душа всего, что окружало Франциска, ускользала от него. А между тем все беспрестанно менялось. Хмурилось небо, цветы склоняли головки, листья опадали и горы окутывались туманом — если сейчас все улыбается, то потом станет отвратительным.

Так бывает и с друзьями, они любят тебя или не любят по настроению. Ты никогда не узнаешь, что на самом деле они думают о тебе, никогда не сможешь быть уверен, что сегодняшняя привязанность продлится до завтра.

Можно ли привязываться сердцем к тому, что есть сегодня, но не будет завтра? К кому же, к чему ты можешь обратить свое сердце, кому можешь дать обет вечной любви: «Все тебе и навсегда»? А если и сердце переменится, как все вокруг? А если, пообещав, оно не выполнит обещания?

С того дня он твердо решил стать воином, войти в армейскую жизнь, чтобы подавить отвращение к себе самому и к повседневности. Но с тех пор, как в Сполето ему явилось во сне чудесное предначертание, этот путь для него закрылся. Как же быть? И он вновь поддался легкомысленным бездельникам. Он больше не развлекался, но с радостью развлекал других. Как-то ночью, после великолепного пира, на котором его увенчали короной, веселая компания тихими улочками возвращалась домой, распевая серенады под аккомпанемент лютен и виол. Франциск замыкал процессию, он рассеянно нес вербеновый жезл. Остальные ушли далеко вперед, упоенные любовными песнями, он же размышлял о том сне, в котором явилось ему оружие и голос призывал его к неведомым доселе подвигам. К каким же?

Внезапно пришла догадка. А что, если слава его — на том поприще, о котором он меньше всего задумывался? Быть может для того, чтобы Всевышний его полюбил, нужно презреть все, что возвеличивает в глазах людей? Быть может враги не окружают его, они внутри, в нем самом? Быть может богатство — в нищете, слава — в презрении, любовь — в смерти? Он был настолько поглощен этими мыслями, что брел один, позабыв обо всем, но тут весельчаки заметили, что он куда-то делся: «Где наш Франциск?»

Друзья вернулись назад, один из них пошел рядом с ним и, похлопывая его по плечу, спросил, смеясь: «Франциск, да не влюбился ли ты?»

Влюбился? Да, это именно то слово, но влюбился он в тот идеал, который никто до него кроме Христа не любил сильнее. Слова друга помогли ему воплотить свою идею и теперь он ею обладал, и он обнял ее, словно невесту, которую никто никогда не отнимет.

— Да, — отвечал он, — я влюблен, и моя дама — прекраснейшая из прекрасных Ассизи.

Прятели подтрунивали над ним, гадая:

— Это монна Лаудамия, монна Ортолана?

Франциск стоял неподвижно, смотрел на звезды и видел Бедность, пригвожденную к кресту. Христос ниспослал ему невесту.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С БЕДНОСТЬЮ

Той ночью Франциск понял, что господином его будет не Гуальтьери ди Бриенне, не Фридрих II и никакой другой земной властитель, но Иисус Христос. Если знак его Господина — это крест, он последует за ним, если возлюбленная Его — Нищета, он обручится с нею. Он был настолько

поглощен новыми мыслями, что уже не мог находиться среди людей, и бродил в одиночестве по пустынным улицам, чтобы лучше все обдумать — так обладатель сокровищ прячется, чтобы пересчитывать их и любоваться ими. От мыслей Франциск перешел к действиям, ведь он был не из тех, кто, увидев смутные очертания идеала, говорит: «А смогу ли я достичь его?», или же довольствуется созерцанием, а созерцая, воображает себя в действии. Он тотчас же попытался сделать все, чтобы стать преданным служителем Христа как можно быстрее.

Он начал с бедняков. В те времена их было много на дорогах, гонимых нуждой, войной и лишениями. Скольких бы он не встречал на улице, сколько бы ни приходило к нему в лавку — он подавал всем, не скупясь, как раньше одаривал друзей. Когда в порыве щедрости, он обнаруживал, что у него нет больше денег, он отдавал пряжу, пояс, плащ или берет, а когда ему нечего было отдать из верхней одежды, он уходил, раздевался, и выносил рубашку. Как-то раз, в отсутствие мессера Пьетро, мадонна Пика обнаружила, что стол завален множеством хлебцев — их хватило бы на семью, вдвое большую чем у них.

— Для чего тебе столько хлеба, милый Франциск?

— Для бедняков, мама. Я обещал давать милостыню всем, кто попросит.

Не говоря ни слова, мать с нежностью посмотрела на своего любимца. Франциск, который прежде так искренне любил друзей, чувствовал, что сердце его разрывается. Теперь он запрещал себе все, что раньше доставляло ему радость — внимание друзей, изысканность манер, роскошные подарки, которые всегда будто предугадывали желание и следовали вкусу тех, кому они предназначались. Но ведь Господь сказал ясно, чтобы мы давали всем, поили малых сих чашею холодной воды. «...Так как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне»¹. Нужно служить бедным, чтобы служить Богу, ибо они — Его посланники.

Но любовь к бедным не означает любви к бедности. Ты богат, радостен и щедр, пока не познаешь нужду, пока не унизишь себя прощением — лишь тогда ты узнаешь нищету, но в Ассизи это было невозможно.

Тогда задумал он совершить паломничество в Рим — вероятно, он решил это после того, как жители Ассизи под предводительством епископа Гвидо, в 1205 году, отправились за великой индульгенцией, обещанной Иннокентием III тем, кто посетит могилу апостола Петра. В то время ассизцы были в немилости у папы за то, что пошли против Церкви, избрав подеста — еретика и гибеллина, и надеялись, совершив паломничество, обрести спокойствие и прощение.

¹ Мтф. 25, 40.

Франциск отправился в путь с дорожным мешком, который туго набила заботливая мать — он привык чувствовать уверенность и в самом себе, и в окружающем, свойственную богатым людям, и не осмеливался путешествовать без денег. Из маленького городка Ассизи он по Фламиниевой дороге пришел в Рим, возможно, впервые в жизни. В храме святого Петра он сразу же ощутил величие веры у гробницы Апостола, но, когда он увидел, что странники оставляют гроши, волна барской щедрости захлестнула его сердце. Он сказал себе: «Главному апостолу надо оказать великий почет, что же они дают ему столь ничтожную милостыню?»

Он порывисто выхватил из мешка горсть монет и бросил их к решетке алтаря у подножия гробницы. Монеты запрыгали и покатались по мрамору, гулко отдаваясь золотым эхом. Все странники обернулись на щедрого незнакомца. Франциск тут же пожалел о том, что совершил столь вызывающий поступок, и, словно желая наказать себя (тем более, что у него не осталось ни гроша), протиснулся в толпу нищих, которые занимали весь атриум храма, и предложил самому жалкому из них: «Давай обменяемся одеждой».

Сказано — сделано: сняв камзол тончайшего сукна, он надел нищенский плащ с капюшоном, изорванный, залатанный, лоснящийся от солевых пятен.

Франциск был человек опрятный и изнеженный, он содрогнулся, но победил себя. Более того: скрываясь под отвратительными одеждами, он — самый блестящий юноша Ассизи, всегда подававший и никогда не просивший, он, который умер бы от голода, но никогда не попросил бы милостыни — протянул руку прохожим. Сначала он весь дрожал, ожидая от незнакомых равнодушного подаяния, но вскоре преодолел свои чувства, и так обрадовался, что умеет просить Христа ради, что стал обращаться к людям громким голосом, на языке своей матери. Он был совершенно счастлив в этих отрешках — ему показалось, что он впервые поцеловал свою даму, а это означало, что он желает жить и умереть с нею.

В Риме он не только обрел опыт нищеты — Рим был единственным городом, который мог и унижить, и вознести дух. Он мог преобразовать человека, мог открыть ему тайну; он был и концом и началом земных дорог.

Именно там провинциальный юноша понял, как много необычного таит в себе Церковь, постиг ее вселенскую миссию и ее насущные нужды — изменить по-евангельски жизнь, победить ереси, освободить Гроб Господен. Все, что задумал Иннокентий III и все, что Франциск увидел в Вечном Городе, отразилось в его сердце. Он стал римлянином, и это определило уже намечавшееся течение его жизни.

ПРОКАЖЕННЫЙ

Он возвратился в Ассизи, вернулся к одиночеству. Кто мог понять его? Франциск открыл тайну славы, которую называют святостью; он услышал Божий голос, звучащий в его сердце и тотчас же повиновался ему. Чем более он повиновался, тем яснее становился голос. Теперь он говорил: «Рано трубить победу, хотя ты и познал нищету. Это лишь маленькое испытание. До тех пор, пока ты не сочтешь сладким то, что раньше казалось тебе горьким, горьким — то, что казалось сладким, ты не победишь врага, который внутри тебя самого».

Как-то раз Франциск ехал верхом по цветущему полю, и вдруг ветер донес до него запах разложения. Оглядевшись по сторонам, он заметил, что недалеко лепрозорий Сан-Сальваторе, между Санта Мария дельи Анджели и Ассизи. Он пришпорил коня и зажав себе нос, отчетливо вообразив омерзительных больных, которые отделены от мира, словно мертвецы. Он представил себе этих несчастных, которым не раз подавал милостыню, но никогда не осмеливался приблизиться к ним, такой ужас они у него вызывали. А голос внутри его говорил: «Видишь? Вот нужда еще страшнее той, которую ты испытал в Риме. Ты должен подняться до нее».

Цветущее поле смеялось, в сердце юноши провансальской песней звенела радость жизни, как вдруг на повороте лошадь его встала на дыбы. У дороги стоял человек, даже не человек, а прокаженный. Как только Франциск увидел гноящееся лицо с ввалившимися глазницами, он чуть не натянул поводья и не ускакал прочь, но внутренний голос спросил: «Рыцарь Христов, ты боишься?»

В один миг он очутился на земле, схватил прокаженного за руку, поцеловал его онемевшие пальцы, вдыхая смрад гниющего тела, и дал ему монетку ничего не значащую в сравнении с божественным милосердием этого поцелуя. Затем он вскочил в седло не помня себя от жалости и отвращения.

На следующий день он решительно и смело отправился в лепрозорий, где промывал и перевязывал язвы больным, смиренно ухаживал за ними и одарил каждого монеткой и поцелуем. Что-то билось внутри него, будто разрубленная надвое змея, но сила его воли попраля змею, как побежденного врага.

Рыцарям приносили славу война и любовь. Франциск тоже отправился на поиски любви и войны, но в ином мире.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГОСПОЖА МОЯ БЕДНОСТЬ

РАСПЯТИЕ

У дороги из Спелло, за городом, была церквушка, построенная в честь Святого Дамиана — безыскусная, с облупившейся краской и продольными трещинами на стенах. Священник, живший при ней, был так же стар, беден и одинок, как и его церковь. Однажды он сидел на церковном дворе, погруженный в раздумья и вдруг увидел, что по склону горы спускается молодой всадник — приблизившись к церкви, он выпрыгнул из седла, привязал лошадь к оливковому дереву, вошел в храм и оставался там до наступления ночи. Потом он приезжал каждый день.

«Что это опять взбрело в голову сыну Пьетро Бернардоне?» — думал добрый старик.

После того, как Франциск поцеловал прокаженного, в душе его возросла любовь к Богу, и он избрал церковь Сан Дамиано — в этих печальных стенах, с облупившейся штукатуркой, у пустовавших алтарей он чувствовал себя наедине с Богом. Покой и глубокая тишина окружали его в тени серых, как уныние, олив; позади возвышался Субазιο, труднодоступный, как путь к покаянию; впереди было небо, бескрайнее, как мечта, а вдали — россыпь гор, лазурных и неуловимых, как святость, Франциск созерцал это и мысленно устремлялся к Богу, а затем становился на колени перед византийским распятием, моля Всевышнего о том, чтобы Он научил его, что делать, ибо любовь без дел ничего не стоит, словно золото без пробы. У Христа на распятии были глубоко запавшие глаза, худощавое тело и раны, алые, как вино. Он не был

красив, и вначале Франциск смотрел на него с болью в сердце, но потом вера открыла ему глаза.

Он увидел Господа своего Иисуса, ради него распятого, и убедился в том, что вбившаяся в сознание идея может сделать человека способным на подвиг.

«Бог любит тебя, любит именно тебя и к тебе стремится».

И как любит! Ведь Он, Распятый, умер за него. Даже отец не мог бы так любить — для этого надо было бы изменить его силой любви, а в то время люди уже начали забывать о Боге и жили так, словно не верили в распятие.

В пустынной церквушке трепещущее сердце наполнилось пылкой любовью: «О, Господи, чего Ты хочешь от меня?»

Наконец, голос ответил: «Франциск, ты не видишь? Дом Мой рушится. Иди почини его». Он узнал этот голос. Несомненно, с ним говорил Распятый, а восстановить Он велел эту церквушку, которая вот-вот должна была рухнуть. От него, Франциска требовались деньги и труд. Он ответил: «Господи, охотно починю». И от обещаний перейдя к действию, вышел из церкви, и высыпал все из мешка в руки изумленного священника, и попросил его, чтобы перед распятием постоянно горела лампада, а потом отправился в город, чтобы добыть денег.

С того дня он больше не страдал из-за себя самого. Он страдал из-за Христа. Лишь одно мучение казалось ему достойным — ради Него, лишь одно желание было — умереть, как и Он, на кресте; и нередко, идя по дороге, он содрогался от рыданий. «Что с тобой? Тебе плохо?» — спрашивали его. «Нет, я плачу по Господу нашему, оттого не стыдно мне плакать у всех на глазах».

Изумленные неожиданным доводом, прохожие плакали вместе с ним.

ОТЕЦ И СЫН

Чтобы восстановить церковь, требовались деньги. Франциск, пользуясь опытом торговца, решил сделать для Бога то, что делал раньше ради выгоды — он взял со склада три локтя пурпурной ткани, вскочил в седло и поскакал на рынок в Фолиньо, где и продал все, даже лошадь. Вернувшись в Сан Дамиано, он радостно протянул старому священнику сумку, набитую деньгами.

— Возьмите. Это на восстановление церкви. Давайте держаться вместе, работать начнем немедленно.

Но добрый старик лишь покачал головой. Серьезно ли это? Он возразил:

— Мессер Пьетро, ваш батюшка — человек вспыльчивый. Я не хочу ссориться с ним из-за вас. Эти деньги принадлежат ему, я их не трону.

— И я тоже! — воскликнул Франциск и забросил сумку на подоконник. В тот день он не вернулся домой и остался со стариком.

Пьетро Бернардоне, узнав о новой выходке сына, разъярился. Ладно бы тратился на развлечения! Ладно бы пускался в безрассудства, свойственные юности, но эта разрушенная церквушка, отшельническая жизнь — такую глупость честный торговец простить не мог. Хорошо же он пристроил доброго коня, прекрасную ткань! Франциск не желал возвращаться домой, и как-то раз, вооружившись дубиной и прихватив с собою друзей и родственников, отец его отправился в Сан Дамиано. Но поискав там и сям, он не нашел Франциска, а увидел лишь старика-священника, который вернул ему сумку, так и пролежавшую все время у окошка, и посоветовал идти восвояси. Пьетро ругался и бранился, но ему пришлось вернуться со своими близкими в Ассизи, хорошо хоть деньги вернули. А что до сына, он рано или поздно попадет в его руки, если не хочет умереть с голоду.

Отец и сын больше не понимали друг друга: один шел по мирскому пути, другой — по Божьему. Но мать, бедная мать, понимала сына, и тайно отправляла в Сан Дамиано слуг с посылками и весточками. Пусть уж старый священник получше укроет ее любимца! Франциск провел месяц в слезах и молитвах, он жил в пещере, но потом такая жалкая жизнь возмутила его: «Что же ты боишься, рыцарь Христов?»

Враг на этот раз не был изгнан, он пребывал не в людях, которые угрожали ему, но в его сердце, куда закрался страх перед насмешками и побоями.

«Вперед, вперед, во имя Христа! Не вооружен ли ты оружием Господа твоего?» Однажды он выбежал из пещеры и помчался в Ассизи, думая: «В первой же битве я пойму, стою ли я чего-нибудь. Если я должен проявить храбрость, лучше умереть, как верный долгу рыцарь, чем жить, как низкий трус».

Впервые показался он в Ассизи после того, как в нем произошла перемена, о которой говорил весь город. Он ушел, с товаром в мешке, а возвращался босой, в пыли, длинноволосый, отощавший, с покрасневшими глазами и спутанной бородой.

— Безмозглый! Сумасшедший! И он еще собирался в Апулию, побеждать баронов! — заверещали мальчишки, лишь только он появился. — Поглядите на мессера Франциска, он с ума спятил!

От самых ворот его сопровождали крики, свистки, грязь и гнилые яблоки. Но рыцарь Христов шел сквозь галдящую толпу словно глухонемой, благодаря Бога, ибо оружием его стали Его терпение и

смирение. Когда Пьетро Бернардоне узнал, что причина шума — его сын, его Франциск, цвет юношей и король пиров, которым еще вчера он гордился, а сегодня тот покрыл его позором, он потерял самообладание, бросился в толпу — она расступилась, предвкушая, как столкнутся отец с сыном — схватил Франциска. Осыпая тумаками, он втащил его в дом и запер в камерке, потолок которой был столь низок, что там можно было только сидеть, или стоять на коленях.

Пьетро не был отпетым злодеем, но сердце его оставалось в кошельке с деньгами, в сердце же обитали самолюбие и тщеславие. Поэтому его и взбесило, что из-за сына и над ним, и над домом его смеются — для самолюбивого мужлана нет ничего страшнее бесчестья. Но то, что приводило в ярость отца, подчеркивало стойкость сына, он ведь тоже хотел выделиться и тоже боялся выставить себя в дурном свете. В этой борьбе Франциск победил самую уязвимую часть своего «я», и он уже не страшился прослыть сумасшедшим, испытал свое мужество и теперь ему нечего было страшиться, даже смерти.

МАТЬ

Немало дней просидел он на хлебе и воде, осыпаемый побоями и упреками, в кладовой для угля, под лестницей, пока, наконец, отец не отлучился из дому по делам. Тогда на него обрушилась новая напасть — любящее сердце. Противник не нападал на него, но ласкал, не гневался, но умолял. Франциск с ранних лет понял, как сильно хрупкая женщина страдала от грубости мужа — ведь у него было столь же пылкое и нежное сердце, как у его матери — и оттого ему было труднее сопротивляться ей, чем отцу. Но борьба оказалась недолгой, и закончилась тем, что никак не могло произойти между отцом и сыном: мать и сын примирились друг с другом. Мать мечтала о том, чтобы сын ее сделался господином в заморской стране, как бывало со многими крестоносцами из Суассона. Она мечтала, что к сыну ее придет слава Рамбаута ди Векерас, что у него будет самая прекрасная невеста на свете. Что ж, теперь она могла успокоиться — Франциск объяснил ей, что эти мечты сбудутся. Он станет принцем в царстве Христа, трубадуром при дворе Всевышнего, и самым счастливым на свете женихом госпожи его, Бедности. Пика поняла: если она любит его, она должна быть ему матерью в духе, как она была матерью по плоти. Потрясенная до глубины души, она высвободила сына, позволила ему взять денег, чтобы отстроить церковь Сан Дамиано, и отпустила его на путь долга.

Когда Франциск вышел за порог, она скорбно вернулась в дом. Она не сомневалась, что сын больше не войдет в него. Зато вернется Пьетро и обнаружит, что пленник сбежал, и обрушит на жену град проклятий и побоев. Мадонна Пика была ко всему готова и молчала, полагая, что этим поможет Франциску выполнить его чудесный замысел. «Мой Франциск, — мысленно произнося эти слова, она почувствовала, как сжалось ее сердце; именно это испытывает мать, когда сын уходит из дому, избрав для себя жену или новую жизнь: — Нет, он больше не мой».

Он больше не принадлежал ей, не принадлежал и миру, он принадлежал только Богу. Мадонне Пике оставалось только одно — угасать в молчании. Такова участь едва ли не всех женщин, которых Провидение призвало разделить судьбу великих людей.

ЕПИСКОП ГВИДО

Выместив гнев на жене, Пьетро решил законным путем лишить сына наследства. Он заявил на Франциска городским консулам и официально потребовал, чтобы тот возместил деньги, которые унес из дома, посягнув на отцовское добро. Пьетро Бернардоне был одним из старейшин коммуны, и сделал для нее много добрых дел. Увидив, как силен его гнев, консулы призвали Франциска, который работал и молился в Сан Дамиано, но Франциск ответил гонцу: «Благодаря Господу Богу я теперь свободен, а консулам ничем более не обязан, ибо служу лишь Всевышнему». Другими словами, он заявил, что, посвятив себя вере, больше не зависит от гражданского законодательства.

Консулы опасались Пьетро но не смогли заполучить Франциска, да и знали, что к нему уже расположены горожане. «Видите ли, — сказали они, — раз он начал служить Богу, он не может подчиняться нам». Тогда Пьетро обратился с жалобой к епископу Ассизи.

По счастью, епископ Гвидо хорошо знал Франциска и даже исповедовал его, когда в его жизни стали происходить чудесные изменения. Франциск всегда повиновался лишь Божьему голосу, но чувствовал, что ступает на неизведанный путь и потому желал подтверждения своего вдохновения церковным авторитетом. Благодаря своему сану епископ Гвидо умел отыскать родник святости там, где обычно видели росток безумия; к тому же ему нравился необыкновенный юноша, и хотя он смягчал всегда и во всем дух борьбы, на сей раз он приветствовал попытку восстать против всех на защиту своего идеала. Поэтому жалоба отца никак не могла воодушевить его, но он ее принял, чтобы разрешить разногласие, которое взбудоражило весь город, и призвал Франциска предстать перед судом.

— К монсеньору епископу я пойду, — сказал Франциск посланнику, — ибо он отец и повелитель душ.

Гвидо принял его с искренней радостью и решил защищать. Епископ бывал раздражителен, но в нем сочеталось то, что сочетается в Церкви — здравый смысл и сверхъестественная вера.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ С ГОСПОЖЕЙ БЕДНОСТЬЮ

Было апрельское утро 1207 года. Зал аудиенций заполнили любопытные жители Ассизи. Перед величественным Гвидо, облаченным в лиловые одежды, предстал Пьетро Бернардоне со свитой друзей и двадцатипятилетний, дерзкий, одинокий Франциск. Отец повторил свое обвинение, но сын и виду не подал, что будет защищаться, и тогда взял слово епископ. «Франциск, — сказал он, — твой отец тобою обеспокоен. Если ты хочешь служить Богу, верни отцу деньги, которые ты взял у него, и тогда гнев его смягчится». По залу пробежал шепот: «Епископ оправдал падрона Пьетро!»

Лицо у Пьетро просветлело; а епископ продолжал: «Может быть, твой отец добыл эти деньги нечестным путем или грехами, и Господь не хочет, чтобы они пошли на восстановление Его храма». Пьетро изменился в лице, а епископ продолжал: «Сын мой, имей веру в Господа, будь мужествен и бесстрашен, ибо Господь тебе помощник, и с избытком предоставит тебе все необходимое для восстановления церкви».

«Монсеньор, — в радости воскликнул Франциск, — не только деньги, но и платье я ему охотно верну!»

С присущей ему порывистостью он скрылся в соседней комнате, через минуту появился обнаженный, с одной лишь повязкой вокруг бедер, и сложил между отцом и епископом одежду, а поверх нее — горсть монет. Затем, обернувшись к изумленной публике, он торжественно объявил:

— Слушайте, слушайте и внимайте! До сего дня я называл отцом Пьетро Бернардоне, но я дал обет служить Богу, и возвращаю ему деньги, о которых он так тревожился, а также и всю одежду, которую от него получил, и обретаю право сказать: «Отче наш — Сущий на небесах», ибо не отец мне Пьетро Бернардоне!

Торговец ожидал чего угодно, только не такой выходки. Он схватил все в охапку и в гневе выбежал вон под шутки публики, возмущенной тем, что он не оставил сыну и рубашки. Епископ же распахнул руки, обнял дрожащего юношу, укрыл его своей мантией, благоговей перед тайной Божьей, и все ощутили тайну в этом чудесном действии, которое навсегда прервало связь между Франциском и мирской жизнью. В словах его были и вызов

негодования, брошенный отцу земному, и всплеск любви к Отцу небесному, Которому он отдал себя. Платье и деньги принадлежали отцу, ему он их и вернул, тело же и душа принадлежали Богу. Нагим Всевышний послал его в этот мир, нагим возвращался к Нему Франциск, словно рождался вторично. В первый раз он был рожден, сам того не желая, в соответствии с велением природы. Теперь же он родился сознательно, благодатью Божьей, ибо только так можно родиться духом. Епископ Гвидо ощущал, но не знал того, что способно прояснить лишь время, — что сама Церковь приняла в объятия заново рожденного, признавая в нем своего сына.

А Франциск в облачении Адама обезумел от радости. Он радовался не столько своему вторичному рождению — в этом он еще не отдавал себе отчета — сколько тому, что наконец ощутил себя бедным, как Христос. Теперь он вполне законно, перед Богом и перед людьми, и с одобрения и Церкви и народа, отрывался от своей семьи, дабы обручиться с Нищетой, и обнажив себя так, что между душой его и Богом осталась лишь пелена плоти, он стал нагим, как Распятый. Не доставало лишь пяти ран, но будут и они.

ГЛАШАТАЙ ВЕЛИКОГО ЦАРЯ

Франциску нужна была одежда. Огородник епископа, простодушный добряк, отдал Франциску свой плащ, тот набросил его на плечи, но прежде нарисовал на нем крест, для несведущих означавший, что он принадлежит Богу, и удалился прочь, в горы. В жизни его началась величайшая пора, когда любой человек раздражает, ибо нужно остаться наедине со своей любовью, наедине с Нищетой. Франциск пел деревьям, ветру, облакам и звездам на языке своей матери, который еще оставался для него языком любви.

Однажды из-за кустов выглянули два разбойника. «Ты кто?» — спросили они, надеясь ограбить оборванца. — «Глашатай великого Царя, — громко ответил Франциск, — а что вам нужно?» — Грабители расхохотались: «Хорош глашатай! И оружие каково! Ну что ж, полежи, вестник Божий». Они накинулись на него, побили и столкнули в ров, где оставалось много снега. Люди почти всегда поступают так с Божьим посланником; но Франциск, стряхнув с себя снег, продолжал свой путь, напевая веселее прежнего, — ведь он был истинным глашатаем Божьим. В словах этих крылась тайна. Кого называл Франциск Царем? Что он провозглашал?

Но одним лишь воздухом и песнями сыт не будешь. Франциск шел и шел через горы и вдруг почувствовал реальное зло нищеты, страшный голод. Наконец он пришел в бенедиктинский монастырь и попросил у монахов немного хлеба и изношенную рясу в обмен на услужение. Монахи приняли его за странника, дали ему рубашку и послали на кухню, помощником

повара — но и там он страдал от голода, да так сильно, что мечтал хотя бы о чашечке бульона.

Монахи и разбойники обращались с ним одинаково плохо, и ликуя от своей неимоверной любви, Франциск понял, что это и есть настоящие объятия нищеты, истинные знаки того, что он избранник Божий. Он не мог больше жить в монастыре, и отправился в Губбио, там был у него друг, который подарил ему отшельническую одежду. Некоторое время он провел в Губбио, преданно ухаживая за прокаженными. Но голос Распятия из Сан Дамиано взывал к нему: «Франциск, почини Мой дом, он рушится».

Хорошо не слышать ассизских сплетен, но еще лучше повиноваться Всевышнему, лишив себя радостной и одинокой жизни в Нищете. И он вернулся в Сан Дамиано.

КАМНИ

За время первого путешествия с госпожей Бедностью Франциск почувствовал разницу между обычным постом и нищенским голодом; он понял, как отличаются друг от друга добро, которое делаешь сам, и добро, которое совершаешь чужими силами. Чтобы восстановить Сан Дамиано нужны были камни, известь, инструменты, каменщики, словом — деньги, свои же деньги он презрел. Кто смог бы помочь ему? Вот и первые последствия нищенской жизни в нищете — надо работать не для себя, но для добра, отдавая все и предав себя в руки провидения.

Однажды утром жители Ассизи увидели, что Франциск, словно менестрель, поет на площади — не песни о великих людях Франции и Британии, но гимны Всевышнему. И не случайно преобразование народной песни в духовную пошло именно от Франциска, который в свое время воспевал мирские радости. Окончив пение, он, как истинный менестрель, обошел людей, прося подать на восстановление церквушки: «Кто подаст мне камень, получит вознаграждение, кто подаст два — будет вознагражден вдвойне, кто подаст три — еще больше будет вознагражден».

Быть может, именно тогда по площади проходили две девушки в сопровождении пожилой дамы, и меньшая сказала: «Дадим и мы ему камень». У старшей из-под расшитого жемчугом чепца выбились кудри, и она не ответив, положила несколько монет возле горстки камней.

— И мы тоже получим большое вознаграждение? — спросила младшая.

И тогда Франциск с воодушевлением воскликнул:

— Придите мне на помощь, восстановим Сан Дамиано — будущий монастырь для женщин. Молвой об их жизни прославятся Церковь и Отец наш небесный.

— Что он говорит этот человек?

— Не обращай внимания, мадонна Клара, он сумасшедший.

Но девушки, как замороженные, смотрели на сумасшедшего, не ведая, что именно они станут самыми драгоценными камнями этого храма.

МИСКА

По вечерам Франциск спускался в Сан Дамиано под тяжестью груза слишком большого для него. На небе зажигались звезды, на изгородях — светлячки, в долинах дрожали дальние огоньки селений, вершины гор постепенно таяли в темноте, а новый поэт пел дивную песню, радуясь, что исполнил свой труд. Когда Франциску хватало материала, он целый день клал стену, а ночью молился. Ремесло это было для него не внове — он обучился ему, когда строил ассизскую крепостную стену. Правда, теперь он относился к работе по-иному, она была послушанием, и он подражал труженику Христу. Смирненно создавая своими руками простые, нужные вещи, он узнал мудрость и покой; чтобы постигнуть землю, нужно проникнуть в ее недра.

В каждом камне Франциск оставлял частицу сердца, и каждый камень его сердце преобразовывал. Покинув то, что зовется миром, хотя это лишь малая часть мира, он возвращался к людям ради того, что созидает сообщества — ради труда, освященного верой.

Он разгружал камни, бил по ним молотом, молился и постился, а священник Сан Дамиано отказывал себе во всем — опасаясь за здоровье Франциска, он припасал для него яйца, молоко и другую провизию. Добрый старик заменял ему мать, но Франциск, ощутив это, сказал себе: «Так нельзя! Найдется ли позже священник, который отнесется к тебе столь сердечно? Та ли это жизнь в нищете, которую ты избрал? То, что бедняку приходится делать из нужды, ты должен делать ради любви к Христу, ибо Он беднее тебя».

Думая так, он взял однажды миску и сделал то, чего никогда еще не делал в Ассизи — пошел от одной двери к другой, прося милостыню. Городские кумушки выглядывали из окон, слишком хорошо зная, в какой роскоши он жил прежде; кто дал ему поварешку супа, кто — немного соуса, кто — сливал из кастрюли помои. Одна женщина протянула ему кусочек мяса и засомневалась, бросать ли его в месиво. Франциск ответил ей: «Бросайте. Господь вознаградит Вас».

Когда он сидел на ступенях церкви с миской на коленях и ел, на глаза его вдруг навернулись слезы, желудок пронзила боль. В прежние времена он не съел бы эту бурду, его затошнило бы от одного ее вида. Но внутренний

голос сказал: «Рыцарь Христов, ты не держишь слова?» Он вспомнил, что дали пить Распятому, зажмурился и съел все. Что ж, не так уж плохо! Голод, раскаяние, победа над собой придали зверскому пойлу привкус радости. И Франциск возблагодарил Бога за то, что Он обратил в сладкое горечь, которую он проглотил из любви к Нему.

Пьетро Бернардоне, узнав о новом подвиге сыне, не мог этого снести: «Хоть бы подальше унес свой позор, да и наш заодно! А то сидит в Ассизи, да измывается над нами, мерзавец!» Он злился, его терзало унижение — до чего же дошел его сын, подражая Распятому! И всякий раз, встречаясь с Франциском, осыпал его проклятиями: «Будь проклят тот день, когда ты родился!»

Сердце Франциска сжималось от боли, когда он слышал эти слова, ведь в нем текла кровь человеческая, но ему приходилось прятаться от отца, ибо он свято верил в Отца Небесного и думал лишь о Нем одном, а потому отрекся от отца земного.

Чтобы воплотить отречение в действие, он заключил соглашение с одним нищим. «Когда ты услышишь, — сказал он, — что отец мой меня проклинает, благослови меня и перекрести вместо него».

Теперь Франциск мог отвечать падрону Пьетро в полном спокойствии: «Видишь, Бог послал мне отца, который услышал твои проклятия и благословляет меня!» Этот урок пошел на пользу Пьетро Бернардоне, забывшему о том, что сыновья — не собственность родителей, ибо предназначены для участи, которую готовит им Провидение.

МАСЛО

Франциск хотел, чтобы в его церкви всегда горели лампы, но не доставало масла. Однажды он отправился в город, чтобы раздобыть масла там, и, проходя мимо одного дома, услышал, что оттуда доносятся голоса его прежних друзей, собравшихся на обычную для них вечеринку. Что же, униженно предстать перед ними, протянуть руку тем, кто знал его ранее, а ныне считает безумцем? Франциск живо представил себе те шутки, которые ему предстояло услышать, и отшатнулся. Он, не испугавшийся, когда его забрасывали камнями на площади, повернул назад, убоявшись за обретенный покой души. Но внутренний голос спросил его: «Ты боишься?» И тогда, словно убегая от себя самого, он вернулся в дом, где шла оживленная игра, и признался былым друзьям, что стыдился попросить у них милостыню. По-французски, на благородном языке своей матери, попросил он масла для церковных светильников.

Словно пророк явился в веселой компании; но пророк обвиняет и грозит, Франциск же обвинял и унижал себя одного, и это разило сердца

сильнее проклятия. Прервав игру и беседу, все слушали бедного чудака, который вчера был их вожаком, сверкал великолепием, а теперь встал выше их в мудрости своей и отваге. Когда он ушел, бывшие друзья толковали о нем, и никто не смеялся. Некоторые бросили игру, а один сказал: «Он разумнее нас».

ПОРЦИУНКОЛА

С помощью нескольких крестьян и батраков Франциск починил церковь Сан Дамиано, и решил восстановить еще одну сельскую церквушку, построенную в честь апостола Петра, а затем и еще одну, затерянную в лесах, которыми поросла горная долина. Она была особенно дорога ему, ибо построили ее в честь Божьей Матери и Матери человечества, называлась она Санта Мария дельи Анджели, и, хотя была заброшена, принадлежала в то время бенедиктинскому монастырю, расположенному на склоне Субазиио. Церковь эта была очень мала, надел земли вокруг нее — тоже невелик, и люди прозвали ее Порциункола¹.

Как-то февральским утром Франциск позвал старого священника, и тот спустился из Сан Дамиано и отслужил в Порциунколе мессу. Глубоко задумавшись Франциск прислуживал ему, моля Господа наставить его на путь истинный.

Какой храм восстанавливать ему теперь, когда отстроена Санта Мария дельи Анджели? Был ли этот труд великим подвигом, к которому призвал его Господь во сне? Всю ли жизнь ему заниматься этим? О, Господи ответь же!

Ответ ему дало Евангелие 24 февраля 1209 года, в день святого Матфия. Священник произносил вполголоса священные слова, и они становились будто алмазы в сердце того, кто внимал им: «...Приблизилось Царствие Небесное. Даром получили, даром давайте. Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха. Ибо трудящийся достоин пропитания. В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете»².

Франциск просто запрыгал от радости. Иисус Христос ясно говорил с тем, кто желал следовать Ему. Итак, вот его предназначение — проповедовать Царствие и ходить с этим из одного селения в другое, из одного города

¹ Porziuncola — частичка, долька (итал.).

² Мтф. 10, 7-11.

в другой. Но какую жизнь вести ему? Еще более тяжкую, чем та, которую он вел, обручившись с госпожой Бедностью? Тогда он одевался, как отшельник, носил кожаный пояс, сандалии, сумку и посох. Нет, это слишком богато! Лишь только закончилась месса, он, не доверяя себе, попросил священника растолковать ему Евангелие того дня, и тот подтвердил: да, Иисус хотел, чтобы верные ему проповедовали в нищете.

Одним порывом, словно ручей, нашедший правильное русло, он скинул с себя сандалии, выбросил посох, оставив себе лишь поношенную рубаху, да плащ с капюшоном, какие носят умбские крестьяне, подпоясался веревкой и, окрыленный Евангельской мыслью, стал проповедовать покаяние.

В жизни его Порциункола ознаменовала третий призыв Божий, после Сполето и Сан Дамиано. После первого призыва Франциск удалился от мира, после второго — обратился к труду, после третьего — к проповеди. Это не было бы возможно без двух первых, ибо Евангелие не проникает в сердце человека, не изучившего его, и невозможно быть святым в миру, сперва не удалившись от мира. Франциску уже не придется строить дома из камня, теперь он будет строить в душе человеческой, открывать не храмы, а религиозные Ордена, восстанавливать не церкви, а Церковь Божию. Но для того, чтобы достигнуть вершины, необходимо начать путь так, как начал он — в уединенном раскаянии и тяжком труде.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ГОСПОЖА МОЯ БЕДНОСТЬ!

Третий призыв означал, что многое Франциск должен познать глубже, многое — начать сначала. Глубже познать он должен был нищету, и начать заново жизнь, теперь уже жизнь проповедника. Совместить это нелегко, ибо одинокая жизнь в нищете вполне возможна, а вот мирская жизнь, в которой все подчинено деньгам и удовольствиям, едва ли может сочетаться с нищетой, это показалось бы людям безумием. Но для того, чтобы обратить людей в свою веру, необходимо жить среди них и действовать на них большею силой, чем все деньги на земле — любовью. Кто поверил бы ему, если бы он жил, как все?

Итак, он лишил себя имущества, отказавшись даже от подушки — однажды ему подарили подушку, и ему пришлось выбросить ее, чтобы спать как и раньше, на камнях, ибо ему казалось, что в подушке кроется соблазн, а всякий соблазн — от лукавого. Он добывал себе пропитание трудом, если ему не удавалось заработать, просил милостыню, а если и тут слышал отказ или бранные слова, то радовался. Презрение людей предназначалось ему, грешному человеку, и лишь одному Богу — слава. Из своего

словаря он исключил притяжательные местоимения. Однажды кто-то сказал ему: «Я приду в твою келью», и Франциск удивился: «В мою? У меня ничего нет».

Он говорил, что обручился с Бедностью, и стал ей преданным, ревнивым мужем. Он любил нищих и говорил, что они носят одежду Христа, но и завидовал им, ибо ему казалось, что состязание в бедности он проигрывает — не мог он вытерпеть, если кто-то был бедней него. Плащи, которые ему дарили, ненадолго задерживались на его плечах — он раздаривал их первым встречным нищим, взамен получая возможность ооченеть от холода; если же у него не было плаща, он отвязывал капюшон, отрывал кусок ткани от рясы или снимал рубаху, а когда у него ничего не оставалось, он просил богатых подать бедным, говоря с присущей ему учтивостью: «Прошу вас, не ждите, что вам вернут подарки».

Одаривая бедняков, он был любезен и не только не ждал, что получит вознаграждение, но даже чувствовал некоторую вину, подобно человеку, уплачивающему долг или возмещающему недостачу. Однажды в Риети он через друга послал одной нищенке свой плащ и двенадцать хлебцев, сопроводив посылку таким сообщением: «Бедняк, которому ты отдала свой плащ, благодарит тебя за услугу и возвращает твое тебе».

Нищая подумала, что над ней смеются и решила прогнать посланника, но, увидев, что дело серьезное, приняла неожиданный дар и скрылась, опасаясь новой выходки.

Однажды Франциск шел из Риети в Сиену, чтобы вылечить глаза, и на дороге встретил трех девушек, похожих друг на друга лицом и одеждой. Склонив перед ним головы, они смиренно и кротко сказали: «Добро пожаловать, госпожа наша Бедность!»

Франциск возрадовался, словно рыцарь, который услышал, что его приветствуют именем его дамы, и попросил сопровождавшего его врача подать странницам милостыню. Они продолжали свой путь, но, сделав несколько шагов, обернулись; трех загадочных девушек не было, они увидели лишь белую дорогу и изгороди по сторонам. Кем же были эти странницы? Быть может, это три добродетели, которые всегда жили в сердце Франциска — Нищета, Чистота и Набожность? Из них троих он служил лишь своей избраннице, и потому у всех троих был ее облик.

ЧЕМ МИЛА ЖЕНА

Однажды святой Франциск вместе с собратом своим, Массео, долго странствовал и, проповедуя в апостольском духе Евангелие, зашел в небольшой городок. Оба были утомлены и голодны, а наступил час обеда, и

братья решили разойтись, чтобы по разным улицам ходить от одной двери к другой просить милостыню. Франциск был хрупким и неказистым, он просил застенчиво, и чтобы почувствовать к нему расположение, нужно было смотреть ему прямо в глаза; а брат Массео был статен и красив, и столь красноречив, что слова его проникали в сердце.

Братья встретились за городскими воротами, чтобы поесть вместе — рядом протекал чистый ручей, на берегу лежал огромный гладкий камень, и каждый выложил на него то, что ему удалось выпросить: Франциск — горсть засохшей еды и несколько заплесневелых краюшек, а брат Массео — ломти свежего хлеба, ибо люди дают больше не тому, кто того заслуживает, но тому, кто умеет выставить себя и понравиться. «Смотри-ка, — словно бы говорил брат Массео, — смотри, каков я!»

Франциск искренне радовался тому, что товарищ превзошел его. «О, брат Массео, мы недостойны столь великого сокровища, — все повторял он, — не достойны великого сокровища». Слово «сокровище» не пришлось по душе доброму брату Массео, и он возразил: «Дражайший отец мой, как можно называть сокровищем то, в чем видится одна лишь бедность? Ведь здесь нет ни скатерти, ни ножа, ни разделочных досок, ни тарелок, нет ни дома, ни стола, ни слуги, ни прислужницы». — «Да, именно это я и называю сокровищем, — отвечал Франциск, — ведь ничто не приготовлено здесь руками человека, лишь Провидение позаботилось о нас. Мы выпросили стол — из чудесного камня, пьем мы из чистого источника. Попросим же у Бога, чтобы Он научил нас всем сердцем любить сокровища святой Ницеты, великой его прислужницы».

Брат Массео, наделенный мирским разумом, называл сокровищем то, что приобретают за деньги, и в глубине души тосковал о богато накрытых столах и дорогих обедах. Франциск же был поэтом, и видел красоту в камне, источнике и хлебе, в обеде, который подали им милосердие и смирение, на чистом воздухе, под небом Божиим. Святой понимал, что у богатых в услужении люди, а бедным подает Бог, оберегая их, посылая простые, нужные вещи, доставляя радость тем, кто никогда не бывает сыт.

Они пошли дальше, и Франциск предложил брату Массео идти в Рим: «Пойдем к апостолам, Петру и Павлу, помолимся им, чтобы они помогли нам постичь бесценное сокровище святейшей Ницеты, ибо она заслоняет земные, преходящие радости, и потому царит надо всем. Именно эта добродетель устраняет всякое препятствие, которое может стать перед душой человеческой на ее пути к Вечному Богу, это она сопровождала Христа и на Голгофе, она уготовила Ему грубый крест, ржавые обломанные гвозди, питье из желчи, гробницу, плащаницу и благовония, принесенные милосердными людьми».

Так пришли они в Рим и вошли в собор св. Петра. Франциск пошел молиться в один угол, а брат Массео — в другой. Святые апостолы Петр и Павел, слышавшие в раю моления о любой милости, только не о бедности, не замедлили явиться единственному молящему об этом и сказали ему: «Господь наш, Иисус Христос послал нас сообщить тебе, что молитва твоя услышана и Он дарует тебе и твоим последователям сокровище святейшей Нищеты. Кроме того, Он велел нам сказать тебе, что всякий, кто впредь последует твоему примеру в стремлении своем к этому совершенству, обретет вечное блаженство».

С КАЖДЫМ ДНЕМ ОН ЛЮБИЛ ВСЕ БОЛЬШЕ.

Позже у Франциска появился знаменитый покровитель, кардинал Уголино, епископ Остии, почтенный старец, в будущем избранный папой. Он любил Франциска, помогал ему советом, защищал, ибо был человек практичный, а Франциск — святой, да еще и поэт — практичным не был. Кардинал Уголино по мере возможности звал Франциска к себе и сажал его за стол, рядом с собой. Но для обрученного с Нищетой кардинальская трапеза была слишком роскошной.

Однажды, как раз в час обеда, Франциск отправился просить милостыню, и вошел в зал, когда кардинал, духовные лица и знать уже сидели за столом. Святой вынул посеревшие куски хлеба, которые он выпросил, и кардиналу стало не по себе — оттого ли, что тот пошел просить милостыню в то время, когда он ждал его у себя, или оттого, что Франциск выложил все это на стол — но он смолчал под взглядом гостей.

Поев немного, Франциск поднялся и именем Божиим поделил оставшийся хлеб между рыцарями, капелланами, прелатами, а те принимали его с радостью и благоговением, сняв капюшон или берет, словно перед невиданной святыней. В поступке Божьего человека, раздававшего богатым хлеб бедняков, было то, что в мирской жизни называют иронией, но для их души это было и предостережением, и благословением.

Увидев, как знатные гости в раскаянии едят этот хлеб, или бережно откладывают его, словно реликвию, кардинал возрадовался, но затем, удалившись с Франциском в свои покои, не смог удержаться и сказал: «Почему, добрейший мой брат, ты пришел с милостыней в мой дом, ведь это дом твоих братьев?»

Тогда святой объяснил ему, что он удостоен величайшей чести — прославлять Господа, который возлюбил Нищету, разделив между богатыми хлеб, полученный им в знак братской любви, и показав своим собственным примером, как хорошо просить и подавать Христа ради. Потом он искренне

признался: «Сам я предпочитаю бедный стол богатому, уставленному таким множеством блюд, что сосчитать невозможно».

Кардинал Уголино понял, что святые пренебрегают приличиями, ибо взгляд их на все это выше обыденного, и за их кажущейся странностью скрывается глубокая мудрость, которую поймут разумные, справедливые люди. И потому, раскрыв руки для обьятия, он сказал Франциску: «Сын мой, делай так, как ты считаешь нужным, ибо сам Бог с тобой и ты с Ним».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РЫЦАРИ ГОСПОЖИ БЕДНОСТИ

ПЬЕТРО КАТТАНИ И БЕРНАРДО ДА КВИНТАВАЛЛЕ

После происшедшего в Порциунколе святой Франциск стал проповедовать на площади Сан Джорджо, не задаваясь вопросом, готов ли он, достоин ли этого. Он был смиренным до самозабвения и знал лишь одно — слово Божье истинно, оно продиктовано свыше. Говорил он пылко, всегда вдохновленный Всевышним, и потому слова его проникали в самую глубину сердца и повергали тех, кто слушал его, в смятенное изумление. Он начинал проповедь, приветствуя людей: «Мир вам от Бога», и просил, чтобы все, встречаясь, повторяли это приветствие, ибо видел, что в них созревают алчность и ненависть, которые могут привести к раздору.

Слушал Франциска и один из самых богатых и рассудительных людей Ассизи, Бернардо да Квинтавалле. Он два года наблюдал за ним, изумляясь, как молодой человек, одних с ним лет и почти одного с ним положения мог достигнуть таких чудес святости или безумия. Однажды, когда Франциск проповедовал, он почувствовал то, что смутно возникало в нем и ранее — ему захотелось жить так же. Но он был осторожен, и прежде решил удостовериться, правда ли Франциск — человек Божий. Как-то вечером он пригласил его к себе. За ужином он смотрел, как Франциск говорит, что ест; после ужина проводил его спать в свою комнату, в которой всегда горел светильник, думая про себя: «Посмотрим, такой ли он, как все?» Франциск смутился от такого соседства и от света, ведь по ночам он вставал, чтобы молиться, но он сделал вид, будто всем доволен,

лег в постель и притворился спящим — но лишь только Бернардо захрапел, как контрабас, одним движением оказался на коленях, воздев руки к небу и устремив ввысь горящий взор. В молитве он забыл, где он и с кем и до тех пор, пока колокол не оповестил о начале утренней службы был охвачен страстным стремлением к Богу, повторяя в слезах всего лишь два слова: «Боже мой, Боже мой!»

Мессер Бернардо, который закрыл один глаз, перестал храпеть — он видел все, он радовался, он плакал вместе с Франциском, и, лежа в постели, принял решение.

— Франциск — сказал он, как только наступил день, — если один человек получил от своего синьора много благ и пользовался ими долгое время, а теперь больше этого не хочет, как ему лучше поступить?

— Вернуть все тому синьору, от которого он это получил, отвечал Франциск.

— Я хочу раздать все мое имущество беднякам ради Всевышнего, Который мне его предоставил. Поделю я добро так, как захочешь ты, ибо в сердце своем я решил покинуть мир и следовать за тобой и делать то, что ты скажешь.

Раньше, когда Франциск блистал среди рыцарей, ему встречались юноши, готовые последовать за ним, чтобы возвыситься, но в новой его жизни такого не случалось. Он возрадовался, словно ночная молитва, в которой он просил у Бога помощи, услышана и ему послан товарищ. К тому же он понял, что нечто новое начинается и для него. Он больше не был одиночкой, он становился учителем и смиренно призвал Учителя в проводники.

— Мессер Бернардо, — ответил он, — то, о чем вы говорите — труд великий и тяжкий, и потому следует спросить совета у Господа нашего Иисуса Христа. Пойдемте со мною к епископу, там есть один добрый священник, мы попросим его отслужить службу, потом помолимся до третьего часа¹, прося Бога, чтобы мы трижды открыли требник, а Он указал нам, какую жизнь мы должны избрать.

Добрый священник, отслуживший мессу — образованный клирик, изучавший право в Болонье, звался Пьетро Каттани и был назначен в церковь Сан Николо в Ассизи. Он восхищался Франциском и еще раньше склонялся к тому, чтобы последовать за ним. Теперь он решился на это по примеру Бернардо. По просьбе Франциска он взял требник, осенил его крестным знамением и с именем Христа трижды открыл его в знак Святой Троицы. В первый раз он открыл его на месте: «Если хочешь быть

¹ то есть до девяти часов (прим. авт.).

совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною»². Во второй раз: «Не берите с собою ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха»³. В третий: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»⁴.

И на этот раз Евангелие отвечало в точности так, как мечталось Франциску, который буквально растолковав слова Божьи, сказал: «Братья, вот путь и правило и для нас и для тех, кто захочет примкнуть к нашему братству. Идите же и исполните, что услышали». Мессер Бернардо сразу разделил свое немалое имущество между больницами, монастырями, сиротами, странниками, вдовами и бедняками. Пьетро Каттани, у которого доход был невелик, быстро отделился от своего добра, но на деле он дал еще более, отказавшись уже немолодым от почетной должности каноника, уютной жизни, от привычек вельможи и образованного человека, ради Евангельской нищеты. Небывалое зрелище предстало перед жителями Ассизи, когда на площади Сан Пьетро, (теперь она зовется именем Святого Франциска) беднякам раздавали деньги. Бедняки появлялись отовсюду, сверх меры оборванные, и святой Франциск, который хорошо их знал, указывал друзьям на самых робких. Голосили женщины, галдели мальчишки, отовсюду слышались шутки зевак, а три человека, почти швыряли с безучастным видом такие деньги, за которые другие отдали бы жизнь. Вдруг к Франциску приблизился некий мессер Сильвестро, священник из Ассизи и сказал ему:

— Ты не все заплатил мне за камни, которые покупал у меня, дабы восстановить церковь Сан Дамиано. Теперь у тебя есть деньги, заплати же мне!

Так обнаружил священник достойную порицания скарედность. Кровь у Франциска вскипела, он обеими руками взял из плаща Бернардо горсти монет, дал их мессеру Сильвестро и спросил:

— Отец не сполна ли я заплатил тебе?

И снова, зачерпнув горсть монет:

— Заплатил я?

— Я удовлетворен, — ответил отец Сильвестро, помрачнел и вернулся домой, сжимая мешочек с деньгами.

Но что-то говорило ему: «Нет, так нельзя».

² Мтф. 19, 21

³ Мтф. 10, 9-10

⁴ Мтф. 16, 24

ОБРАЩЕНИЕ ЭДЖИДИО И СИЛЬВЕСТРО

Три брата жили в лачуге, между Порциунколой и больницей прокаженных, о которой Франциск никогда не забывал, даже если был занят проповедью; ведь основа апостольства — милосердные деяния, и тот, кто не поможет страждущему телом ближнему, не сможет помочь страждущему духом. Кроме того, Франциск был привязан к этой церкви, носившей имя Божьей Матери, и из-за рыцарских своих чувств, и из-за тоски по материнской ласке.

В городе много толковали о таком обращении. Один юноша восемнадцати лет, сирота, которого звали Эджидио, был потрясен до глубины души, и стал задумываться о том, как жить ему, чтобы все его поступки были угодны Богу. Без сомнения, думал он, Франциск знает какую-то тайну. Однажды утром, в апреле, помолившись в церкви Сан Джорджо, он отправился на поиски Франциска, и спускаясь к Порциунколе, думал: «Найду ли я его?» На перекрестке он в нерешительности остановился, потом уверенно пошел по одной из дорог, моля Бога, чтобы выбор его оказался верным; и действительно, Всевышний направил его к Франциску, который в тот момент выходил из рощи. Эджидио бросился на колени к его ногам, и святой принял его как долгожданного гостя.

«Добро пожаловать, новый рыцарь! — сказал он, ибо в тот день, 23 апреля, был праздник Святого Георгия, покровителя рыцарей. — Если бы император прибыл в Ассизи и назначил одного из жителей своим тайным советником, не должен ли тот сильно возрадоваться? Ты же возрадуйся более, ведь Бог избрал тебя Своим рыцарем, чтобы ты стремился к совершенству святого Евангелия».

Прежде всего вновь посвященный рыцарь отдал свой плащ бедной страннице. Потом он раздал свое имущество и примкнул к последователям Франциска.

Спустя некоторое время перед Франциском предстал тот самый Сильвестро, который потребовал плату за камни. Он поведал, что с того дня, когда на площади раздавали деньги, пример Франциска ни на миг не давал ему покоя. «Горе мне! — думал он. — Я, старик, хотел накопить преходящие блага, тогда, как юноша от них отрекся!» В ту же ночь он увидел сон. Ему приснилось, что изо рта у Франциска вылетел огромный золотой крест и поднялся в небо, раскинувшись от одного конца земли к другому. Проснувшись, он понял: сон означал, что Франциск и вправду друг Христу, и Орден его распространится по всему миру. Сильвестро тут же начал каяться дома, а потом последовал за супругом Бедности братом, и был столь возвышенного разума, что нередко учитель обращался к нему за советом.

ПЕРВОЕ СТРАНСТВИЕ БРАТА ЭДЖИДИО

С приходом Эджидио их стало четверо в Порциунколе, и жили они счастливо, но так как они стремились к славе Божьей больше, чем к собственному счастью, то разделились, чтобы добиться большего — святой Франциск послал брата Бернардо и брата Пьетро Каттани в Тоскану, а сам вместе с братом Эджидио отправился в Марке. Он был весел, словно нашел сокровище, и шел, распевая громким и чистым голосом гимны Богу, а за ним кротко следовал Эджидио, читая «Отче наш». Внезапно Франциск прервал пение (пел он по-французски) и позвал Эджидио.

— Послушай, — молвил он, — что я скажу тебе. Наша вера подобна рыбаку, который вылавливает сетью множество рыб, потом выпускает мелких, а крупных кладет в садок.

Франциск предчувствовал, что у его дела огромное будущее. На дорогах он останавливал прохожих — рыцарей, крестьян, мастеровых. кого угодно, и спрашивал в упор: «Брат мой, любишь ли ты Бога?» А те слушали, разинув рот, так как никогда прежде об этом не задумывались.

Он еще не проповедовал народу открыто, но, проходя по городам и мимо замков, он с простотою наставлял мужчин и женщин, говоря им: «Любите Бога и бойтесь, и совершите покаяние, достойное ваших грехов».

Когда он заканчивал свои речи, добрый Эджидио советовал: «Поступайте так, как говорит вам мой духовный отец, ибо говорит он высочайшую истину».

Все удивлялись. «Откуда взялись, чего хотят от нас эти странные люди?» — говорили они, ибо в то время мир уже забыл о Боге, хотя имя Его часто бывало на языке.

МЕНЬШИЕ БРАТЬЯ

Когда Франциск вернулся в Церковь Санта Мария дельи Анджели, трое жителей Ассизи — Саббатино, Морико и Джованни делла Капелла пришли просить, чтобы он взял их к себе, и он с отеческой заботой их принял. Позже эти трое привлекли Филиппо Лонго, Джованни ди Сан Костанцо, Бернардо ди Вириданте, так что в 1209 году их стало двенадцать. Франциск нежно любил их, прекрасно знал каждого и называл их братьями, желая чтобы они и между собой называли друг друга так. Позднее к этому имени он прибавил прилагательное, навсегда оставшееся в названии Ордена — «меньшие братья».

Название это напоминало о Евангелии, которое обещает Царство Небесное малым, и оберегает их. «Меньшими братьями» называли они себя и потому,

что из христианского смирения отводили себе во всем последнее место, и потому еще, что таким было их положение в обществе: ведь в коммунах, и особенно в Ассизи «старшими» звали богатых, власть имущих, зажиточных людей, низшие же сословия мастеровых и бедняков называли «меньшими». Жизнь была нелегкой, мятежи сменялись перемириями, перемирия — гонениями, когда у власти стояли то одни, то другие деспотические люди, и низшие слои страдали больше всех, ибо если в народе нет любви к ближнему, униженные никак не смогут поистине возвыситься. Франциск назвал своих последователей «меньшими братьями» — они должны были гордиться, что находятся среди угнетенных, и во всем держать их сторону, но не испытывать ненависти к угнетателям, а любить всех, знать и богачей, мирских людей и грешников, ибо все они — Божьи дети, все могут обратиться и возвыситься благодаря добродетелям, которых мы не замечаем.

Если для посвящения в рыцари надо пройти символический церемониал, в котором участвуют аллегории долга и усердия, то для посвящения в «меньшие братья» следовало разуться и облачиться в рясу, туго перепоясавшись. Это красноречивее золотых шпор, белого шелка, пурпурных одежд и меча на поясе. Если закон рыцарства — хранить до самой смерти верность Богу, Церкви и собственному синьору, хранить чистоту, отказываться от любой торговли, никогда не стремиться к выгоде, защищать слабых, женщин, угнетенных, восставать против любой несправедливости, и при встрече с любым человеком быть достойным и учтивым, честным и отважным, — все это было присуще и «меньшим братьям», с той лишь разницей, что их стремления были намного выше. Ничего для себя, все для Бога.

БЛАГОРОДНЫЙ ТРУД

И от природы, и благодаря хорошей выучке Франциск любил работать. Еще в миру он без стыда стоял за прилавком, ведь он был из торговцев, а торговцы были основой экономики итальянских коммун. Буржуазия, новое сословие, противостояла знати — это была новая знать, состоявшая из людей, которые всего добились своим трудом, а не получили титул в наследство.

После обращения Франциску пришлось заняться ручной работой — первые шаги на пути к Христу, тяжкий труд апостолов и святого Павла ради хлеба насущного придали ему невиданное благородство. Он ощущал свершившееся искупление и утешался трудом. Позднее он поведал о своем опыте, и последователи его, если не молились, работали, выхаживая больных, служа прокаженным, подметая в храмах, а уж затем занимались трудом, которому были обучены.

Наставник служил им примером и предписывал: «Я желаю, чтобы все мои братья работали и с кротостью вершили добрые дела, дабы избежать праздности, которая есть враг души, не быть людям обузой и честно зарабатывать хлеб свой. Те, кто обучен какому-либо ремеслу, пусть делают, что умеют; те же, кто не обучен, пусть учатся, но стремятся к тому, чтобы работать с верой и благоговением, иначе угаснет дух молитвы, которому должно служить все преходящее. Пусть остерегаются получить за труд сверх необходимого для пропитания, и пусть никогда не берут денег. Вот такую смиренную жизнь должны вести слуги Божьи, рыцари святейшей Бедности».

Введя такое правило, Франциск избежал опасности — братья уже не могли слишком возлюбить свой труд, а вместе с ним и самих себя и предпочесть внутренней жизни работу или славу. Одним из самых славных представителей этой трудовой аристократии был брат Эджидио.

Эджидио молился, путешествовал, трудился и пел. С молодых лет он странствовал по путям паломничества, которые вели в Рим, Апулию, Галицию и Святую Землю и зарабатывал себе на хлеб, выполняя любую работу. В Бриндизи он ловил орлов, в Кайро — был могильщиком, в Анконе — корзинщиком, в Риме — дровоколом, в Риети — помощником на кухне. В деревнях, по которым он проходил, он помогал собирать виноград, колосья, сливы, сбивал орехи, всегда отказываясь от денег и раздавая беднякам все, что не было нужно для дневного пропитания. Места он менял так же легко, как менял работу, как отдавал свой плащ с капюшоном, как презирал деньги. Он работал, чтобы жить, а не жил, чтобы работать. Он не хотел становиться ни рабом своего труда, ни рабом своего сердца.

Когда его приглашали к кардиналу, который любил и почитал его как святого, он не садился за стол, если в тот день ничего не заработал, и ел только сухой хлеб. Как-то раз хлынул дождь, и кардинал с радостью подумал: «Сегодня брат Эджидио не сможет выйти из дому на заработки!» Но Эджидио спустился на кухню и предложил повару вымыть ее всю, с пола до потолка, всего за два хлебца. На следующий день дождь продолжался и Эджидио заработал себе обед, вычистив все ножи. Когда же один священник, встретив этого бедняка, радостно идущего по дороге, крикнул ему: «Бездельник!», брат Эджидио заплакал в раскаянии.

Святой Франциск презирал праздных людей, словно животных-паразитов. Одному брату, который мало молился, не работал и не просил милостыню, он сказал: «Иди-ка своей дорогой, брат трутень, ведь ты поедаешь плоды труда твоих братьев, оставаясь праздным, не желаешь выполнять работу во имя Божье».

Кроме этого превосходного трудолюбия, было в нем еще одно благородное свойство — отдавать все и ничего не удерживать, но об этом никто еще не знал.

БЛАГОРОДСТВО МИЛОСТЫНИ

Одной из добродетелей, которой святой Франциск учил своих братьев, была нищета, но он видел, что они стыдятся просить, и, так как он любил и почитал их, словно каждый из них был лучше него, то, сохраняя присущую ему тонкость, оправдывал этот стыд и не заставлял их, но сам выходил каждый день и просил за всех. Быть может, он надеялся, что они научатся у него, или хотя бы наберутся решимости и скажут: «Идем и мы!» Но они были упрямы. Он уставал сильно, ведь от природы он был нежным, мирская жизнь прибавила ему утонченности, а новая жизнь изнурила его постами и лишениями. Поэтому он один не мог справиться с таким тяжелым трудом, да и не считал справедливым, если братья лишатся возможности усовершенствоваться в нищете. В конце концов он научил их как побороть стыдливость, объяснив им, что они вредили себе самим.

Он сказал им: «Братья и дети мои, Сын Божий был знатнее, чем мы, и все же в этот мир Он пришел бедным из-за нас. Из любви к Нему мы избрали совершенную нищету, которую от Него унаследовали, и потому не должны стыдиться милостыни, ибо наследники короля не стыдятся нести бремя наследства».

Объяснял он еще и так, стараясь воззвать к чувствам: «Время покажет, что в наше братство войдут самые знатные и самые мудрые, и просить милостыню они сочтут великой честью и благодатью. Вы же должны возрадоваться, что вы — первые и должны служить образцом будущим святым».

Но и это не коснулось их души. Необходимо было найти что-нибудь такое, что победило бы унижение. И Франциск нашел: «Просите милостыню ради Господа, и с еще большим рвением и достоинством, чем тот, кто предлагает тысячу слитков золота взамен на одну монету, ибо вы предлагаете любовь Божью за кусочек хлеба, а в сравнении с Его любовью все сокровища, и небесные и земные не стоят ничего».

Он был прав — мирская гордыня велит давать, но не просить; святой же Франциск, унизил себя до того, чтобы просить с великодушием человека, который забывает о себе. Кажется, будто он облагодетельствован, в то время, как он, благодетель, дарует то, что нельзя ни купить, ни продать — любовь. Тот, кто просит, сильнее и великодушнее того, кто дает. Дающий чувствует это и нередко подает милостыню, полагая, что он получит сверхъестественное вознаграждение, а на бедняка, произносящего: «Да воздаст вам Бог» смотрит с суеверной почтительностью. Разрушив привычные основы мирской жизни, святой Франциск открыл своим братьям, что просить выгоднее, чем давать, ибо ты, не подавая и виду, предоставляешь другим возможность совершить доброе дело — и потому он не считал унижительным протягивать руку со словами: «Брат, помоги мне».

Братья вняли этому объяснению. С тех пор каждый из них спрашивал позволения просить милостыню, а вернувшись, они показывали собранное Франциску, и один говорил другому: «Я собрал больше, чем ты».

Франциск был счастлив, смотря, как они радуются, но требовал при этом, чтобы они не удерживали у себя больше необходимого — все оставшееся они должны были раздать нищим.

БЕДНОСТЬ И СВОБОДА

Епископ Гвидо, оставшийся другом и советчиком Франциска, однажды принимал его у себя и довольно резко заметил:

— Ваша жизнь кажется мне слишком суровой и тяжелой. Как же вы существуете, не имея ничего, даже самого необходимого, ведь вас так много.

— Господин мой, — ответил Франциск по-латыни, — если бы мы имели что-нибудь, то нашим словам о милосердии и доброте никто бы не поверил. Да и вскоре нам понадобилось бы оружие, чтобы защитить наше имущество, ведь собственность рождает ссоры и раздоры, а это сильно мешает любви к Богу и к ближнему. Вот почему ничто преходящее нам не нужно.

Ответ очень понравился епископу. В нем было самое ядро учения, воодушевившего Франциска на то, чтобы члены его Ордена жили в бедности. Предшественники его считали возможным, чтобы не сами монахи, но община в целом, могла владеть домами и землями. Франциск же полагал, что любая собственность поглощает целиком, связывает, тогда как человек, посвятивший себя Богу, должен быть свободным как ветер, и идти со всеми, никого не боясь — ему нечего терять, нечего и наживать. Обладатели богатств кажутся весьма свободными, но на деле они зависят от семьи, от опутывающей их сети дел, от законов и властей, защищающих их, даже от людей, которые им служат, в то время, как он и его братья желали быть покорными людям, но не зависеть ни от кого, кроме Церкви.

Святой Франциск не относился к богатым с презрением, напротив, он даже настаивал на том, чтобы его последователи уважительно относились к тем, кто жил в изяществе и роскошно одевался, но при этом помнил, что для истинного служения ближнему, всецелого посвящения себя людям, необходимо лишиться себя всего, даже хижины.

У Франциска не было домашней утвари, он не желал даже, чтобы кто-нибудь из его монахов, (у них была незатейливая утварь) с вечера замачивал овощи, ибо Евангелие предписывает не думать о завтрашнем дне.

Не хватает ли нам ежедневных дел? Нищета как раз и освобождала от груза лишних забот.

СТРАНСТВУЮЩИЕ РЫЦАРИ

Первым своим собратьям, пришедшим в Порциунколу, святой Франциск сказал:

— Согласитесь, дражайшие мои собратья, что Бог милосердный призвал нас не только для того, чтобы мы сами спаслись, но и для того, чтобы собственным примером и словами мы убедили целые народы раскаяться и вспомнить о Его воле. Пусть не смущает вас, что вы бедны и невежественны, в вас заговорит Дух Божий. Вы встретите добрых людей, которые примут вас с радостью, встретите и злых, которые примут вас дурно и воспротивятся вашему учению. Расположите сердца ваши ко спокойствию и смирению.

Воодушевив их такими словами, Франциск благословил их, и они отправились в путь как апостолы, по двое, сохраняя в сердце его благословение и напутствие. Они ничего не взяли с собой, даже плаща, который носили обычно, потому что всегда были готовы уступить его первому, кто попросит; питались они дикими плодами и корками хлеба, которые им подавали Христа ради, спали под навесом, на ступенях церкви или же под деревом; при виде церкви или креста набожно преклоняли колена, вспоминая о страстях Господних; входя в город, село или дом, приветствовали людей словами святого Франциска: «Мира и добра вам», побуждая всех любить Творца неба и земли; стойко сносили голод, холод, нужду и лишения. Они страдали по доброй воле, им суждено было страдать и быть отвергнутыми, как Господу нашему Христу.

Их земляки и родственники давали им скудную милостыню или не давали ничего, говоря: «Для чего вы отказались от того, что имели? Не для того ли, чтобы есть за счет других? Теперь выкручивайтесь сами, глупцы». В те времена оставить все свое имущество и ходить от одной двери к другой, прося милостыню, было неслыханной редкостью.

Хотя в XIII веке не были редкостью паломники, пилигримы, кающияся, странно одетые, похожие на дикарей, едва прикрытые необычной одеждой; последователи святого Франциска производили впечатление. Некоторые боялись меньших братьев, как безумных, и при виде их бежали — те же, кто выслушивал их, говорили: «Они либо сумасшедшие, либо пьяные, либо они столь возвышенны, что нам не понять их». Многие засыпали их вопросами: «Откуда вы идете? Кто вы? К какому Ордену принадлежите?» Отвечать стольким людям сразу нелегко, но они говорили, что они — кающияся из города Ассизи, и что Орден их не учрежден.

Нередко бездельники и шалуны развлекались тем, что осыпали их бранью, забрасывали комьями грязи, совали им игральные кости, приглашая поиграть с ними, срывали с них жалкую одежду. Святые никогда не просят вернуть то,

что у них отняли. Если же им отдавали одежду, они кротко благодарили. Самые злобные хватали их сзади за капюшон и как мешок тащили за собою. К чему приводило такое унижение? Прибавляли они славы Богу, давая людям глумиться над собою? Будущее показало, что это так.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С БРАТОМ БЕРНАРДО ВО ФЛОРЕНЦИИ

Брат Бернардо и брат Эджидио направились во Флоренцию, проповедуя по дороге, как того хотел святой Франциск, войдя же в город, нигде не смогли найти себе пристанище. Остановившись у одного дома, обнесенного открытой колоннадой, в которую была встроена печь, они смиренно попросили хозяйку, чтобы она позволила им переночевать хотя бы у этой печи, если она не может приютить их в доме. Добросердечная женщина согласилась, но муж ее, вернувшись домой и увидев двух монахов, стал бранить жену: «Ты зачемпустила этих бродяг?» — Жена защищалась: «Я же не в доме их оставила, а на улице какая от них опасность? В худшем случае утащат несколько поленьев».

Она хотела принести им одеяла, на улице был холод, но муж ей заикнуться об этом не дал: «Нечего, нечего, обойдутся разбойники с большой дороги».

Брат Бернардо и его сотоварищ дурно провели эту ночь, лежа у печи и согреваясь любовью Божьей, под покрывалом госпожи своей Бедности; а лишь зазвонили к утренней мессе, они отправились в церковь. Наутро хозяйка пошла в ту же церковь, и увидев в углу своих гостей, стоявших на коленях и поглощенных молитвой, подумала: «А что я говорила? Если бы они были разбойниками, как называл их мой муж, разве могли бы они так набожно молиться?» Она удивилась еще больше, когда увидела, что произошло потом.

После службы некий мессер Гвидо, добросердечный господин, начал раздавать милостыню всем бедным, находившимся в церкви, но когда очередь дошла до двух бедняков, они от денег отказались. Услышав это мессер Гвидо остолбенел:

— Вы же бедняки, почему же не хватаете деньги, как другие?

На это ответил брат Бернардо:

— Для нас бедность не тяжела, мы сделали бедными добровольно для стяжания благодати и жизни по Евангелию.

— Так что же, вы никогда ничего не имели?

— Много, но все, что имели, раздавали бедным.

Все были изумлены. А хозяйка дома решила, что ради Господа следует приютить этих людей, отказывающихся от денег.

«Бог вознаградит вас за добрые помыслы», — ответили братья.

Но мессер Гвидо стал настаивать на том, чтобы они оставались у него сколько пожелают, говоря: «Вот место, которое приготовил вам Господь». И они остались к огромному удовольствию мессера Гвидо, который после этого стал еще более милосерден. Таким образом, братья, отказываясь от преходящих благ в ожидании вечных, получали в награду и блага земные.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С БРАТОМ БЕРНАРДО В БОЛОНЬЕ

Примерно в 1211 году святой Франциск направил брата Бернардо да Квинтавалле в Болонью, чтобы тот обратил к Богу души болонцев. Приготовления к странствию были коротки: брат Бернардо осенил себя крестным знамением, получил благословение учителя — и пошел.

Иной, отправляясь в столь образованный город, как Болонья, запасся бы красноречивыми проповедями, и стал бы держаться поважнее. Бернардо, вошел в город одетый как пастух и безмолвно сносил насмешки уличных мальчишек; более того — чтобы облегчить доступ преследователям, он остановился на главной площади города. Он спокойно уселся там, и вокруг него собрались девушки, мастеровые, лавочники, школьники, у которых кончились уроки. Им хотелось над кем-нибудь подшутить — кто дергал его за капюшон, кто швырял в него камни и грязь, кто ударял с одной, кто толкал с другой стороны, а Бернардо все молчал и улыбался не улыбкой слабоумного, но улыбкой человека, который знает, что делает. На несколько дней он добровольно как бы приковал себя к позорному столбу, и длилось все это до тех пор, пока доктор права, читавший лекции в Болонье, мессер Никколо деи Пеполи, в изумлении наблюдавший за ним и дивившийся его терпению, не вышел как-то раз в сопровождении любопытствующих школяров, и не спросил у него:

— Кто ты? Для чего ты пришел сюда?

Брат Бернардо, не говоря ни слова, вытащил из-за пазухи устав Ордена и протянул его ученому. Мессер Никколо прочел бумагу с изумлением и восхищением. Может быть, именно здесь та мудрость, которую они пытаются почерпнуть из книг? Затем повернувшись к ученикам, он сказал:

— Поистине, это самая высокая степень веры, какую я когда-либо видел, а человек этот и те, кто с ним, самые святые люди в мире. Обойтись с ним дурно значит сильно согрешить. Его должно почитать, как друга Божьего.

Он пригласил Бернардо к себе, и скоро предоставил ему небольшой домик, чтобы разместить в нем других братьев,— все он устроил и обставил на свои средства, сделавшись покровителем братства. Так, при помощи

уважаемого в городе человека, Бернардо возвысился в глазах болонцев, и они вознамерились узнать и понять его, а узнав, восхитились им так, что даже состязались за право увидеть его. И тот, кто смог лишь коснуться края его одежд, радовался, словно Бернардо был святым.

«Это дурно», — подумал он и однажды сбежал из ученого города, и вернулся к святому Франциску.

«Отец, — кротко проговорил он, — в Болонье все устроено. Направь туда других братьев, которые остались бы там, я же не могу больше приобретать. По правде говоря, для меня большей честью было бы терять».

Сияя от радости, он все отдал братьям, чтобы идти навстречу новым насмешкам и новым обращениям. И зерно, посеянное им, дало всходы, подобно горчичному семени. Никколо деи Пеполи сделался меньшим братом, а славнейший правовед Аккуризо оставил братству новое здание, и так понемногу начал закладываться фундамент церкви Святого Франциска, одной из самых прекрасных в Болонье. И пополаны, и нобили, и книжники, и бродячие артисты мечтали, чтобы их похоронили под кипарисами церковного дворика, ибо сладка смерть под покровительством святого Франциска.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Так же, как рыцари Круглого Стола, вернувшись из походов, собирались вокруг короля Артура, и каждого одинаково почитали, ибо во всем они были равны, рыцари Бедности, совершив свои благородные дела, всегда собирались вокруг святого Франциска. Они любили и почитали друг друга как братья, несмотря на то, что и двенадцать первых рыцарей, составлявшие первый Круглый Стол францисканцев, были разными по возрасту, и по положению.

Среди них были знатные и богатые, как Бернардо да Квинтавалле; доктора правоведения и теологии, как Пьетро Каттани; священники, как Сильвестро; а рядом с ними — крестьяне из соседних земель и настоящие рыцари, как Анджело Танкреди да Риети, которого Франциск победил, нанеся ему всего один удар. Улучив для этого минуту, он сказал ему сурово, когда тот проходил по улице: «Брат мой, долго уже ты носишь пояс, шпагу и шпоры! Настало время сменить пояс на веревку, шпагу — на крест, шпоры — на дорожную пыль. Иди за мною, и я сделаю тебя рыцарем Христовым».

Когда они собирались вместе, то были так счастливы, что забывали обо всех невзгодах. Время проходило у них в молитвах и труде, ведь Франциск не желал, чтобы братья жили в праздности; они содержали себя в чистоте

и бедности, побеждали в себе дурные помыслы с помощью противоположных им добродетелей, у них не было никакой собственности, даже книги были общими, по ночам же они вместе вставали, чтобы молиться.

Согласие, в котором они жили, было поистине дивным, один служил другому, предвосхищал его желания — так балует своего любимца мать — каждый готов был отдать за своего любимца жизнь; те же, кто должен был управлять другими, приучали себя к тому, чтобы стать смиренней остальных, а те, кто должен был подчиняться, никогда не противились высшему, ибо чувствовали данную ему от Бога власть. Они остерегались бранных слов, но если и случалось кому-нибудь подумать или сказать то, что могло бы обидеть другого, он тотчас же просил прощения, и просил, чтобы оскорбленный дал поцеловать свою ногу. Хотя и были они беднейшими людьми, у них всегда находилось что-нибудь для тех, кто навещал их.

И богатые и бедные приходили в рощу Порциунколы, где братья были щедры с бедными и отдавали им последнее, а с богатыми были обходительны и принимали их радушно, стараясь склонить к покаянию.

Они были радостны всегда, так как ни в себе, ни в отношениях между собою не имели ничего, что беспокоило бы их, и по научению святого Франциска, открывшего им глаза на все прекрасное, что только есть в мире, они чувствовали себя хозяевами в бескрайнем мире, созданном Отцом Небесным. Но по знаку учителя они были готовы разлучиться, чтобы пойти по тяжкому мирскому пути — ведь Франциск молил Всевышнего о том, чтобы из самых отдаленных краев Италии или Европы, все они разными дорогами вернулись к нему, ибо и сам учитель часто очень хотел их увидеть. Отпуская их, он полагался в некотором смысле на судьбу, у них же, как и у странствующих рыцарей, был свой король — Христос, и прекрасная дама — Бедность, и Святая земля — мир.

Франциск не встречал более дорогого его сердцу селения, чем его маленький город Ассизи, и в то время, как многие из обращенных стремились убежать далеко от родных и знакомых в поисках идилического уединения, он оставался на родине. Там начал он свой апостольский путь, там основал главную резиденцию Ордена, там пожелал и умереть. Хотел он также, чтобы братья его, хотя они и странствовали свободные, как ветер, возвращались на свою землю и работали там, ибо он был не только святым, но и гением, причем гением латинским, и понимал, что любовь и милосердие начинаются на родной земле, и не может быть человеколюбия там, где неведома любовь к родине.

Когда число братьев выросло до двенадцати, Франциск решил перевести свой Круглый Стол из Порциунколы в хижину, стоящую в долине между Санта Мария дельи Анджели и Сан Дамиано. Долина эта называлась Ривоторто, ибо там протекал извилистый горный ручей с каменистым дном. Их было двенадцать человек, и это означало, что возростала и ответственность.

В мае — июне 1210 года святой Франциск, еще ранее, в 1209 году, набросавший план устава, основанного на Евангельском учении, пришел к мысли о том, что пора поставить свои труды в подчинение Церкви, в основном — для того, чтобы получить разрешение на проповедь. Однажды он решительно объявил братьям: «Пойдем к нашему святому отцу, мессеру Папе».

Все двенадцать отправились в дорогу с той быстротой, с которой собираются люди, которым нечего оставлять и нечего брать с собою, причем святой Франциск из тяготения к послушанию и порядку назначил главой этого похода брата Бернардо.

По дороге они весело пели гимны Всевышнему, беседовали о Боге и о душе, молились, ведь у них не было никаких дорожных забот, и они останавливались на ночлег там, где наступала их ночь. Господь всегда предоставлял им и приют, и пищу. Когда «бедняги» появлялись среди людей, чтобы попросить милостыню, они не боялись, что их оттолкнут. В сознании их всегда жила мысль о том, что Бог им — Отец, и это помогало им обращаться к любому, как к брату.

В Риме они встретили своего епископа Гвидо, который нахмурился, решив, что они собрались навсегда покинуть Ассизи, но, узнав об их намерении, обрадовался и позволил им предстать перед папой, чему способствовала его дружба с кардиналом Джованни Колонна ди Сан Паоло.

Иннокентий III, душою — истинный вельможа, не только сострадал нищете, но и презирал ее. Внимательно оглядел он стоявшего перед ним нищего, желавшего жить и проповедовать в апостольской бедности, и сказал ему, что опасается, не из тех ли тот вальденсов или альбигойцев, которые, якобы следуя Евангелию, желают навязать Церкви, терзаемой их ересями, свои законы.

Иннокентий III смотрел ему прямо в глаза, Франциск не отводил взгляда, и изложил свой бесхитростный устав с такой твердостью, что, казалось, он на равных с царственным первосвященником, а тот почувствовав рядом с собой столь же великого, как и он, человека, ограничился таким замечанием:

— Дети мои, жизнь ваша кажется нам слишком суровой. Мы не сомневаемся в том, что вы, с вашей пылкой душой, можете снести ее суровость, но опасаемся за тех, кто придет после вас.

Франциск ответил на это:

— Мессер, я целиком посвятил себя Господу моему, Христу. Можно ли пренебрегать Его обещанием, данным тому, кто оставит все ради Него? Не следует ли отвергнуть все необходимое нам в нашей короткой жизни?

Увидев столь глубоко верующего человека, который не отступит, пока не достигнет цели, Иннокентий III сказал Франциску и его собратьям, чтобы они шли и молились Богу. Пусть Он откроет им Свою волю, а затем уж он, папа, вновь призовет их к себе.

Тому, кто верил не так сильно, ожидание это могло показаться мучительным, но Франциск, уверенный в том, что Господь, Который вдохновлял его, озаряет и Церковь, не усомнился. Он провел эти дни в Риме, ухаживая за больными в больнице Сан Антонио. Ничто так не утешает, не просвещает, не подготавливает к великим откровениям, как деятельное милосердие.

ПРИТЧА О ЦАРСКОЙ ЛЮБВИ

Собравшиеся на совет кардиналы не хотели принять новый Орден, в основном, по той причине, которую уже назвал епископ Гвидо — жизнь в братстве и проповедь несовместима с совершенной нищетой, которой не было ни в одном другом Ордене.

Но кардинал Джованни Колонна защитил святого Франциска таким неопровержимым доводом: «Я опасюсь, как бы мы не прогневали Бога, отвергнув просьбу этого бедняка, ведь она основывается на Евангелии. Если вы говорите, что его устав противоречит общинному жизнеустройству, из этого следует, что для человека невозможно следовать Евангелию».

Тогда Иннокентий III призвал к себе святого Франциска и его одиннадцать братьев. Накануне, ночью, после напряженных, мучительных дум об участи христианства, ему приснилось, что Латеранский собор начал рушиться, к нему подбежал человек в нелепой одежде и поддержал его, подставив плечи, которые вдруг стали исполинскими. Но стоит ли верить снам? Однако первосвященник едва поверил своим глазам, когда, увидев изнуренное, излучавшее свет лицо бедняка из Умбрии, узнал этого человека.

А тем временем святой Франциск произнес в защиту своего идеала речь в форме притчи в присутствии папы и всех кардиналов. Хотя притчу для красноречивого нравоучения применял именно Иисус, никому до этого не приходило в голову рассказывать притчи папе; но святой Франциск, истинный поэт, был склонен воплощать мысль в живые картины. Он ощущал, как вдохновляет его Бог, и рассказывал:

— Однажды царь полюбил бедную прекрасную женщину, которая жила одна в пустыне. Он женился на ней, и родилось у них много детей, и затем он покинул их. Когда дети выросли, мать сказала им: «Не бойтесь ничего и не стыдитесь, потому, что вы — царские дети. Идите же к его двору, и он даст вам все, что вам нужно». Так они и сделали, и царь, увидев их, восхитился их красотой. Он понял, что они похожи на него и спросил у них: «Чьи вы дети?» Когда они ответили, что мать их — бедная женщина, и живет одна в пустыне, он, возрадовавшись, принял их в объятия и сказал: «Не бойтесь, вы — сыновья мои. Если в моей трапезной едят слуги, тем больше достанется вам, ведь вы законные мои дети».

— Я, — объяснил Франциск, — как та бедная женщина, возлюбленная Господа, Который был столь добр, что подарил мне многих детей. Царь всех царей обещал мне, что будет кормить их — ведь, если Он кормит чужих, то тем больше должен дать детям законным. Если Господь дает грешникам преходящие блага из любви к их детям, то по заслугам воздаст Он тем, кто следует Евангелию.

Подперев ладонью подбородок, Иннокентий III внимательно его слушал, думая: «Неужели это именно он, человек из моего сна?» Кардиналы, сидевшие вокруг папы, смотрели на святого Франциска в ошеломлении. Никогда не слышали они, чтобы столь и простыми и дерзкими словами говорили о Боге и о душе, а все же притча его ни в чем не противоречила Писанию.

Неведомое величие, однажды, во время первой аудиенции, блеснувшее в глазах святого, проявилось в этой притче. Душа его бедна, ибо так нужно, но Бог любит ее, и прекрасна она именно потому, что бедна. Люди, принадлежащие к Ордену Нищеты, словно дети любви при царском дворе, всегда будут обласканы и приняты с любовью. Тому, кто уверен, что Бог любит его именно так, нечего опасаться и может он быть только святым. Иннокентий III понял это и обнял Франциска, одобрил его устав и, чтобы придать ему полномочия, а главное — чтобы собрать его имели право проповедовать, повелел, чтобы они приняли духовный сан.

Так посвятили в рыцари знаменосца Христова.

РИВОТОРТО

Радуюсь, что Церковь признала их, они вернулись в Ривоторто. Там стояла хижина, почти непригодная для жилья — в ней с трудом можно было выпрямиться во весь рост, такой тесной и низкой была она. Под потолочными балками святой Франциск написал имя каждого из братьев, чтобы

они могли найти свое место, если им захотелось помолиться или отдохнуть. Жизнь в Ривоторто была очень тяжелой, другие дома стояли далеко, там не хватало хлеба, и многие изнемогали от голода. Как-то ночью из темноты донесся чей-то крик: «Умираю! Умираю!»

Святой Франциск поднялся первым, зажег свечу и спросил:

— Кто сказал, что умирает?

— Я, — ответил один из братьев.

— Что с тобой? Почему ты умираешь?

— Я умираю с голоду!

Тотчас же святой Франциск велел принести ему весь сохранившийся у них небольшой запас пищи и приготовил трапезу с аккуратностью, присущей бедности, пожелав, чтобы другие братья и он сам ели вместе с голодным, дабы тому не было стыдно есть в одиночестве.

И все же святой Франциск учил их не придавать значения нужде, но жить вознося сердца, чтобы принять в себя Бога; работать, чтобы прийти к внутреннему совершенству, и больше других благ почитать свой апостольский путь, узаконенный Церковью.

Однажды мимо Ривоторто проезжал двор Оттона Брунсвикского, который возвращался в Германию, получив в Риме имперскую корону и, хотя со всех сторон сбегался народ, чтобы поглядеть на него, святой Франциск запретил своим рыцарям выходить из хижины. Лишь один из них вышел навстречу императору с пророчеством, что слава его кратковременна.

Некоторые братья не умели читать и говорили ему, как некогда апостолы говорили Христу:

— Научи нас молиться.

— Читайте „Отче наш“, — отвечал святой Франциск, и прибавлял, выражая любовь Христову, которая жила в его сердце:

— Говорите также: «мы преклоняемся перед Тобой во всех церквах, построенных в Твою честь, и благословляем Тебя, ибо Святой Твой Крест спас мир».

Невозможно представить себе более бедных, а посему — более счастливых людей: у них не было не только монастыря, но и келий, трапезная их располагалась на траве, обед состоял из сырой репы, корок хлеба и простой воды, оградой двора служил горизонт, огородом — долина, местом для отдыха — больница для прокаженных, радостью — молитва, а праздниками — те редкие дни, когда они собирались в Карчери, на склоне Субазियो. Там, в зелени густого, шумящего леса открываются глубокие пещеры, где можно уединиться, чтобы поразмышлять.

Это была настоящая идиллия с госпожею Бедностью; это было слишком прекрасно. И вот, как-то раз, когда братья молились на своих местах, грубый

голос нарушил благоговейную тишину: «Стой-ка, зверюга, здесь нам с тобой будет неплохо». В хижину по-хозяйски вошел крестьянин, толкая перед собой осла. Святой Франциск вздрогнул от такого самоуправства, помешавшего молитве братьев, посетовал он и на то, что этот мужлан, как видно, подумал, будто они остановились в Ривоторто, чтобы отстроиться там и сделать настоящий монастырь. Поэтому Франциск немедленно покинул хижину, сказав:

— Дети мои, Всевышний учил нас не тому, чтобы мы давали приют ослам, и не тому, чтобы люди нас навещали. Он велит нам проповедовать и молиться.

Братья с легкой душой покинули Ривоторто, наученные тому, что даже если ты сделаешься ничтожно малым и забьешься как таракан в щель, никогда нельзя быть уверенным, что какой-нибудь осел не придет и не выгонит тебя из последнего прибежища. И это справедливо, ибо любая дыра может показаться дворцом, как и одна монетка может стать миллионом в глазах того, кто любит деньги.

После ухода из Ривоторто, Круглый стол вновь оказался в Порциунколе, где некогда был учрежден. Святой Франциск попросил бенедиктинцев из Субазии отдать ему в пользование маленькую церквушку, которую он когда-то восстановил собственными руками, и разрешить, чтобы рядом с ней братья построили несколько хижин из хвороста, бревен и глины, подогнанных друг к другу, как прутья птичьих гнезд или плетеной изгороди. Бенедиктинцы согласились, но чтобы договор этот не означал безвозмездного дара, а стало быть, все это не превратилось бы в его собственность, святой Франциск пожелал платить годовую подать — корзину плотвы, выловленной в Тешо. Аббат же Субазии, чтобы его не превзошли в щедрости, давал им взамен бутылку масла.

КОДЕКС НОВЫХ РЫЦАРЕЙ

Число братьев все увеличивалось. Франциск так испытывал на святую чистоту: кто бы куда ни направился, всюду должно рождаться в людях желание любить Бога и служить Ему как служит он сам. В городах и селениях возникали группы последователей святого Франциска; управлял ими как и общиной Порцинкуолы, выборный настоятель, называвшийся гвардианом. Он подчинялся другому, старшему, управлявшему всеми «местечками» (а не монастырями, святой Франциск был против этого слова) провинции, он назывался «minister», то есть «слуга», и все «министры» были в зависимости от «генерального» (т. е. главного) «министра», которым вначале был святой Франциск, а потом — Пьетро Каттани. Время от времени «главный министр»

или «генерал» Ордена созывал детей своих на капитул в Санта Мария дельи Анджели.

Такому обширному Ордену был явно мал кратчайший устав, состоявший из нескольких строк Евангелия и одобренный Иннокентием III. Позднее был составлен новый, принятый с большими трудностями и затем утерянный, и весной 1223 года святой Франциск, удалившись в Фонте Коломбо, что у Риети, вместе с братьями Боницио из Болоньи и Леоне из Ассизи, в молитвах и одиночестве написал основной устав, впоследствии, 29 ноября того же года, одобренный папой Гонорием III.

Нет в мире закона более краткого, более обширного и более простого, столь строго формировавшего нравы и уважавшего каждого человека в отдельности, чем этот францисканский устав — ключ от райских врат, как назвал его автор, — устав, который в двенадцати статьях собирает воедино Евангельскую мудрость и учит людей этой мудрости.

Главное в уставе:

Послушание папе и Церкви прежде всего. Святой Франциск с таким благоговением относился к священнослужителям — посланникам Христа, что целовал землю там, где они проходили. Послушание прямому начальству отдельного «местечка», включая и братьев, а не только начальству определенного монастыря, как предписывали уставы предшествовавших религиозных Орденов. Меньшие братья, не обладавшие постоянными благами, не имели и постоянного начальства, и все же особая преемственность бедности строгим образом ограничивала жизнь братства и усложняла послушание, что было новым в средневековом монашеском законодательстве. Таким образом, крылатую свободу как бы обуздывали — птицы были привязаны нитью отречения.

Бедность. Никто не мог стать членом Ордена, не отказавшись прежде от собственного имущества, не продав его и не раздав вырученные деньги бедным. Совершив это, каждый мог оставить себе лишь рясу, плащ с капюшоном, повязку. (Если ряса заплата — тем лучше, это прибавит чести тому, кто ее носит) Кроме того: нельзя получать деньги, нельзя ничего делать своей собственностью, надо работать бесплатно, просить милостыню без стыда.

Чистота. Жизнь должна быть свободна от порочных желаний — их надлежит беспрестанно подавлять, и наполнена материнской любовью ко всем созданиям Божиим (в особенности — к собратям, к бедным и немощным) и вечным стремлением к совершенству.

Молитва и труд, выполняемые усердно и сменяющие друг друга. Нужно заниматься достойно тем ремеслом, которому братья обучены, то есть работать в соответствии с призванием.

Проповедь. Проповедовать только с соизволения церковной власти, в назидание людям и на благо им, но немногословно, ибо на земле Господь говорил кратко. Кто пожелает, может отправиться с миссией в дальние земли, чтобы учить Евангелию сарацин и других неверных, получив на это дозволение «провинциальных министров».

Существовало еще одно предписание, имевшее отношение ко всей жизни францисканцев — его можно назвать четвертым обетом после *бегности, чистоты и послушания*. Это *радость*. Ей святой Франциск придавал самое большое значение. Печальный монах — монах дурной. Уныние — от дьявола, оно означает, что ты думаешь лишь о самом себе, оплакивать же прошлое — грех. Грешно и стремиться к недостижимым благам, да и сами эти блага не истинны. В радости же выражены благодарение Богу, верность Богу, верная оценка жизни, сердечная чистота, отречение от себя ради других.

«Старайся всегда выглядеть радостным, — говорил святой Франциск, помогая братьям служить Всевышнему. — Если дело, каким бы благородным оно ни было ты делаешь с недовольным видом оно приведет лишь к тоске, а не к добру».

ГОСПОЖА БЕДНОСТЬ И УЧЕНИЕ

Есть одна невидимая ценность — знание. На свете есть много тяжелых и незвонких монет, обладание которыми рождает в иных робость, а в нас — горделивое чувство реального богатства. Это книги. Но как могут сочетаться нищета и учение? В XIII веке книги писали от руки, на пергаменте, переплет был деревянный или кожаный, набитый металлическими гвоздиками; стоили книги целое состояние, для хранения их требовались целые комнаты, ибо, в отличие от нынешних, они просто неподъемны. Могли ли владеть ими рыцари нищеты?

Именно этот вопрос задал брат Риккардо делла Марка, человек знатный и образованный, который мог отречься от всего, только не от занятий, посетив как-то раз святого Франциска в Ассизи. На это святой ответил:

— Наш закон предоставляет нам право лишь на верхнее платье с поясом и на исподнее.

— Что же мне делать, — спросил тот, — если у меня много ценных книг? — и весьма опечалился, услышав, что должен отказаться от них.

— Как же иначе? — воскликнул Франциск. — Вы хотите быть меньшими братьями среди людей и толкователями Евангелия, на деле же выходит, что вы хотите и денег!

Но у юношей тяга к книгам рождалась не из-за стремления к богатству и редким сокровищам, она возникала от жажды знаний и славы. Святой, умел читать в умах (а это самые интересные и трудные книги в мире), и когда послушник попросил позволения держать у себя псалтырь, ответил: «Император Карл, Роланд, Оливье и все доблестные рыцари, сражаясь с неверными, огромным трудом и смертельными мучениями добивались великой победы, они умирали, защищая Христа, но были при этом многие, которые, распевая о них песни, желали добиться почета и славы среди людей. Так и среди нас есть многие, кто, рассказывая о деяниях святых, хочет стяжать почести и славу».

Такими мудрыми словами святой Франциск хотел склонить самолюбивого юношу к добродетели, противопоставляя славе слов — славу действия, героизм борьбы — героизму болтовни.

Однако молодой брат вновь пошел в наступление, ибо очень хотел ускользнуть от столь сурового послушания, но не желал ослушаться. Святой Франциск почувствовал, что эта страсть не доведет его до добра и объяснил ее последствия:

— Пожелав иметь псалтырь, ты пожелаешь и молитвослов. Когда получишь молитвослов, ты усядешься за кафедру, как почтенный прелат, и прикажешь брату своему: „А ну-ка принеси мне молитвослов“.

Франциск не умел упрекать других, не упрекнув себя самого, и потому взял из очага горсть пепла и посыпал им голову, приговаривая:

— И мне молитвослов, мне тоже молитвослов!

Послушник покраснел, и святой признался:

— Брат мой, и я однажды поддался соблазну и пожелал иметь книги, но, не зная, какова будет воля Божья, взял Евангелие и попросил, чтобы она явилась мне на первой странице, которую я открою. И вот, когда я завершил молитву и открыл Евангелие, мне попались на глаза слова о том, что апостолам Он открыл тайну Царствия небесного, другим же это явится в притчах.

К этому он прибавил:

— Много на свете тех, кто по доброй воле поднимается до науки, но благословен будет тот, кто ради любви к Всевышнему останется несведущим.

Это означало, что истинная мудрость исходит не из книг, но из веры, смирения и труда, и в доказательство святой Франциск привел два довода: человек знает столько, сколько он делает, хорошо говорит лишь тот, кто трудится сам, а наука бессильна против страдания, и в день Страшного суда не поможет.

Но, когда перед ним предстал юноша, для которого любовь к учению была явным призванием — в ней не было ни праздного любопытства, ни

тщеславия, ни высокомерия, настолько он сумел подавить в себе эти слабости — святой Франциск сказал ему: «Учись и учи других, ибо дух молитвы не угас в тебе». Звался этот юноша Антонием Падунским.

Святой Франциск боролся с высокопарной ученостью, противопоставляя ее нищете сердца: она не способна преобразовать мир, это мудрствование без мысли и мысли без дел, себялюбивая ученость, которая ведет к любованию самим собой, но не к тому, чтобы жертвовать собою ради других.

Госпожа наша Бедность в согласии с ученостью только тогда, когда ученость — от благодати Божьей.

СОБОР СОЛОМЕННЫХ ХИЖИН

Одним из самых знаменитых капитулов был тот, что собрался в Санта Мария делья Анджели на Троицу 1221 года. Его называли Собором соломенных хижин, так как братья, разделенные на группы, по провинциям, из которых они пришли, расположились под навесами из плетеной соломы. Было братьев пять тысяч, но это войско раскаявшихся не производило шума, что обычно бывает, когда соберется много народа. Спали они на голой земле, подложив под голову камень, молились, служили мессу, оплакивали свои и чужие грехи, особенно грехи своих благодетелей, или же, собравшись по сорок, по сто, а то и по двести человек, слушали, как один из них говорит о Боге, радуясь, что собрались вместе, и чувствовали себя одним сердцем и одной душою в прекрасной долине, окруженной спящими холмами. Из всех соседних селений приходили бароны и рыцари, благородные и простолюдины, почтенные прелаты и клирики, чтобы посмотреть на такое собрание святых, и мессер Раниеро Капоччи, кардинал-диакон, выражая общее впечатление, сказал: «Поистине, на этом поле расположилось войско Божьих рыцарей».

Но более всего хотели увидеть люди предводителя войска. И святой Франциск, возвышаясь над толпой преданных ему сыновей, заговорил с пылом, сверхъестественным для его тщедушного тела: «Дети мои, великие дела обещали мы, но гораздо более обещал нам Бог. Подумаем о первых, и будем ждать вторых. Недолговечны мирские радости, но мучение, следующее за ними, вечно. Страдание в этой жизни невелико, но слава в той жизни бесконечна».

Тут крыло надежды коснулось внимательно слушавших братьев. Потом Франциск поведал о главных добродетелях, о которых говорится в уставе, и закончил: «О таком святом послушании прошу я вас: чтобы никто из собравшихся здесь не заботился ни о еде, ни о другой телесной нужде, но стремился

лишь к тому, чтобы прославлять и почитать Бога, и заботу о всякой нужде вашей доверьте Ему, ибо Он вам предоставит все необходимое».

Такое приказание показалось безрассудным мирским, опасливым людям, но вот из Перуджи, из Сполето, Фолиньо, Спелло и Ассизи потянулись обозы — лошади, вьючные ослы, телеги с хлебом и вином, бобами, сыром и другими съестными припасами. Были там скатерти, глиняные чашки, миски, стаканы, словом все, что было необходимо пяти тысячам бедняков Божьих. Люди даже соревновались в том, кто больше принес, а знатные господа и рыцари считали за честь смиренно и преданно прислуживать святым. Франциск был немедленно вознагражден за свою безграничную веру; словно Христос, его Повелитель, он повторил для пяти тысяч сыновей евангельское чудо о хлебах и рыбах. Тот, кто ничего не желал, получил от Провидения с избытком.

Во время этого капитула святой Франциск узнал, что многие братья сильно ослабли, так, что не могли молиться, а некоторые даже умирали от чрезмерного покаяния, и приказал принести ему железные вериги, обручи, цепи и власяницы, с помощью которых братья истязали свою плоть. Те послушались и выложили перед ним целую гору железа; и, получив его благословение, отправились каждый восвояси, свободные и стремительные, как птицы.

УЧИТЕЛЬ

Святой Франциск очень любил своих братьев, и, наделенный природной нежностью, не мог даже упрекнуть их, предпочитая молчание, или же возлагал на самого себя самое тяжкое послушание, чтобы искупить их вину. Однако, он понимал, что это вредно для их пути к совершенству, и потому, сознавая слабость каждого из них, наказывал и исправлял их мудро, не боясь показаться чрезмерно суровым или слишком странным.

Чтобы уничтожить в брате Массео честолюбивые мысли о том, что он красавец и прекрасный оратор, святой Франциск, когда они оба оказались на перекрестке трех дорог — во Флоренцию, в Ареццо и в Сиену, наложил на него послушание — вертеться волчком, пока он его не остановит. Брат Массео подчинился, хотя и устыдился немного, ибо прохожие останавливались и смеялись, глядя, как он вертится будто дитя, но серьезно отнесся к послушанию и, падая от головокружения, поднимался и начинал вертеться снова. Так было много раз, до тех пор, пока святой Франциск не сказал:

—Стой.

Брат Массео остановился.

— В какую сторону ты смотришь? — спросил Франциск.

— В сторону Сиены.

— Вот та дорога, которую Бог указывает нам.

Они вошли в Сиену как раз тогда, когда в городе столкнулись представители враждебных групп, и двое уже погибли. Святой Франциск заговорил с людьми так набожно, что враги помирились, воцарилось спокойствие, и епископ Сиены с большими почестями принял Франциска у себя во дворце в знак благодарности за доброе дело, которое тот совершил для его города.

Следующим утром, лишь только забрезжил рассвет, Франциск решил уйти, не давая знать епископу, ибо публичные почести смущали его кроткую душу. Брат Массео дивился своему учителю, который всего за день до этого заставлял его вертеться волчком, а теперь крадучись покидал дворец, не попрощавшись и даже не сказав ни слова благодарности доброму епископу, так радушно их принявшему. Разум убедил его в том, что это бунтарские мысли и что он ошибся, позволив себе осудить такого человека, как Франциск, который все же не дал пролиться крови в Сиене. Он шел понуриив голову, как вдруг святой Франциск, умевший читать в сердцах, сказал: «Придерживайся этих мыслей, ибо они хороши и полезны, и забудь о том, что перед тем ты злословил, ибо злословие — от лукавого».

В другой раз, дабы укротить строптивые мысли брата Массео, святой Франциск сказал ему: «В назидание тебе я назначаю такие послушания: ты будешь привратником, будешь просить милостыню и прислуживать на кухне, а во время обеда ты будешь есть за дверью и оказывать внимание всем проходящим. Прежде, чем они постучатся в дверь, ты каждому скажешь доброе слово и пожелаешь мира, тогда собратьев твоих не будут беспокоить».

Брат Массео покорно накинул капюшон, склонил голову и многие дни служил поваром, привратником, просил милостыню, товарищи же его восхищались им, но и очень его жалели, видя, что такой достойный человек, изнурен этой тройной работой. Наконец они возроптали. Собравшись вместе, они сказали об этом святому Франциску, который благодушно выслушал их братскую просьбу и сказал Массео:

— Твои товарищи желают разделить с тобою послушание, и в этом я согласен с ними.

— Отец мой, — ответил брат Массео, — я считаю послушание, возложенное тобою, послушанием от Бога.

Так урок кротости, предназначавшийся для одного, стал уроком кротости и милосердия для всех. Учитель считал кротость самой важной

добродетелью, более того — он не доверял другим добродетелям и, в особенности, духу молитвы и размышлению, если видел, что братья не наделены кротостью. Единственным, кто всецело предался мыслям о Боге, был брат Руфино — он почти разучился говорить, ибо уединился в лесу и молился там, и потому однажды святой Франциск велел ему пойти в Ассизи и проповедовать там. Брат Руфино защищался, как мог:

— Святой отец, прости меня и не посылай, ведь ты знаешь, что я лишен дара проповеди, бесталанен и слаб умом.

Франциск тут же ответил:

— Раз ты не подчинился немедленно, я приказываю тебе идти в Ассизи в одном исподнем, и так войти в церковь, и проповедовать перед народом.

Для благородного человека, родившегося в Ассизи, где у него оставалась семья и знакомые, приказ этот был жесточайшим, но он повиновался. Люди, увидев его в такой одежде, начали смеяться над ним, говоря, что покаяние свело его с ума.

А святой Франциск, подумав о приказании, данном им брату Руфино и о том, как тот подчинился, упрекнул себя в чрезмерной жестокости. «Откуда у тебя столько самонадеянности? — сказал он самому себе. — Ты, сын Пьетро Бернардоне, грубого мужлана, приказываешь брату Руфино, одному из самых благородных людей Ассизи, пойти в одном исподнем к народу, словно он безумец? Иди и ради Бога испытай на себе то, что приказываешь другим».

Тотчас же он разделся и в сопровождении брата Леоне, который нес его одежду и одежду брата Руфино, пошел в Ассизи. Войдя в церковь, где проповедовал его собрат, он взошел на кафедру, и заговорил о бедности Христа, о добровольном покаянии, с таким чувством, что народ не смеялся, а плакал.

Так учитель исправлял в себе чрезмерную суровость, и, благодаря Духу, Который вдохновлял его, творил чудеса, обращая души человеческие. Назидания его собраны в 28 маленьких главках и основными выдвигаемыми требованиями являются: бедность, милосердие, послушание, подражание Христу, мудрость малых, — но в краткости своей они таят глубокий смысл и для собранности разума и для возрождения. Чтобы постигнуть эту мудрость, необходимо было высвободиться из темницы старых слов и услышать новые из уст учителя в Ривоторто, в Порциунколе, в Карчери, Фонте Коломбо, Верне, среди густой зелени леса, среди прекрасной природы, созданной Богом и по-новому объясненной святым Франциском. А еще больше, чем предписания, нужны были примеры. Святой Франциск это знал.

Лишь только Господь доверил ему новых братьев и открыл ему Свой Завет, Франциск почувствовал ответственность учителя и основателя

Ордена, и это чувство становилось все более острым, распространялось на все его деяния, побуждая его стремиться к совершенству. «Нужно, — думал он — чтобы я был таким, каким хочу видеть их, и даже лучше». Быть еще лучше — то есть сделаться великим примером, чтобы показать и близоруким, и дальноруким те добродетели, которым следует подражать, и убедить слабых духом, что они достойны подражания. Тогда он стал беспощадным к себе, наложил на себя нечеловечески трудное послушание, и чем больше братья его отклонялись от идеала, тем больше он мучил себя, считая, что это искупляет их грехи и позже приведет к тому, что они поймут свои ошибки.

Способность к личному примеру подтверждалась осознанностью его миссии и усиливала его личное влияние как учителя. Он был учителем, наделенным всеми дарами глубокого и истинного гения, огромной и щедрой душой — музыкальной, солнечной, свободной от условностей, которая давала начало радости, отталкиваясь от страдания, красоте — от обыденности, добрым делам — от равнодушия и греха.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БЕДНЫЕ ДАМЫ

ВЕЛИКИЙ ПОСТ 1221 ГОДА

Как только Франциск вернулся из Рима, получив позволение проповедовать, епископ Гвидо решил обратить его деятельность во благо своей епархии и поручил ему служить во время Великого поста в самой большой церкви Ассизи. С первых же дней прекрасный храм Сан Руфино заполнили любопытствующие, ожидавшие апостольской проповеди сына Пьетро Бернардоне. В числе постоянных слушателей Франциска были дамы из семьи мессера Фавроне ди Оффредуччи, мадонна Ортолана и три ее юные дочери — Клара, Катерина и Беатриче. У Оффредуччи, одного из самых знатных и влиятельных семейств, был дворец-крепость, стоявший на площади Сан Руфино; они гордились семьей рыцарями, принадлежавшими к их роду, доблестными и жестокими, непреклонными в ненависти и в любви, беспощадными в вендеттах, жадными до боевой славы, до трофеев и приключений в далеких землях.

Три девушки выросли среди шума войны. Вместе с семьей были они сосланы в Перуджу, когда знать изгоняли из Ассизи, и были набожны и скромны. Они никогда не показывались на балконе, если через площадь вереницей шли рыцари и солдаты, или народ собирался в толпу, или же небольшое войско прежде чем отправиться со знаменем и боевой колесницей в бой с соседними коммунами входило в собор, чтобы получить благословение святого покровителя.

Мать сразу же после замужества отправилась в Святую землю, и Клара унаследовала от нее жар молитвы, от отца же и воинственных предков —

властную стойкость духа. Никакое насилие не смогло бы сломить ее волю. Она понимала латинский язык церковной службы, читала жития святых, трудилась на благо бедных, отказывала себе в лакомствах, чтобы сохранить их для нищих, много молилась, читая по четкам «Отче наш».

Ее не привлекали песни гитаров, не смешили выходки шутов, разговоры подруг не развлекали ее, канцоны и сирвенты наводили на нее тоску — не тоску по неведомой любви, но тоску по беспредельному. Когда же родные заговаривали с ней о замужестве, она отвечала: «Подождем!» — для того лишь, чтобы не сказать: — «Я не хочу».

Почему же она не хотела?

Пока она спрашивала себя о том, чего же ей хочется и как прожила бы она свою жизнь, святой Франциск начал проповедь. Ему исполнилось тогда тридцать лет, и в сущности кроме голоса и глаз в нем не было ничего красивого, но когда он говорил, именно глаза и голос устремляли его к Богу. Проповедь его поражала так прежде всего потому, что он говорил так, как жил. Многие проповедники, призывая людей к покаянию и добрым делам, сами того не делали — он же поступал именно так; красоту и радость, к которым люди стремятся в жизни, он вкладывал в слова свои, чтобы привлечь к добродетели, то есть действием его было слово, а словом — поэзия, озаренная поступками. В словах чудесного проповедника Клара услышала ответ на свой вопрос и решила поговорить со святым Франциском.

ПРИЗВАНИЕ СВЯТОЙ КЛАРЫ

Мадонна Клара рассказала своей подруге, Боне ди Гвельфуччо, о том, какое впечатление произвел на нее певец Божий еще с того времени, когда под улюлюканье мальчишек просил подать ему камни, чтобы восстановить церковь Сан Дамиано. Ни воинственная доблесть, ни храбрость на турнире не сравнились бы с его смелостью, придворная роскошь была ничтожной в сравнении с этой нищетой. Брат Руфин и брат Сильвестро были родственниками Оффредуччи, и двум подругам удалось повидать святого Франциска.

При первой же встрече в Порциунколе Франциск, знавший ее в лицо и наслышанный о ней, понял, что из тысячи душ не найдется другой, которая так хорошо понимала бы его и была бы способна следовать за ним более преданно. Пока, трепеща от восхищения, Клара открывалась ему и просила, чтобы он научил ее жить для Бога, в совершенной нищете, святой Франциск предавался думам и воспоминаниям.

Эта девушка, стоявшая перед ним на коленях, из тех самых Оффредуччи, которые с таким презрением смотрели на него, когда он был всего лишь сыном

торговца, он же смотрел на них с завистью, ибо мечтал о рыцарских золотых шпорах. Дядя Клары, Мональдо, сражался против него и его войска при Коллестраде. И вот теперь лучшая представительница этого семейства оказывала ему честь, вернее не ему самому, но предмету его мечтаний — ни один рыцарь не мог даже и помыслить о такой чести. Кто из рыцарей короля Артура удостоился столь высокой награды?

Глашатай и трубадур Христа тотчас же ощутил, что долг его — посвятить девушку своему Царю. Он согласился поговорить с нею тайно, в ее доме или же в доме ее подруги, или же в Порциунколе, чтобы рассказать ей, как бессмысленно мирское существование, как возвышенна жизнь в Боге, и жизнь в нищете, не скрывая и тех тяжелых лишений, которые ей предстоят, но разжигая в ней любовь к Господу, с помощью которой можно победить любые невзгоды.

Готовиться к этому он стал немедленно. Клара еще больше укрепилась в своем намерении, и в тот же час проявилось единение ее духа с духом учителя, ибо, приняв решение, она не пожелала ждать. Ей, хрупкой барышне, надо исполнять дословно все, что предписывает Евангелие? Хорошо, пусть так! Дочери рыцаря, для которой самое необходимое то, что для других — излишняя роскошь, надо жить в бедности? Пускай! И ведь речь шла не о том, чтобы уйти в известный уже монастырь или пойти по проторенному пути, но о том, чтобы идти своей дорогой, стать основательницей нового Ордена, повинувшись слову нового человека, которого мудрецы старого образца считали немного безумным.

Накануне Вербного воскресенья 1211 года, Клара отправилась к святому Франциску, стремясь узнать, когда же она сможет полностью посвятить себя Богу и оставить свой дом. Учитель объяснил ей, что нужно для этого сделать. Утром Вербного Воскресенья, на торжественном богослужении, жители Ассизи увидели мадонну Клару дельи Оффредуччи в роскошном платье, изящную, красивую и радостную, в окружении сестер и подруг. Такой она не была никогда.

«Не иначе как мадонна Клара обручена», — шептались любопытные

Во время службы Клара погрузилась в столь глубокие размышления, что не заметила, как все поднялись и направились к алтарю, чтобы получить священную оливковую ветвь. Очнувшись, она не осмелилась пройти через всю церковь одна. И тогда произошло знаменательное событие. Сам епископ Гвидо, человек прозорливый, выбрал лучшую ветвь, сошел со своего места вниз по ступеням и вложил ее в руки молящейся. Церковь в лице епископа благословила святую Клару, как и святого Франциска, и приняла новый образ религиозной жизни.

ПОБЕГ И ОТРЕЧЕНИЕ

Лунной ночью городок Ассизи спал, освещенный луной. Казалось, что уснул и дворец Оффредуччи. Уснули семеро суровых рыцарей, спала мадонна Ортолана и ее младшие дочери, спали служанки, даже сторож у парадной двери задремал, растянувшись на лавке. А Клара готовилась к побегу. Затаив дыхание, на цыпочках, она прошла сквозь темные залы, спустилась по лестнице, и так как она не могла бы пройти через охраняющую дверь, то направилась к «двери мертвых», — такая маленькая дверь была в каждом средневековом доме, и служила она только для того, чтобы выносить из нее гроб. Проход был завален камнями и бревнами. С трудом, царапая себе руки и вздрагивая от каждого шороха, Клара вытащила все камни и поленья с невероятной для нее силой — и оказалась на свободе. Ее поджидала подруга, Пачифика ди Гвельфуччо. Быстро и легко в тишине лунной ночи две девушки бежали через холмы.

В церквушке Санта Мария дельи Анджели братья распевали гимн Богу, думая: «Придут ли они или их побег обнаружат? Не встретят ли они опасности в пути?»

Брат Руфино и брат Сильвестро были посланы им навстречу, а затем и все рыцари Бедности двинулись с зажженными факелами вперед, чтобы принять беглянок, и препроводить их в пылающем шествии через лес в церковь, где ждал святой Франциск. У алтаря Девы Марии Клара посвятила себя Всевышнему, обещая следовать за Ним в нищете, как велит устав, созданный ее учителем, Франциском. Для того, чтобы запечатлеть этот брачный договор, Клара сменила бархатное платье, ожерелья, расшитый камнями пояс и атласные туфельки на плащ из грубого сукна, веревочный пояс и деревянные башмаки. Но этого было недостаточно. Она склонила голову и святой Франциск обрезал ей волосы. Густая коса с трудом поддалась ножницам, которые со скрипом отсекали этот водопад живого золота.

А Клара стояла, преображенная неземной красотой, и рыцари Нищеты смотрели с нежностью и восхищением на девушку, которая стала теперь подобной им, избрала их суровую жизнь ради стремления к их идеалу. У Клары было мужское сердце, она могла выдержать эту жизнь, даже ходить от двери к двери, выпрашивая милостыню, и проповедовать в заморских странах, и претерпеть мученичество. Черное покрывало легло на остриженную голову, на лоб, белый и чистый, будто лилия. Рассвет уже пробуждал поля, когда святой Франциск предоставил дочь свою бенедиктинкам из монастыря Сан Паоло, что возле Ассизи.

Рассвет пробуждал холмы, когда в замке Оффредуччи обнаружили, что комната Клары пуста, постель не смята, а «дверца мертвых» открыта какой-то невиданной силой. Тотчас же весь дом наполнился таким шумом, будто в нем началось восстание. Восстание случилось и впрямь — стремясь к новому идеалу, разбивая семейные традиции, «серебряная голубка» вылетела из гнезда в неприличную для девицы жизнь, полную странностей и опасностей, в нищету, на которой уже помешался некий сын торговца. Мадонна Ортолана призывала всех успокоиться, но сестры плакали, служанки растерянно слонялись по дому, а семеро рыцарей собрали родственников и единомышленников, вскочили в седла, и пригнувшись к спинам коней, помчались в монастырь Сан Паоло.

Клара укрылась в церкви — там бы к ней не посмел бы никто притронуться, ибо это убежище неприкасаемо, и, прильнув к алтарю, слышала, как рыцари бранят ее, угрожая и уговаривая. Они напоминали ей о знатном происхождении и о том, какую убогую жизнь она избрала взамен прежней, пытались разжечь в ней жалость, рассказывая о слезах матери, грозили мстью и жестокой расправой. Для того, чтобы укрепить Клару в ее намерении, только это и требовалось — ведь у нее, как и у них, было львиное сердце.

Вдруг, все еще сжимая одной рукой край алтарного покрывала, она сдернула покрывало с головы и показала рыцарям остриженные волосы, в знак того, что никогда не отделит свою судьбу от Христа.

Рыцари в безмолвии отступили — пострижение означало посвящение Богу, а эти железные мужи, хотя и проклинали Клару, в Бога верили, — боялись гнева Божия. Для них, любивших ее эгоистической любовью, Клара была потеряна навсегда.

И все же они не сдавались, настаивая на том, чтобы она хотя бы избрала Орден, достойный ее благородного происхождения. Но чем больше они наступали, тем крепче становился ее дух, ибо прирожденная пылкость и любовь к избранному идеалу придавали ей огромную силу. После нескольких дней бессмысленной борьбы побежденные и утомленные родичи сняли осаду.

И тогда Франциск вместе с Филиппо и Бернардо перевел доблестную даму в более надежное место. Рыцарский кортеж через цветущую долину проводил Клару в другой бенедиктинский монастырь, на склоне Субазии — Сант Анджело ди Пансо.

ПОБЕГ КАТЕРИНЫ

Две недели спустя в двери этого монастыря постучала сестра Клары, Катерина, шестнадцатилетний подросток с небесно-голубыми глазами. «Я хочу жить, как и ты, ради Всевышнего» сказала она. Новый побег вызвал в доме Оффредуччи взрыв негодования, и на следующий день двенадцать вооруженных всадников начали осаду монастыря.

Бенедиктинки неосмотрительно позволили войти во двор некоторым из них, самым близким ее родственникам, но те не склонили ее немедленно вернуться, и тогда кулаками и пинками вытолкали ее за ограду монастыря. Она вырывалась как левенок, крича: «Клара, сестра, помоги мне! Смилуйся, Боже!» Но злодеи, схватив ее за волосы, потащили по горной тропе со всей присущей им жестокостью. Кровавая полоса и вырванные белокурые локоны обозначали на камнях и придорожных кустах ежевики ее путь, пока, наконец, маленькая героиня не лишилась чувств. Не отличавшиеся героизмом воины в нерешительности застыли над телом, словно бы лишившимся жизни, но лишь только собрались они поднять его, как оказалось, что это невозможно — оно стало тяжелым как свинец. А свирепый дядя Мональдо, замахнувшись для удара, так и остался с поднятой рукой, будто его разбил паралич.

Чудо? Ну, конечно, Клара молилась в монастыре, стоя на коленях, и Господь услышал ее молитву, сделав так, чтобы неистовавшие родственники ощутили, как ничтожна сила в сравнении с волей, а воля непобедима, если связана с волей Божьей.

Потом пришел святой Франциск и посвятил в монахини Катерину, изменив это имя на имя «Агнеса», ибо она, словно ягненок, принесла себя в жертву Агнцу Божьему. Не была ли она слишком юной? Но она уже прошла первое испытание и пострижение совершили руки жестоких родичей. И в монастыре Сант Анджело ди Пансо сестры не чувствовали себя в безопасности, к тому же путь бенедиктинок был не для них. Тогда святой Франциск попросил епископа Ассизи, чтобы тот позволил предоставить церковь Сан Дамиано для приюта бедных девушек, и епископ это разрешил.

ТВЕРДЫНЯ ГОСПОЖИ НАШЕЙ БЕДНОСТИ

Клара знала, что такое Сан Дамиано для учителя; знала она и то, что не может, как братья, идти по миру, не имея ни дома, ни пристанища, и потому Франциск предоставил ей укрытие в церкви, которую он восстановил своими руками, в первом порыве обращения. Там сохранилось Распятие,

некогда заговорившее с ним. Клара начала свою жизнь монахини, охраняя идеал учителя, чтобы впоследствии преобразовать эту церковь во Второй Орден, который основан на его мыслях и ее жертве.

Клара и Агнеса не были одиноки в Сан Дамиано. Их необычайные приключения разволновали жителей Ассизи и ближних селений, и пока миряне изумлялись этому преображению сознания и тяге к нищете, многие девушки захотели последовать их примеру.

Те, у кого была чуткая душа, чувствовали, как переполнена жизнь ненавистью, сумятицей, большими и малыми войнами. Слишком много грубости противостояло благородству, рыцарство и поэзия давали мечтательным лишь пустые обещания; единственным истинным благом казалась религиозная жизнь, и новая жизнь с Богом, которую начала Клара, привлекала людей больше, чем богатые монастыри, настоятельницы которых вели себя на равных с епископами и феодалами, — ведь судьба Клары казалась близкой нищете Христа, Его мучениям и распятию.

Первыми в монастырь Сан Дамиано удалились подруги сестер Оффредуччи, вместе с которыми те играли, перебирали струны лютен, шили и вышивали у зажженного очага или на цветущем балконе. Это были Пачифика ди Гвельфуччо, Бенвенута и Филиппа; потом к ним примкнули кузины и другие родственники, а затем — и обитательницы дальних замков, среди которых была прекрасная Амата да Коккорано, которая неожиданно для всех, накануне свадьбы, покинула дом, оставив на постели свадебный наряд и венок из роз. Она убежала в Сан Дамиано, словно повинувшись непреодолимому зову, и осталась там, до последних дней своей жизни. Впоследствии в Сан Дамиано пришли мать Клары и сестра ее, Беатриче, — так Господь заботливо соединил семью вокруг девы, некогда ее оставившей ради Него.

Святой Франциск нашел для своих последовательниц имя, раскрывавшее суть его идеала. Он назвал их не «меньшие сестры», наподобие «меньших братьев», но по-рыцарски: «бедные дамы», желая напомнить им и другим, что и в самой чудовищной нищете они должны ощущать себя господами, невестами Христа, которые, отрекшись от всего, остаются богатыми, словно дамы (римские «dominae») держащие себя с достоинством и пользующиеся уважением.

У святого Франциска было воображение трубадура, и он назвал Сан Дамиано твердыней нищеты, ибо хижины монахов поистине были образцом ремесла, но трудно было представить себе более бедное жилище. Церковь была невысокой, темной и пустой, хорами служила маленькая каморка, а если спуститься вниз на пять ступенек, можно было увидеть обветшалые столы, ветхие стулья вместо скамеек, скамеечки — подставки для колен, два старых треножника, похожих скорее на гнезда голубок, а надо всем этим —

окошко, как тюремное. В спальне не было постелей: здоровые спали на соломе, больные на тюфяках, в трапезной стоял неотесанный стол с грубой посудой, зато у святой Клары был садик, маленький, словно клумба. Но все в этой нищете светилось миром и кротостью. В церковный дворик проникало совсем немного света, но и он был так ясен, будто солнце светило изнутри, клумбочка цвела и благоухала, как настоящий сад, и не верилось, что она может вместить в себя столько гераней и ноготков, и базилика, мяты и роз. Тому, кто смотрел из этого сада, горизонт казался бесконечным и тем более расширялся, чем более душа погружалась в благодать.

Бедные дамы, как и меньшие братья, дали обет послушания, нищеты, душевной и телесной чистоты и радости. Они никогда не бездействовали, работали на благо церквей и бедняков, молились, лечили прокаженных, которых присылал святой Франциск, и нередко страдали от голода — сами они не могли просить милостыню, и должны были ждать, пока ее принесут. Страдали они и от пронизывающего холода, от ледящих северных ветров, ибо климат на склонах Субазии суров даже весной.

Но они любили свою нищету, она означала, что они отреклись от себя ради Отца Небесного, и беспрекословно следуют Распятому Христу. В этом поддерживал их учитель, святой Франциск.

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИЦЫ

И все же святой Франциск приходил в Сан Дамиано не так часто, как бедным дамам хотелось бы. Когда он увидел, что они выбрали верный путь к совершенству, его посещения стали редкими. Благоразумный учитель хотел, чтобы они научились обходиться без него и ходить без опоры, следовать за идеалом, а не за человеком, любить великого Царя, а не Его глашатая. К тому же Франциск не любил приходить туда, где он замечал восхищение, а кроткие монахины восхищались им безгранично.

Однажды его ожидали в Сан Дамиано для проповеди. «Приди! Приди же!» — по-детски обращались к нему монахины в своих мыслях, горя желанием услышать Божию волю в словах учителя. Франциск вошел в церковь и, почувствовав напряженное ожидание, сказал: «Принесите мне пепла».

Он погрузил руки в серую пыль, потом разбросал ее на полу вокруг себя, а остаток высыпал себе на голову. Девы содрогнулись от смертельного ужаса, а он запел громким голосом «Miserere»¹, песнь покаяния, милосердия,

¹ Помилуй (лат.), первое слово 50 псалма («Помилуй мя Боже по велицей милости Твоей»).

уничтожения человека и возвышения Бога. Вышел он так же стремительно, как и вошел, проповедь была окончена. Он был суров, но любил учениц отеческой любовью. Он следил за ними и помогал им даже тогда, когда им казалось, что он забыл о них. Он объяснил это в письме к Кларе, написанном в первые годы их общины:

«Так по Божественному вдохновению вы сделали дочерьми и служительницами великого Царя, Отца небесного и Святого Духа, избрав жизненный путь, начертанный святым Евангелием, а я желаю и обещаю вам именем моих братьев всегда усердно заботиться о вас и принимать в вас такое же участие, как и в них самих».

Нередко мысль о том, что он установил для этих благородных дам слишком суровый закон, тяжким грузом давила на его чистую совесть. Не слишком ли тяжела жизнь Клары и ее подруг? В минуты отчаяния сомнение его возрастало.

Однажды вечером, изгнанный из Сиены, прозорливой и дерзкой, как волчица на ее гербе, он вместе с братом Леоне шел по голому полю и, созерцая убогий пейзаж, подумал о душах, опустошенных сильной страстью. Он так устал, что еле шел по этой заброшенной земле. Среди изнурявших его мыслей одна особенно не давала ему покоя: «Клара слишком страдает от суровых лишений ради твоей Нищеты. Покаяние, способное подорвать силы мужчины, неприемлемо для женщины. Эта душа доверилась тебе как поводырю, и ты не смог рассчитать ее сил. Ты ответишь за это перед Богом. Клара страдает, Клара умирает».

Франциск печально шел по глинистой тропинке, набрел на одинокий, заброшенный колодец и припал к нему, пытаясь увидеть в глубине освежающую воду. Брат Леоне сел на краю обрыва, неподалеку. Из-за меловых гор вышла луна. Вдруг святой проговорил прежним, звучным голосом:

— Брат Леоне, овечка Божья, знаешь ли ты, что я вижу в зеркале воды?

— Восходящую луну, отец, — ответил брат Леоне.

— Нет, я вижу лицо Клары, ясное и сияющее, словно она живет в благодати Божьей.

И он с легкостью продолжил путь, благодаря Бога за сестру Клару и за обретенное утешение.

Он бесконечно почитал свою духовную дочь, и это проявлялось не в словах, но в том, что он обращался к ней и за советом, и за утешением. Когда его мучило сомнение, стоило ли ему быть воинствующим апостолом вместо того, чтобы жить в одиночестве, он попросил лишь двух людей сказать ему, что ощущали они во время молитвы. Одним из них была Клара, которая, услышав эту просьбу от его посланника, брата Массео, тут же упала на колени, а потом, помолившись, сказала:

— Вот что велит Господь передать святому Франциску. Он призвал его к этой жизни не только ради его самого но и для того, чтобы он сеял добродетель в душах, и многие благодаря ему спасутся.

Так в самый важный для Франциска миг кроткая его ученица сделалась наставницей. Святой Франциск мог узнать в ней свои собственные черты — так художник узнает себя в своих собственных произведениях, но он видел в ней и другие, которых ему не доставало. Черты эти породила ее невольная горделивость, ее невинность, ее происхождение, и были они уверенностью в себе и умением сопротивляться.

ПИР ЛЮБВИ

И все же рядом со святым Франциском Клара была ребенком, и однажды ей по-детски сильно захотелось пообедать с ним вместе — один раз, только один разочек наедине. Возможно, она вспомнила о пирах в ее родном доме. На ее мольбы учитель неуклонно отвечал: «Нет», быть может и потому, что сам в глубине души желал того же, но отказывал в утешении своей духовной дочери, чтобы она отказалась от своего желания. Братья переубедили его.

— Отец, — сказали они, — нам кажется, что такая суровость не сродни христианскому милосердию. Почему ты не хочешь внять этой мольбе, ведь тебя просят о немногом? Клара хочет пообедать с тобой, а она дева святая, Божья избранница, и в свое время, услышав твою проповедь, отреклась и от богатства, и от великолепной жизни. Если тебя попросят и о большем, для твоей духовной дочери ты должен уступить.

А святой Франциск, которому ничего более и не нужно было, кроме такого оправдания, на это ответил:

— Итак, вам кажется, что я должен внять ее мольбам?

— Да, отец, думается нам, что она обретет благодать и утешение.

Тогда святой Франциск, который охотно склонялся к мнению других, сказал:

— Теперь и мне начинает так казаться.

Но так как от природы был он наделен княжеским великодушием, то желал довести до совершенства это милосердное решение, и постановил:

— Дабы Клара утешилась совершенно, я желаю, чтобы обед был в Санта Мария дельи Анджели. Слишком долго она прожила в Сан Дамиано, и потому особую радость доставит ей храм Девы Марии, где ее постригли и обручили Христу. Там во славу Божью мы и пообедаем вместе.

Наконец, в назначенный день Клара с несколькими сестрами вышла из сладостной темницы Сан Дамиано, рыцари святого Франциска почетным

эскортом сопроводили ее через цветущие поля в Порциунколу, и она бросилась на колени перед алтарем, вспоминая о своем обручении Христу. Ожидая пира, она в сопровождении братьев осмотрела их монастырь без общего здания — он состоял лишь из хижин и часовен, затерявшихся в гуще леса. Святой Франциск тем временем велел приготовить трапезу, как обычно, прямо на земле, и когда все было готово, они сели вместе — святой Франциск, святая Клара, и двое их друзей, а все остальные смиренно расселись вокруг, на ковре из мха, под сенью дубов. Никогда еще не собирался Круглый стол в такой чудесной компании, и при виде принцессы из царства Нищеты и ее придворной дамы сердца рыцарей исполнились искренней радости.

Как только подали первое блюдо, святой Франциск так проникновенно, так возвышенно, заговорил о Боге и почувствовали они, как снизошла на них благодать Божья. Всех захватили мысли о Нем, так что позабыли и о еде, и о том, где они и кто, ибо слово великого святого отнесло их от этой, земной радости к иной, неизмеримо большей.

А в это время, в Ассизи, в Беттоне, и в других местностях округи виден был огонь, полыхавший в долине у церкви Санта Мария дельи Анджели. «Пожар, пожар! Горит монастырь!» — кричали жители округи, спеша его потушить, но в лесу не нашли огня. Они увидели святых, в восторжении обративших взоры к небу, а рядом с ними — скромную трапезу, и тогда поняли, что пламя это было знаком огня, который пылал в душах этих особых людей, и ушли с великим утешением в сердце и наставлением для своей души.

ТРАВКА СВЯТОГО ФРАНЦИСКА

В 1215 году святой Франциск пожелал, чтобы Клара начала законно управлять Сан Дамиано и получила титул аббатисы. Она повиновалась и, чувствуя весь груз ответственности, возложенный на нее, беспокоилась лишь об одном: в любой добродетели быть первой, а для любой уступки — последней.

Она спала на голой земле или на подстилке из хвороста, носила власяницу, ела лишь то, что необходимо для поддержания сил, но всякий, кто видел ее улыбку, осанку герцогини, в изношенной, но чистой и красиво залатанной одежде, никогда не сказал бы, что в покаянии она истязает свое белоснежное тело. На рассвете, когда сестры еще спали на койках, она проворно поднималась, спускалась в церковь, зажигала светильники, и страдая от того, что ей придется прерывать крепкий девичий сон звоном

колокольчика, чей серебряный голосок разливался по всему монастырю, поднимала сестер. Чистым серебром звучал в целом хоре голосов голос Клары, восхвалявший Всевышнего. Поздним вечером, проходя по бедно убранной спальне, она заботливо оглядывала уснувших, с любовью укрывала их, останавливалась у постели страждущих и ласкала материнской рукой самых юных, самых слабых и неискuschenных.

Она никогда не просила сестер делать то, чего не делала сама, предпочитая действовать, а не приказывать, прислуживать другим, а не повелевать. Выбирала для себя самое неудобное место, самый черствый хлеб, самую изношенную одежду, лечила самых тяжелых больных, а в знак кротости мыла ноги сестрам, возвращавшимся с улицы. Посвящая их в закон Ордена, она не только заботилась о них, но и воспитывала. Она учила их правильно молиться и читать, руководила их работой — чудесным вышиванием, предназначенным для бедных церквей, (работы эти и по сей день приносят славу Ассизи). Она учила их во-время говорить, во-время молчать, поддерживала в них дух веселости, и если чувствовала, что в сердце сестры прокрались жалость к себе или соблазн, то отзывала ее, чтобы поговорить, или приласкать, или поплакать, даже стать перед той на колени, дабы она поведала ей свою боль. Она заботилась и о культуре их духа, стремясь найти хороших проповедников.

Однажды, папа Григорий IX воспретил братьям посещать другие монастыри без особого на то разрешения, и Клара в порыве властного гнева, сетуя на запрет, наложенный именем Бога, сказала так: «Вот, мы лишаемся братьев, приносящих нам милостыню, вот, у нас отнимают тех, кто дает нам жизнь!» Рискуя умереть от голода, она отослала подаяния назад, раз ей не дозволено принимать братьев, приносивших ей и сестрам хлеб духовный. И тогда Григорий IX снял запрет, наложенный на «генерала».

Но самым действенным примером была ее непобедимая вера, которую не могли устроить земные мытарства. Не хватает хлеба к завтраку? Но кладовщица начинает делить его, и его становится столько, что насыщаются все. А масла так мало, что не хватает и большим? Ничего страшного — белоснежными ручками аббатиса промывала глиняную кружку, ставила ее на приступку у наружной стены, и когда брат Бенчивенга, разносчик милостыни, подходил к ней, кружка была полна, а простодушный братец ворчал: «Опять сыграли надо мною шутку, зачем-то позвали меня».

Клара воспитывала сестер, не произнося ненужных слов, только великой любовью к нищете, которая внушала ей желание из всех подаяний выбрать самый черствый и маленький кусок хлеба. Ее усердие в работе было тоже примером для сестер — она и во время болезни, сидя на

постели, пряла тончайший лен, выткала больше ста покровов, которые посылали в шелковых мешках через горы и долины Ассизи, в бедные церкви. Она воспитывала сестер и бесценной своей улыбкой, сиявшей, несмотря на недуг, который изнурял ее более двадцати лет.

Святой Франциск обрел в себе Бога после того, как Он явился ему, а затем нашел Его в прокаженных и нищих. Клара же пришла к Богу с помощью святого Франциска, и вобрала в себя дух учителя, подобно тому, как растение через свет вбирает в себя силу Солнца. Поэтому она звала себя травкой святого Франциска, и преданней, чем родная дочь, возрождала его чаяния, молитвы и мечты.

Святой Франциск мысленно возносился к Богу, окруженный красотой и святостью природы, и Клара любила, чтобы в садике всегда цвели цветы, а когда она посылала за пределы монастыря сестер-прислужниц, то наказывала им, при виде цветущих или пышных деревьев, восхвалять Господа. Святой Франциск ходил в заморские земли, чтобы обратить неверных, и Клара решила отправиться туда, и умереть в муках Христовых. Святой Франциск пламенно преклонялся перед детством Христа и страстями Христовыми так, что в Греччо устроил ясли, а у Верны на теле его появились стигматы — святая Клара же так любила Младенца-Христа, что достойна была бы увидеть Его и сжать в объятиях, а страдания Господа были так близки ей, что, однажды, на Страстной неделе, она лежала замертво со Святого Четверга до Святой Субботы, в то время, как душа ее возрождалась после мучения по Страстям Христовым.

Святой Франциск был столь глубоко погружен в тайну Евхаристии, что сам подметал в церквях, благоговей перед телом Христа, и для святой Клары таинство, словно рычаг, приводило в движение скрытую от людей жизнь — она непрестанно трудилась, чтобы украсить церкви, запечатлевая даже в своих вышивках идеал учителя. Вышивала ли она цветы, деревья, птиц в той простоте, в которой она их видела и любила, или обычный крест, о котором она думала при каждом стежке, и на кромке ткани изображала знак Спасения.

Идеал их был единым, и потому нет ничего невероятного в легенде о розах. А рассказывается в ней следующее: святой Франциск и святая Клара шли вдвоем по полю, покрытому снегом. Они приблизились к развилке двух дорог, неподалеку от Сан Дамиано, и учитель сказал первым: «Нам следует разойтись». Слово расставания всегда произносил он, и в этом сказывалась его сила. Клара опустила в снег на колени с готовностью и покорностью, столь естественными для нее, когда она была вместе с учителем, ведь иначе она не могла выразить ему своей преданности, ожидая, что он благословит ее. Спустя немного, она приподнялась, сердце

ее забилось как воробышек в этой белоснежной холодной пустыне, и она искренне проговорила:

— Когда же мы увидимся вновь

— Когда расцветут розы, — коротко ответил Франциск, ибо и он был взволнован, но лишь только прошел он несколько шагов, как услышал хрустальный голосок Клары:

— Отец!

Он обернулся. Кустарник, позади которого стояла Клара, превратился в розовый куст с яркоалыми цветами. Куда ни обращали взоры двое святых, всюду раскрывались розы, они росли прямо из снега, словно это было в чудесном месяце мае.

Господь поступает так всегда. Когда двое разлучаются ради любви к Нему, Он навсегда соединяет их. Та золотая нить, что связывает их, исходит не от душевной близости и не от привязанности друг к другу, но от долга, с которым они жили, который вместе выстрадали, ради общего идеала, близкого или далекого.

ВОИТЕЛЬНИЦА БЕДНОСТИ

Особенно сливались помыслы Клары с помыслами ее учителя, когда она защищала его невесту, Бедность. Первое время дамы из Сан Дамиано жили под руководством святого Франциска, предоставившего им краткий устав, похожий на тот, по которому жили его братья. Около 1216 года Клара попросила Иннокентия III предоставить и ей, и ее сестрам право на нищету, и папа выразил согласие, написав своей рукой первые слова папской грамоты и заметив при этом с улыбкой, что никогда до этого в Рим не обращались с подобной просьбой.

В 1219 году, в то время, когда святой Франциск был на Востоке, кардинал Уголино, именем Святого Престола защищавший Бедных Дам, составил и одобрил жесточайший устав, основные законы которого продиктовала святая Клара, желавшая любить и действовать так, как любил и действовал ее учитель. И когда, после смерти святого Франциска тот же кардинал, ставший к тому времени папой Григорием IX, указал ей на то, что подобная нищета и строгий пост чрезмерны для молодых женщин, и (думая, что стойкость ее восходит к верности обету, некогда данному) сказал ей: «Если это — ради данного обета бедности, мы освобождаем вас от него», Клара возразила с таким пылом, будто мысль ушедшего учителя зажглась в ее рыцарской крови: «Святой отец, отпустите мне грехи, но не лишайте данного мною обета следовать за Господом нашим».

Чем больше последователи святого Франциска отклонялись от заветов основателя, тем больше аббатиса у себя в крепости закаляла силы, чтобы защитить их, собрав вокруг себя самых верных людей, для которых церковь Сан Дамиано была оплотом, а Клара — бессмертным духом их несравненного учителя. Меж тем росли новые монастыри Второго Ордена, они просили земли и дома, и получали их. Клара глубоко страдала из-за этого. Как могли они называть себя клариссами, когда пренебрегали последним предписанием, которое учитель сделал для нее, для всех них?

«Я, меньший брат, Франциск хочу следовать и жизни, и нищете великого Господа нашего Иисуса Христа и Пресвятой Матери Божьей и быть верным этому до конца, и вам, синьоры мои, предписываю жить в этой святейшей жизни и нищете. Будьте же бдительны и внимательны, дабы по чьему-нибудь наущению или совету не отдалиться от этого, пока вы живете на свете».

Об этих словах Клара думала больше всего. Она не находила покоя, и сумела не умереть до тех пор, пока Иннокентий IV не одобрил устав из двенадцати статей, подобный уставу меньших братьев, написанный ею и полностью соответствовавший жизни в совершенной нищете.

ВЕЛИКАЯ ИТАЛЬЯНКА

Вокруг мирных стен Сан Дамиано велись не только битвы между идеями. Летом 1241 года Фридрих II, сражаясь против папы, бросил на сполетанскую долину войско сарацин.

Они обрушились на эту землю, словно туча саранчи, опустошая поля, грабя селения; осадили они и твердыню бедности. Меткие стрелки перебрались через стену монастыря и приставили к двери, находившейся на возвышении, лестницу, чтобы ворваться внутрь — они были разъярены, опьянены уверенностью в добыче, о которой уже глумливо шутили. Внутри монастыря все были охвачены ужасом и молили: «Боже, смилуйся!»

Сестры прижимались к постели больной Клары, словно стая голубок. Клара не дрогнула. Крики воинов разжигали ее кровь и закаляли нервы, как это бывало с мужчинами ее рода перед битвой. Сейчас у нее не было и алебарды, чтобы защитить себя, но было сердце и был Бог. Она встала с постели, велела принести дарохранильницу из слоновой кости и золота, в которой было Тело Христово, и преклонила пред ней колена. «Господи, — молилась она, — неужели Ты хочешь предать в руки язычников Твоих безоружных служанок, которых я вскормила благодаря Твоей любви? Господи, защити их, ибо я не могу». И вдруг из небольшой дарохранильницы ответил голос Младенца: «Я буду всегда хранить вас».

Надежда окрылила Клару, но великая ее душа не могла забыть о родине, и с дочерней благодарностью она взмолилась: «Господи, если Ты расположен к нам, защити и этот город, который стоит Твоей любовью». И голос зазвучал вновь: «Он претерпит некоторые испытания, но милостью Моей будет освобожден».

Тогда Клара утешила дев: «Если вы веруете в Иисуса Христа, то не страдаете», потом приказала открыть дверь и предстала, вооруженная одним лишь Святым Таинством, перед разъяренными сарацинами. Горя желанием надругаться над монахинями, они должны были кинуться на нее первую, но вдруг эти звери отступили назад, то ли из суеверия, то ли страшись колдовства, ибо не могли постигнуть, почему безоружные женщины столь отважны. Возможно, и почтение, внушенное им Богом, внезапно заставило их отступить вниз по лестнице, поспешно перескочить через монастырские стены и умчаться по полю прочь.

Вера и целомудрие победили силу. Но времена были тяжкими. Следующим летом по умбрской земле вновь прокатилась волна сарацинов и норманнов, особенно же пострадал Ассизи. Витале д'Аверса, капитан Фридриха II, поклялся, что не остановится, пока не захватит город. Устрашающие известия достигли и Сан Дамиано: «Осада все сильнее. Ассизи не в силах выстоять. Не хватает продовольствия. Город должен будет открыть ворота перед этими бесами. Это дело нескольких дней».

Ассизи! Там оставались семьи сестер, родственники, родные дома, которые так дороги сердцу. Но не об этом беспокоилась святая Клара, Выше витала ее мысль. Стоя среди монахинь на монастырском дворе, она сказала им: «Дражайшие сестры, ежедневно к нам из этого города приходит много хорошего. Мы были бы жестоки и неблагодарны, если бы в минуту, когда Ассизи потребовалась помощь, не сделали бы всего, что в наших силах». Она велела принести пепла и повторила дорогой ей обряд покаяния — обнажила голову и посыпала ее пеплом, потом проделала то же с сестрами: «Ступайте же к Господу нашему и всюо душою молитесь Его об освобождении города».

В ту ночь Бедные Дамы молились, бичевали себя, рыдая и предлагая в жертву свою жизнь ради спасения города. В ту же ночь жители Ассизи пошли в смелую атаку, и мужественно отбросили войско Витале д'Аверса. Рассвет, коснувшись склонов Субазии, увидел победные знамена на башнях Ассизи, а в долине — убегающих солдат императора. Проникнув в покои Сан Дамиано, рассвет увидел дев, лежащих без чувств, словно лилии после бури. Город был спасен не столько благодаря мужеству воинов, сколько силою искупительной невинности.

Проходили месяцы и годы, и слава святой Клары перешагнула через Аппеннины и через Альпы. Представительницы придворной аристократии

Европы — Агнесса Богемская, Изабелла Французская, Елизавета Венгерская, Герметруда Брюгская, а потом и Елизавета Португальская, и Бланка Кастильская обратились к идеалу нищеты, столь чудесно воплощенному в Кларе дельи Оффредуччи. Так было распространено ее апостольство, а четыре письма, написанных ею Агнессе Богемской — первой представительнице славянского народа, прожившей в учении святого Франциска и развившей его, свидетельствуют о мистической мудрости Клары, о ее изысканной учености и по-матерински горячей любви к своему делу. Она оставалась утонченной, знатной дамой и итальянкой даже в своей духовности. Не путешествуя и почти не говоря, она совершала великие подвиги — помогала нуждающимся, заботливо воспитывала души в любви к Богу, защищала всю страну.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВОИНСТВО РАСКАЯВШИХСЯ

ОБЕЩАНИЕ

24 февраля 1209 года Франциск услышал от Евангелия призыв к проповеди, а от Иннокентия III получил на это позволение; и все же, вернувшись в Ассизи, он был охвачен сомнением, достоин ли он этого, и не лучше ли ему остановить свой выбор на отшельничестве. Всю жизнь его сопровождало разногласие между его природной веселостью и дружелюбием, некогда сделавшими его королем празднеств, и стремлением к одиночеству, исходящим из его призвания.

Он поделился сомнениями с братьями: «Я слишком невежественен, чтобы проповедовать. Молитва очищает душу, проповедь же связывает с людьми и потому покрывает душу налетом мирского. Господь Иисус показал нам пример апостольства, когда тело разрывается, а воля укрощается гораздо более, чем во время молитвы, и поэтому я думаю, что апостольство лучше. Но смогу ли я идти по этому пути? Что будет лучше для меня, проповедь или размышления?»

Братья не знали, что ответить. Тогда кроткий Франциск спросил святую Клару и брата Сильвестро, и святая Клара из оливковых зарослей возле Сан Дамиано, и брат Сильвестро из лесов Субазии, ответили ему, что Божья воля в том, чтобы он проповедовал. Когда посланник, а им был брат Массео, возвратился, святой Франциск не сразу спросил его об ответе, но, победив в себе естественное любопытство, обнял его, вымыл ему ноги и приготовил трапезу, как почетному гостю, а затем отправился вместе с ним в роццу, стал перед ним на колени, с благоговением снял капюшон, и, скрестив руки на груди, спросил: «Что же Господь мой Иисус повелевает избрать мне?»

Он был кроток настолько, что умел видеть Волю Божью в советах своих духовных детей. Услышав от брата Массео ответ, святой Франциск с готовностью поднялся, препоясавшись веревкой и сказал: «Идем же с Божьей помощью».

Вместе с братом Массео и братом Анджеоло они пошли по первой дороге, которую увидели и оказались у замка ди Альвиано, где святой Франциск, уже убежденный в том, что выполняет волю Божью, начал проповедовать. Над площадью вились ласточки и щебетали, да так громко, что голоса его не было слышно — и тогда, разгневавшись, святой сказал им: «Сестрицы ласточки, настало время говорить мне, ибо вы уже поговорили. Слушайте же внимательно, пока я не кончу мою речь, ибо в ней — слово Божье». Ласточки молчали все время, пока он проповедовал. Жителей той округи — оттого ли, что на них подействовало это чудо, или оттого, что слова святого проникли им в душу, так были восхищены, что пожелали все — и мужчины, и женщины, бросить свои жилища и следовать за ним. В то время такое случалось, но лишь тогда, когда проповедовали еретики — так возникали секты, противостоявшие Церкви. И тут святого Франциска озарила мысль — а что если обратить порыв фанатиков в благое дело? Что, если создать многочисленную конгрегацию мирян, которые жили бы в евангельской бедности и чистоте, но при этом полностью подчинялись бы Церкви? Многие из толпы говорили ему: «Брат Франциск, мы хотели бы следовать за тобою, но что же делать нам с семьями и детьми, не можем же мы бросить их? Как же нам следовать тебе?» И святой ответил им: «Не торопитесь уходить, ибо я подготовлю для вас то, что вы должны будете исполнять для спасения души».

С той поры решил он основать Третий Орден, который был бы открыт для мирян, духом и уставом походил бы на Ордена миноритов и кларисс, а по форме был бы свободен, так что каждый человек и каждая судьба могли бы войти в него.

КОГДА СВЯТОЙ ФРАНЦИСК ГОВОРИЛ

Кроме вдохновения и советов, еще одна причина убеждала Франциска, что необходимо проповедовать. Много раз слышал он вальденсов, патаринов и альбигойцев, которые, направляясь в Рим, останавливались на Ассизских перекрестках и привлекали своими речами столько слушателей, сколько не собрали бы проповедники в церквах, ибо услышать священнослужителя, который с кафедры на пышном латинском языке разъясняет отрывок из Священного Писания — это совсем не то, что услышать человека, бедняка,

который говорил бы об Иисусе и о вечности прямо на улице, простыми жизненными словами. Еретиков следовало бы лишить этой привилегии, и снарядить на службу Церкви могущественную армию, состоящую из мирян, которые проповедовали бы на народном языке, были бы рядом со священниками и служили бы им поддержкой. Святой Франциск уже замечал, что святые проповедники скорее преподают теологию, нежели объясняют Евангелие, и что менестреля или сказителя слушают все, тогда как проповедника — лишь немногие, так как одного взора на него достаточно, чтобы понять, куда он поведет речь. Убедился он и в том, что не внушишь любовь к Богу, не возвратившись к искусству Христа, а значит — надо, рассказывая притчи, восхваляя Господа, говорить о поучительных и интересных событиях, отнимая у менестрелей, у которых столько тонкости, поэтичности и воображения, их искусство, и не философствовать.

Почувствовав в себе призвание, святой Франциск принес новый дух в свою проповедь. И он, и его братья ощущали, как тянутся к ним слушатели — после первых же, пусть самых простых слов, люди понимали, что они совсем не слабы умом, как любили говорить о себе. Наоборот, сквозь их простоту нередко проглядывал благородный рыцарь, поэт, ученый, а более всего — Божий человек, ибо происхождение скрыть невозможно: так, у мужлана, ставшего богачем, всегда под ногтями будет чернеть земля, и благородный, став простолюдином, будет иметь благородные повадки.

Святой Франциск прекрасно проповедовал, ибо был одарен как поэт и как актер, и оба эти дарования породили в нем то красноречие, которое выражается не только в словах, но и в глазах, в звучании голоса, в движениях. Где бы он ни был, какое бы ни было время, какими бы ни были его слушатели, он был готов к проповеди всегда, так как разум его, вернее, все его существо стремилось разъяснить лишь одно.

Как и во времена юношеского стремления к рыцарству толпа скорее не пугала, но вдохновляла его, но вдохновляла не на декламацию. Он говорил с тысячей человек, как с одним другом, и с одним он говорил так же пылко, как говорил с тысячами.

Проповеди, к которым он готовился заранее, были не из лучших. Случалось, что, произнося проповедь, он забывал о плане, но при этом не терялся, а с простодушным смирением, которое было украшением его, и силой, признавался: «Я приготовил для вас прекрасную речь, но забыл ее». Тогда он начинал импровизировать, импровизация была блестящей, так как он вступал в прямой контакт со слушателями, обращаясь мыслями и словами к их разуму и духовному настрою, начинал же с близких всем обстоятельств и вещей. Природой и милостью Божьей была ему дана

способность отождествлять себя с другими, а в предметах чувствовать дух и вечность, и потому слово его могло проникнуть как зонд в нутро человека, или рассечь его как лезвие, или воспарить ввысь, как жаворонок. В речи его было и размышление, и упрек, а чаще всего — песня, которая переносила слушателей от красоты предметов к красоте вечной. Он любовался добродетелями словно шествием прекрасных дам.

«Приветствую тебя, царица Мудрость, да благословит Господь тебя и сестру твою, святую и чистую Простоту. О, госпожа моя, святая Бедность, да благословит Господь тебя и сестру твою, святую Праведность. О, святые добродетели, да благословит вас всех Господь, от Которого вы исходите и к Которому идете!»

Это больше, чем моральное наставление, это — поэтическая персонификация добродетелей.

Поэтому нелегко пересказать его проповеди, и прав был один врач, говоривший: «Я помню слово в слово проповеди других, но если я и вспомню что-либо из проповедей Франциска, то это уже не походит на то, что он говорил».

Святой Франциск говорил с учеными как ученый, с простым людом как простой, с рыцарями как рыцарь и с бедняками как нищий, обвиняя всегда лишь самого себя, и никогда — других, бичуя пороки, и никогда — людей или сословия, которые они представляли, превознося всех и отводя для себя последнее место. Он удивительным образом притягивал к себе людей. Все его существо было проповедью, так же, как жизнь его служила для людей образцом, хотя пересказать его проповеди невозможно. Кто смог бы кратко изложить музыку? Слова его были музыкой, звучащей в душах и рождавшей то, что воспитывает больше, нежели любой научный труд — непреодолимое стремление к Богу.

ГУББИЙСКИЙ ВОЛК

Франциск проходил через многие города и селения; он обращал людей не только добрыми словами, но и милосердными делами. Совершая им во благо то, что для них необходимо или то, к чему они стремились, он творил чудеса с людьми и целыми городами.

Однажды он пришел в Губбио, когда жители города были до смерти напуганы свирепым и кровожадным волком, который пожирал не только скот, но и самих горожан. Голодный зверь по вечерам выходил из леса расположенного на склоне горы, бросался на прохожих и разрывал их на куски, и существовала опасность, что он ворвется в город. Женщины и дети не осмеливались

выходить за порог, а мужчины покидали дома, вооруженные до зубов, но и с оружием в руках не знали, как защититься от волка, если бы им пришлось встретиться с ним один на один. Словом, дело дошло до того, что никто не отваживался выходить из города. Святой Франциск проникся жалостью к губийцам. Паника, охватившая все население округа из-за одного зверя, придала отваги рыцарю Христа; несмотря на то, что горожане отговаривали его, он осенил себя крестным знамением, и, безоружный, вышел навстречу волку, препоручив себя воле Божьей. Народ последовал за ним, ибо мужество одного способно воодушевить тысячи, но лишь только люди завидели волка, который мчался вниз с горы, разинув пасть, они бросились наутек, оставив святого в одиночестве. Он же, не содрогнувшись, приблизился к чудовищу, перекрестил его и сказал: «Братец волк, подойди ко мне. Именем Христовым прошу тебя, чтобы ты ни мне, ни кому другому не делал больше зла». Осененный крестным знамением, волк закрыл пасть и остановился, а услышав слова Франциска, улегся у его ног, покорный, как ягненок. Тогда некоторые из беглецов вернулись назад и встали на почтительном расстоянии от них; а святой Франциск, нежно глядя в жестокие и грустные глаза, заговорил со зверем, как с человеком:

— Братец волк, много ты сделал зла. Ты убивал тварей Божьих без Его соизволения — ты не только убивал и пожирал животных, но покусился и на людей, созданных по образу и подобию Божьему, а потому ты заслуживаешь виселицы, как самый последний убийца и разбойник, а люди, живущие в этом селении — враги твои. Но я, брат мой, хочу, чтобы между ними и тобою воцарился мир. Если ты не будешь их притеснять, они простят тебе все грехи твои, и ни люди, ни собаки не будут тебя преследовать.

Человеку, который назвал его братом, и лишь упрекал, но не грозил, волк ответил согласием, вильнув хвостом, опустив глаза и кивнув головой. А святой продолжал:

— Братец волк, тебе пришлась по душе мысль о примирении, и я обещаю, что жители города будут всегда кормить тебя, ведь я знаю, что от голода ты можешь сотворить любое зло. Но взамен я прошу тебя, обещай мне, что ты не сотворишь зла ни человеку, ни зверю. Ты обещаешь?

— Да, да, — кивнул волк, а святой Франциск сказал:

— Братец волк, я хочу, чтобы ты сдержал свое обещание, — и протянул ему руку, словно волк был человеком, с которым он заключает соглашение. Волк поднялся, протянул правую лапу и вложил в руку святого, как дрессированный щенок. Святой дружески пожал ему лапу и сказал:

— Братец волк, именем Иисуса Христа, Который сейчас со мною, я призываю тебе заключить мир.

Святой вошел в город, и волк покорно семенил за ним, словно ягненок, а толпа расступилась в изумлении. Чудесная новость облетела всех, отовсюду сбегались мужчины и женщины, взрослые и дети, молодые и старики, чтобы посмотреть на Франциска и волка. Все население маленькой коммуны собралось вокруг безоружного человека и прирученного им зверя, а тот смотрел в глаза укротителю и вилял хвостом. Скопище людей, совсем недавно подчинившееся силам зла, теперь уступило силе духа. Слова святого Франциска, обращенные к людям были такими же, что и к волку. Он говорил, что люди жестоки и потому заслуживают кары Божьей, он предрекал, что они попадут в пасть преисподней, а это гораздо страшнее пасти зверя, он призывал их покаяться, а потом рассказал, какое заключил соглашение с братцем волком, прося губбийцев, чтобы они обещали каждый день его кормить. Люди в один голос отвечали:

— Обещаем, обещаем.

— А ты, братец волк, — сказал тогда святой Франциск, — обещай этим людям соблюдать условия нашего договора, не причинять зла ни людям, ни зверям, ни какой другой твари.

Волк тотчас же присел, и хвостом, глазами, и всем телом показал, что будет соблюдать условия, а затем, по велению святого, протянул ему правую лапу.

Площадь неистовствовала от радости при виде такого чуда — все восхваляли Бога и брата Франциска, который приручил свирепое чудовище, ибо назвал его братом, обеспечил ему пропитание и оказал немалую честь.

Спустя два года волк умер от старости, и жители Губбио горевали, потому что за это время он стал домашним животным — входил в дома, бродил от одной двери к другой, а люди почитали его и кормили, ведь на нем запечатлелась сверхъестественная власть Божьего человека.

РАЗБОЙНИКИ

Одни говорят, что губбийский волк был вовсе не зверем, а разбойником, который бродил по улицам, грабя и убивая прохожих; другие же считали, что это был жестокий сюзерен, из тех, что до крови забивает слуг, выкалывает пленникам глаза, науськивает сторожевых псов на посетителей и привязывает неугодных к хвосту бегущей лошади. Может, так оно и было, ведь святой Франциск укрощал волков-людей не хуже, чем волков-зверей, и метод у него был один — мужественное и кроткое милосердие. Он понимал, что не может быть поистине добрым тот, кто без любви относится к злым людям.

Как-то раз в двери монастыря Монте Казале, расположенного над Борго Сан Сеполкро и затерянного в горах, поросших дремучим лесом, постучали трое знаменитых на всю округу разбойников и попросили поесть. Гвардиан, Анджело Тарлати, происходивший из знатных семейств Пьетрамала и Битурджиа, и прошедший путь от мирского рыцарства до рыцарства Круглого Стола Ницеты, собравшегося в 1213 году, прогнал их прочь, да еще произнес вслед гневную отповедь; а когда вернулся святой Франциск, вместе с другим собратом просивший милостыню, с полной хлеба сумой и кувшином вина в руках, то он все ему рассказал. Другой ответил бы на это: «Вот и хорошо, что ты прогнал злодеев». Но святой Франциск упрекнул его и привел ему в пример Христа, который был добр к грешникам, а затем отдал ему свою сумку с хлебом и кувшин с вином и назначил ему такое послушание:

— Поспешి за ними через горы и долины, а когда догонишь их, передай от моего имени весь хлеб и все вино, и стань перед ними на колени и смиренно покайся в том, что виноват перед ними, ибо был недобр к ним, а потом от моего имени проси их, чтобы не делали они больше зла, боялись Бога и не притесняли ближнего, а если они согласятся, то я обещаю им содействовать во всех их нуждах, а так же обеспечу им что есть и что пить. И только тогда, совершив все это, ты можешь смиренно идти назад.

Брат Анджело тотчас же отправился в путь, а брат Франциск принялся молиться Богу, чтобы он смягчил сердца разбойников, а пока он молился, покорный гвардиан нашел разбойников и передал им хлеб и вино, и на коленях попросил у них прощения. Как могли ответить трое разбойников на эту сверхъестественную доброту? Они сделались братьями Анджело, и святой Франциск без колебания принял их в Орден.

Многие люди подобно волкам ступают на путь злодеяний от голода и лишений. Святой Франциск, прежде чем обвинять и карать, испытывал свое поведение и поведение братьев, пока не ставил себя на один уровень с виновным, своим покаянием располагая другого к истинному покаянию; унижался, чтобы помочь подняться другому; именно в своем смирении видел путь к взаимопониманию и возможность свести мятежную волю к воле своей, всецело подчиненной воле Божьей. Кроме того он шел к естественным причинам греха и стремился устранить их, идя от плотского к душе, и в то же время пребывал в молитве, ибо только благодать возрождает сердца. Словом, он никогда не разделял наставление и проповедь — то, что он называл непосредственной апостольской деятельностью — от дел милосердия и молитвы. Не останавливаясь на полпути спасения души, он шел дальше отпущения грехов, стремясь к самому трудному в деле спасения: полному доверию к раскаявшемуся.

Программа предвидения результатов покаяния выразилась в этой истории о трех разбойниках, и потому в залах суда и в тюремных часовнях надо бы поместить изображение святого Франциска.

СТАРШИЕ И МЕНЬШИЕ

Среди двуногих волков худшими были не те разбойники, что прятались в оврагах и зарослях, а те, что вредили людям, находясь в самой их гуще — самолюбивая знать, властолюбивые богачи, старшие, желавшие управлять младшими, которые ничуть не хотели подчиниться, ибо ни те, ни другие не боялись Бога и не жалели своего отечества. В городах, поделенных партиями на части, люди убивали друг друга, сражались прямо на улицах, захватывали врагов и жгли их жилища. Побоища и пожары стали обычным бытом. Победившая партия высылала побежденную из города и захватывала имущество изгнанников. Потом ссыльные тайно объединялись, врываются в город и разоряли дома противников.

Святой Франциск, страдая от этой междоусобной ненависти, переходил из одной местности в другую и проповедовал любовь. «Мир вам!» — говорил он в начале каждой проповеди, как учил Иисус своих учеников.

«Да пошлет тебе мира Господь!» — должен был приветствовать брат-францисканец любого встречного. Такое доброе приветствие вначале не нравилось людям, ведь мир — словно соль, без которой вроде бы можно обойтись, пока она еще есть.

«Мира? — говорили строптивые горожане. — Оставь его мертвецам, нам нужны месть и победа!»

Но вот по улицам потекло кипящее масло, смешанное с кровью, запылали дома и рухнули башни, торговля замерла. Германцы сровняли с землей замки и обратили в пепел деревни, а толпы бездомных беглецов пошли по селам, обложенным данью, вместе с опозоренными женщинами и плачущими младенцами; и тогда пожелание святого Франциска стало мольбою: «Мира!»

Слова его не замедлили сказаться на жителях его родины. В ноябре 1210 года, когда он уже начал проповедовать, в Ассизи был заключен договор между «старшими» и «меньшими», где законным образом, со всеми формальностями, молениями и призывами, — именем Божиим, милостью Святого Духа, благодатью Господа нашего Иисуса Христа, перед Пречистой Девой Марией, императором Оттоном и герцогом Леопольдом было установлено постоянное согласие между «старшими» и «меньшими». Теперь невозможно было заключить ни один договор с папой, или императором,

или с городом и замком без решения обеих сторон, которые сообща должны были способствовать чести, благоденствию и процветанию ассизской коммуны. Ни «старшие», ни «меньшие» не должны были входить в раздоры с жителями города и с любимыми другими людьми, но действовать сообща; за нарушение же этого правила их могли изгнать или лишить имущества по усмотрению консула, правившего городом.

За этим последовали и другие документы об освобождении слуг, о правах селений, зависимых от Ассизи, о покровительстве иноземцам, об амнистии участникам заговора 1202 года — словом, гуманнейшие законы, благодаря которым маленький город Ассизи, под влиянием своего святого, раньше всех итальянских коммун укротил волчьи инстинкты Средневековья.

БУРЯ, СУМЯТИЦА И БЕСЫ

Если святой Франциск, человек Божий, видел, что город раздирают бедствия, он искал причину не во внешних обстоятельствах; не в природе, не в обществе, но только в дурном поведении людей. Прежде, чем усмирить волка, он молил жителей Губбио покаяться; в другом селении, Греччо, тоже измученном стаями голодных волков и разрушаемом бурями, он пообещал именем Божиим, что беды кончатся, если жители искренне покаются в грехах и будут жить по-христиански.

Слова его были услышаны, волки исчезли из города, и бурь больше не было в той коммуне.

Но далеко не всегда народ был покорным. Однажды святой Франциск отправился в Перуджу, где ассизцы издавна были для перуджинцев, сводивших с ними старые счеты, как кость в горле. Пока он проповедовал на площади, несколько вооруженных людей по наущению знати, стали драться, осыпая друг друга страшной бранью, и она заглушала голос Франциска. Слушавшие его возмущались, но те распялись еще пуще. Тогда святой Франциск сказал им:

— Слушайте, люди, слушайте и внемлите тому, что Всевышний сообщает вам моими устами, ведь я Его слуга. Не говорите: «Этот — ассизец». (Вспомнилась ли ему темница, где сидел он в юности после сражения?) Всевышний вознес вас выше соседей ваших, вы же, вместо того, чтобы возблагодарить Его, направляя власть вашу лишь на добрые дела, возгордились и начали грабить ближних, многих же из них убили. Говорю вам, если не обратитесь к Господу, не утешите униженных вами, справедливый Господь, Который ничего не оставляет безнаказанным, пошлет

вам позор и наказание. Одни восстанут против других, и вспыхнет война между вами, и столько вам выпадет лишений, сколько все соседи, собравшись, не могли бы вам доставить.

Так и случилось. Несколько дней спустя горожане заметили, что в Перудже появились банды наемных солдат. Наемники эти, желая вызвать распри, опустошали поля, виноградники и сады, окружавшие город, народ же, стремясь возместить нанесенный ему ущерб, догнал сжег дома рыцарей, нанявших этих разбойников. Обнесенная башнями, грозная Перуджа, не послушавшая бедняка, была сурово наказана.

Но неудач было немного — чаще всего его слово проникало даже в самые жесткие сердца, пусть и ненадолго. Как-то раз он не мог войти в Ареццо — там не на жизнь, а на смерть сражались враждовавшие партии, а из окон лилось кипящее масло — и остановился в поле, около города. Ясные глаза его видели невидимое, и он увидел бесов, в ликовании натравливавших горожан друг на друга. Тогда он сказал брату Сильвестро, который был вместе с ним:

— Пойди к воротам и именем Всевышнего прикажи бесам немедленно выйти вон.

Святой Франциск возложил эту обязанность на брата Сильвестро, ибо считал, что священник сумеет изгнать бесов лучше него. Брат Сильвестро покорно послушался и закричал у ворот города, населенного бесами:

— Именем Бога и отца нашего Франциска, заклинаю вас, бесы, изыдите все!

И тогда Франциск увидел, как бесы уносятся с башен и дымовых труб, словно полчище летучих мышей; а в городе тотчас же утихли страсти, души успокоились, и воцарился мир.

Были ли это настоящие бесы? Они ли мучили Ареццо? Во всяком случае, это были дьявольские силы, а молитва святого прежде, чем проповедь, помогла рассеять их.

ГРАФ ОРЛАНДО

К несчастью, нередко проповедь скоро забывали. Лишь только утихало восхищение, город вновь предавался пороку, и получал свое возмездие. Но не так бывало, когда Франциск обращался к одному человеку. Если святого Франциска встречал человек доброй воли, он обычно менял свою жизнь, ибо святой умел читать в умах и указывал каждому путь жизни. Многие души ждут только этого, но им трудно обрести учителя.

Однажды, в мае 1213 года Франциск и один из его братьев оказались возле замка Монтефельтро в Романье, (теперь он зовется Сан Лео). В тот

день был большой праздник, на башнях развевались знамена, гремели трубы, звонили колокола; по спущенному мосту к замку подъезжали рыцари и дамы на породистых конях, покрытых расшитыми попонами, сновали воины и оруженосцы — и все это в честь одного из самых юных сыновей графа, посвящавшегося в рыцари. Накануне, с вечера в замковой церкви был молебен, и юноша получил одежду, оружие, а также, по обычаю, ритуальную пощечину. Теперь же гости съезжались на торжественный пир — и представители их рода, и синьоры из замков Романы, Тосканы, Умбрии, ибо семейство Монтефельтро было весьма влиятельным. Дамы были в бархатных платьях, рыцари сверкали доспехами, все чествовали нового рыцаря и улыбались ему с той любезностью, с которой даже заядлые скептики относятся к пылкой юности, подающей надежды.

Пажи разносили прохладные напитки в серебряных сосудах, менестрель переходил от одного кружка к другому, ожидая, что после пира настанет его час и он запоет. Вдруг, на парадном дворе замка появились двое, похожие на крестьян или отшельников — босые, бритые, подпоясанные веревкой. Они кротко и просто прошли сквозь нарядную толпу. Тот из них, что был старше и худее, поднялся на низкую стену, огораживающую площадь, встал под вязом и завел речь, подобно гитару или сказителю.

— Кто? Кто это? — спрашивали любопытные дамы.

— Кто это? — спрашивали рыцари.

— Разве вы не знаете? — сказал кто-то. — Это брат Франциск из Ассизи, он был когда-то торговцем и щедро тратил деньги, потом догола разделся ради любви к Богу и теперь ходит по разным землям, проповедуя покаяние.

— Ой, — застонала одна из дам. — сейчас нам прочтут проповедь.

Голосом ясным и высоким, как небо, которое разрежала надвое его серая фигурка, Франциск начал с двустушия из всем хорошо известной баллады о любви:

Столь великих благ я чаю,

Что блаженством боль считаю.

Потом, в пылу вдохновения, он заговорил, но не о скорби и радости куртуазной любви, а об испытаниях и лишениях, которые приняли на себя апостолы, мученики и святые девы ради вечной славы и любви вечной. Господа слушали его сначала из любопытства, но потом с вниманием и стояли неподвижно, погружившись в раздумья, словно с ними заговорил ангел Божий. Чудесный проповедник не богословствовал, но говорил по сердцу, и искавшие на этом празднике пути легкого развлечения вдруг с появлением Франциска увидели дорогу истинной жизни. Как только

проповедь кончилась, все столпились вокруг него, чтобы поцеловать ему руку, край капюшона или веревку, попросить у него благословения или молитвы. Когда наконец он освободился, мессер Орlando Каттани да Кьюзи дель Казентино, который давно уже желал говорить с ним, а послушав его, почувствовал смятение и сказал:

— Отец, я хочу спасти свою душу с твоей помощью.

Святой Франциск был порывистым, но не торопливым, он не пренебрегал приличиями, и потому ответил:

— Мне по душе твое решение, но теперь пойд и окажи честь друзьям, которые пригласили тебя на этот праздник. Ты будешь с ними на пиру, а после пира мы поговорим с тобой, сколько ты захочешь.

Мессер Орlando вернулся, когда закончился пир, спокойно открыл свою душу святому, и получил от него наставление, как жить по-новому, по-Божьи.

Потрясенный благодатными дарами, к которым приобщил его святой, он предложил Франциску и его братьям и свой подарок. Он сказал, что владеет в Казентино уединенной и лесистой горой — там хорошо было бы тому, кто хочет покаяться или предаться размышлениям; эту гору он и дарил святому ради спасения своей души. Святой Франциск принял дар и пообещал, что придет на гору, называвшуюся Верна, некоторых своих братьев. На этом друзья расстались, один вернулся в Кьюзи, другой — в Санта Мария дельи Анджели.

Некоторое время спустя перед графом Орlando предстали два францисканца. Как и было обещано, в сопровождении пятидесяти воинов, защищавших их от волков, они поднялись на Верну, старательно изучили ее, и остановились, наконец, на пологой ее части, где с помощью тех же воинов сплели из ветвей несколько келий, приготовив таким образом маленький скит для учителя. И не ведали они, что готовят ему место страстей и вознесения.

БРАТ ЯКОПА

На перекрестках римских дорог собирались люди вокруг нового менестреля, воспевавшего не деяния Роланда, но деяния Христа. Нередко рядом, чтобы послушать его, останавливалась дама, а затем со смятенной душой возвращалась в свой прекрасный дворец. Когда в 1215 году уже знаменитый Франциск вернулся в Рим, дама эта пригласила его к себе. Святой посмотрел ей в глаза и тут же принял приглашение, потому что у мадонны Джакомины деи Сеттесоли было то редкое для женщины выражение лица, которое исключало всякое кокетство, и любой, кто встречал ее, мог бы с первого взгляда сказать: «Вот настоящий друг!»

Она была молодой вдовой римского принца Грациано деи Франджипани и жила с двумя детьми в мраморном дворце, переполненном статуями, построенном из руин Септизония, созданного при Септимии Севере. Такие дворцы в Средние века были только в Риме; обычно из императорского мрамора делали ступени храмов и гражданские здания.

Святой Франциск ступил босыми ногами во дворец, в котором был нужен одной душе. Рыцарь Христов не мог отказать вдове, просившей, чтобы он научил ее правильно служить Богу. Франциск не только поведал ей правила жизни, но принял ее под свое покровительство, предложил ей свою дружбу, говоря с ней на равных, как с женщиной, и назвал ее «брат Якопа».

«Брат», а не «мадонна», ибо у Джакомины была рыцарская закалка. Она вершила крупные дела и умела подчинить себе даже святого. И в самом деле, только ей, наделенной даром братской любви и нежным сердцем матери, было возможно утешить его, угостить римскими сладостями — пирожными из миндальных орешков, которые она с ловкостью пекла, и добиться того, чтобы он отдохнул или надел менее поношенную рясу. Франциск жил в нищете в замке Сеттесоли с такой же легкостью, как и в Сан Дамиано. Если Клара была для него Марией, мадонна Джакомины была Марфой; если Клара была дочерью и ученицей, Джакомины была сестрой. С Кларой можно было размышлять и распевать гимны Всевышнему, глядя на родной горизонт, беседы с Джакоминой о Царствии Божиим были поучительными и мудрыми, а смотрели они из окон на Колизей, превратившийся в крепость. Наконец, если Клара была образцом девы-затворницы, Джакомины была примером мирской францисканки, и если немногие женщины способны последовать за Кларой, то многие могут идти по пути Джакомины. Именно поэтому святой любил ее искренне и поверял ей свои мысли. В 1223 году он пришел во дворец Сеттесоли с новорожденным ягненок на руках, плакавшим, как младенец. Он спас его от бойни и решил подарить брату Якопе, который почувствовал тонкий смысл этого дара, зная любовь своего великого друга к ягнтям, символам Христа. Ягненок следовал за Джакоминой повсюду, сопровождая ее, когда она посещала бедных, будил ее своим бляньем, чтобы она вовремя шла к мессе. Из его шерсти она выткала белое мягкое сукно и хотела сшить рясу святому Франциску; но вместо рясы пришлось готовить погребальную плащаницу.

ЧЕРНАЯ КУРИЦА

Стремление к Богу, которое Франциск пробуждал повсюду, где проходил, становилось в нем самым таким большим, что душа святого мечтателя не могла вместить его. Сделаться меньшими братьями хотело множество людей, но не все подчинились уставу Ордена, не у всех хватило таланта, чтобы выступать перед жителями городов или перед церковными властями. Недостатки эти подрывали репутацию Ордена; францисканцев не всегда понимали, бывали и гонения. Святой Франциск был этим огорчен, ибо от чрезмерного улова прорывались его сети.

Озабоченный такими размышлениями, он как-то увидел сон. Ему приснилась черная курица с мохнатыми лапами и коготками, как у голубки, которая хлопотала вокруг выводка, тщетно пытаясь собрать под свои крылья цыплят, а те выскальзывали кто куда, хотя их могли зарезать или раздавить.

Пробудившись, святой Франциск вспомнил сон и рассудил так: «Я — курица, небольшого роста и черного цвета от рождения, но должен, как голубка полететь к Богу на крыльях добродетели. Милостивый Господь дал мне и даст еще много детей, которых я уже не смогу защитить. Мне нужно передать их под покровительство Церкви, которая под своим крылом воспитает и сохранит их».

И он смиренно решил передать Риму целое направление, чьи последователи уже выбивались из-под власти одного человека, и, предоставленные самим себе, могли сбиться с истинного пути. Хотя он был одним из величайших людей, известных истории, у него не было ни гордыни, ни властолюбия, присущих предводителю. Среди тысяч своих последователей он был таким же, как и в самом начале — рыцарем по тонкости своей, а не по роду, сиделкой для прокаженных, одиноким рабочим из Сан Дамиано, кающимся в темнице, безжалостным к самому себе и настолько кротким, что в каждом он видел старшего брата. И до него некоторые — например, Пьетро Вальдо — хотели вернуться к Евангельской жизни, но намеревались при этом преобразовать скорее других, чем себя и не признавали авторитета Церкви, а потому учение их и деяния, оторвавшись от божественного ствола, засохли, словно умершая ветвь. Смирение, стремившееся возвысить других и накапливавшее мудрость, спасло святого Франциска. Курица обрела орлиные крылья и стала всемогущей.

В спорных случаях между монахами, или между монахами и епископом, что было весьма распространено в соседних странах, обычно прибегали к помощи римской курии, но беднякам, Божьим людям, передвигавшимся лишь пешком и не умевшим или не желавшим показать себя, трудно было добраться до папы. Святой Франциск был в близких отношениях с Иннокентием III благодаря епископу Гвидо и кардиналу Джованни Колонна. После смерти Колонны он понял, что надо найти покровителя и обратился к кардиналу, до того времени выказывавшему свое к нему расположение. Это был Уголино, граф Ананьи, епископ Остии и Веллетри, человек семидесяти лет, одаренный и почитаемый. Когда-то он учился в Болонье и Париже, а теперь стал другом и советчиком нового папы, Гонория III.

Кардинал Уголино был польщен, что выбор святого пал на него, и принял близко к сердцу его заботы. Чтобы иметь для покровительства больше возможностей и власти, он предложил Франциску, чтобы тот попросил папу официально признать это покровительство. Кроме того, он пожелал, чтобы святой Франциск приготовил речь в защиту своего Ордена при папском дворе. Святой Франциск прилежно приготовился, но, оказавшись перед папой, забыл обо всем на свете, и признался в этом, а признавшись, возвел взор к небу, призывая Святой Дух, и предался вдохновению. Кардинал Уголино волновался, опасаясь, что тот скажет или сделает что-нибудь, выходящее за официальные рамки, что не понравится прелатам, но святой Франциск говорил прекрасно, и, хотя, в пылу вдохновения, почти подпрыгивал перед кардиналами, никто не смеялся, ибо все поняли, что в нем пылает божественный огонь. Папа благосклонно согласился, чтобы Ордену покровительствовал кардинал Уголино, и тот стал поверенным святого Франциска во всех его делах.

Дружба между кардиналом Уголино и святым Франциском была истинно трогательной. Святой Франциск любил его так, как сын может любить отца. Он и сам нуждался в этом. Ему, уязвленному отцом не понимавшим его, и выбравшему себе приемного отца-нищего, Бог послал наконец отца, обладавшего церковной властью. Рядом с мистическим вдохновением святого он представлял собою власть Рима.

Святому Франциску нужна была сильная рука, внимательный взгляд, человеческий и, вместе с тем, благодатный, который смотрел бы не только ввысь, как он, но и вокруг, и вниз, нужен был проводник, который, не умерщвляя его вдохновения, руководил бы им в повседневной жизни. Вождь и учитель, Франциск сам нуждался в том, чтобы его любили и защищали.

Что же до кардинала, человека благородного, мудрого, образованного, убеленного сединой, то он чувствовал себя бедняком рядом с человеком Божьим и, относясь к нему с отеческой любовью, почитал его как учителя, слушал его как друга и хотел всегда быть рядом с ним, ибо одного лишь его присутствия было достаточно, чтобы успокоить его. Он старался следовать его примеру и, когда позволял его высокий сан, одевался и ел как «младший брат». По возможности кардинал Уголино не пропускал капитулов в Порциунколе.

Он приезжал на коне вместе со своей свитой, братья же окружали их и сопровождали. Франциск поддерживал стремя и помогал ему сойти с лошади, как оруженосец помогает своему господину, потом кардинал служил мессу в простой часовне Санта Мария дельи Анджели с большим волнением, нежели в Латеранском соборе, а Франциск в облачении дьякона пел чудесным голосом. После этого кардинал бродил по лесу среди шалашей и, видя, в какой бедности здесь живут, в растроганности плакал: «Как же спастись нам, если слуги Божьи так живут?»

Мечта Франциска казалась ему неземной, и он хотел немного смягчить его взгляды на жизнь, но святой проявлял столь неудержимую страсть к своей госпоже Бедности, что кардинал примирился с этим. Не было ничего прекраснее, чем видеть их вместе — прекраснородного Уголино, в пурпурном облачении и Франциска, исхудалого, в залатанной бурой рясе, с босыми ногами, покрытыми пылью, и поднятой головой.

— Франциск, простейший брат мой, ты будешь прославляем на алтарях,— говорил ему кардинал.

— Мессер кардинал, отец мой, вы станете викарием Христа и отцом всего мира, — отвечал на это Франциск. В письмах к кардиналу Франциск писал так: «О, почтеннейший во Христе отец всего мира».

Оба они были пророками.

Вновь, как и в самом начале его обращения, Церковь прижала к своей груди Франциска, а Франциск заключил в свои объятия Церковь, «за которую меньший брат держится», и не ведал, что сам поддерживает ее, словно атлант.

ЛУККЕЗИО И БУОНАДОННА

Число людей, восхищавшихся святым Франциском, все возрастало, и верные ему решили жить в стремлении к его пути. Мог ли святой пренебречь людьми доброй воли, обратившимися к нему? Настало время вспомнить об обещании, данном в Каннаре.

Как-то раз остановившись в Поджибонси, что недалеко от Сиены, он встретил одинокую пару. Его звали Луккезио, ее — Буонадонна, он был торговцем, но давно уже посвятил себя Богу, и вместо того, чтобы зарабатывать себе на жизнь, зарабатывал деньги для бедных, она же любила обеспеченную жизнь и вначале не могла примириться с подобной щедростью мужа, с его стремлением унизить себя — одним словом, с его новым идеалом — и ругала его на чем свет стоит. Однажды в дверь постучали бедняки, но в кладовой не оставалось больше хлеба.

— Пойди и дай что-нибудь этим Божьим созданиям, — сказал Луккезио жене.

— Безумец! — воскликнула она. — Сразу видно, что от голода ты с ума спятил. Не видишь, что ли, ларь пустой? И когда ты только начнешь заниматься своим делом?

— Иди, — благодушно сказал Луккезио, — и пусть Провидение не оставит нас.

Недовольная Буонадонна открыла ларь для того лишь, чтобы опровергнуть глупые слова Луккезио и с триумфом воскликнуть: «Что я тебе говорила!» (это обиднее всего слушать тому, кто ошибается), но так и застыла с открытым ртом — ларь был битком набит. После этого чуда и она обратилась, и с тех пор состязалась с мужем в милосердии.

Тем временем слава о святом Франциске распространилась повсюду; супруги страстно желали поговорить с ним, и, когда он оказался в Поджибонси, спросили у него, как им достигнуть совершенства, оставаясь мирянами и супругами. Святой Франциск ответил, что уже думал о новом Ордене, в который принимали бы и супругов, и объяснил, каким он представляет себе этот Орден, и какие обязанности будут возложены на его членов. Луккезио и Буонадонна с восхищением слушали его и, став на колени, взмолились о том, чтобы он принял их в это только что зародившееся сообщество; тогда святой Франциск одел их в серую, бедную одежду, подобную той, в которую одевались меньшие братья, подпоясал их веревкой, завязав пояса узлом, а спустя несколько месяцев сообщил им правила их жизни, назвав новый Орден терциариями, то есть третьими.

С тех пор супруги полностью посвятили себя беднякам: они лечили больных, давали приют странникам, а сами довольствовались фруктами из сада, которые они выращивали собственными руками, если же и этого не было у них, просили милостыню. Они дошли до самой Мареммы, чтобы передать лекарства страждущим. Многие, многие годы провела Буонадонна в невидимых добродетелях и тихим апрельским днем умерла. Стоя на коленях возле постели, Луккезио, молил блаженного Франциска, соединить их в любви, более высокой, нежели любовь человеческая, соединить

их в смерти. И молитва его была услышана. Через несколько минут он испустил дух. Веревоочный пояс Третьего Ордена связал их священный брак еще более крепкими узами чистоты и преданности.

КАЮЩИЕСЯ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ

Устав, который святой Франциск около 1218 года передал Луккезио и Буонадонне, и которому отчасти уже следовали граф Орландо, «брат Якопа», кардинал Уголино и многие другие, упорядочил жизнь всех преданных ему людей, живущих в мирских заботах и принадлежащих к Третьему Ордену (третьему после Меньших братьев и Бедных дам). Впоследствии кардинал Уголино, ставший папой Григорием IX, назвал его сообществом покаявшихся и Орденом братьев и сестер покаяния.

Имя это ко многому обязывало, а устав для тех времен был нелегким. Терциариями могли стать все: священники, миряне, девы, вдовы, супруги, если они были католиками, преданными Церкви; они могли жить в своих домах, но христианской жизнью молитвы и милосердия, одеваться в платье из серого сукна, подпоясанное веревкой — словом, стремиться к тому, чтобы по возможности приблизить францисканский идеал к своей повседневной жизни.

Тот, кто вступал в Орден покаяния, должен был примириться с врагами, возратить имущество, нажитое нечестным путем; исправно платить церковную десятину; написать в соответствии с законом собственное завещание, чтобы после смерти его не возникло распрей между наследниками; никогда не носить оружия; никогда не клясться, за исключением случаев, когда Церковь позволяет это, например, для защиты веры, для укрепления мира, для того, чтобы дать показания перед судом; не принимать гражданских почестей. Раз в месяц терциарии должны были собираться вместе, чтобы участвовать в службе, выслушать проповедь и обсудить общие дела. Три раза в год они должны были причащаться — на Рождество, на Пасху и на Троицу, они должны были навещать больных братьев, молиться за умерших и платить ежемесячный взнос, в соответствии с достатком, для помощи беднякам и жертвам внезапных бедствий. Бедность, в отличие от двух предыдущих Орденов, не была необходимым условием, но в сердце своем каждый должен был отойти от мирских благ и пользоваться ими умеренно, как средством к существованию, но не как целью всей жизни. Слово же «покаяние», включенное в название Ордена, указывало на его дух.

ЗНАЧЕНИЕ ТРЕТЬЕГО ОРДЕНА

Устав этот, который сегодня кажется исключительно суровым, семьсот лет назад казался почти революционным, и был бы чуть ли не мятежным и в самом деле, как например, уставы некоторых еретических сект, если бы не его римская основа. Он словно шел против течения, причем не в том смысле, в каком против течения идет все христианство, восставая против страстей — он был направлен против итальянского общества XIII века, остававшегося еще феодальным, но тяготеющего к коммунам.

Обязанность возмещать нажитое нечестным путем и насилием, нередко приводила к тому, что наследства таяли, приводя в невыносимый гнев наследников; тем не менее, это восстанавливало справедливость, умирало обиды разорившихся и бедных, предупреждало жесточайшие расправы над соперниками, предостерегало ростовщиков и взяточников. То, что терциарии составляли завещания как хотели, приводило к тому же.

Они не присягали, за исключением особых случаев, и это ударило по феодальной сети, когда влиятельные семейства объединялись между собой, привлекая в свои союзы людей менее богатых и нуждавшихся в покровительстве, а потом ставили их на службу своим интересам, противореча общему благу. Однако, обязанность эта могла вовлечь терциариев в другие сети, скорее уже «коммунальные», нежели феодальные, то есть, во враждовавшие между собой группировки, состоявшие из горожан, вооруженных друг против друга. И все же, не присягая, терциарии не связывали себя ни с партией, ни с господином, и, таким образом, не находились ни под общественной, ни под персональной властью, раз и навсегда по доброй воле вступив в воинство духа.

Они не носили оружия, что в те времена было неслыханным, ведь тогда самый что ни на есть миролюбивый человек не выходил из дому, не пристегнув к поясу хотя бы стилета. «Вам же пробьют голову», — предостерегали их друзья, но терциарии отвечали: «Если Бог с нами, кто против нас?»

«Труссы и бездельники», — бранились враги, но терциарии проявляли бесстрашие, бросаясь безоружными, чтобы разнять дерущихся в рукопашном бою, даже если это могло стоить им жизни. Так было всегда: в битвах между горожанами эти люди, чьи руки не замараны грехом, бросались в самую сердцевину опасности, чтобы утихомирить ненависть, примирить противников и вернуть родине ее силу, заключающуюся в том, что люди там некогда жили в согласии. Обязанность эта вместе с обязанностью прощать отдалила опасность гражданской войны, ибо безоружный уже не стремился к распрям, другие же не решались ударить безоружного.

Они платили ежемесячные взносы, и это было, можно сказать, прообразом кассы взаимопомощи. Общий фонд собрали по зернышку: тут были пожертвования рыцарей, мастеровых, крестьян. Таким образом, богач не мог кичиться тем, что лишь он один жертвует деньги, но и бедняк не мог обойтись без богача; скромный веревочный пояс сильнее, чем золотой шнур связывал воедино богатых и бедных в христианской любви.

Третий Орден показывает нам, как велико было социальное значение святого Франциска. Остановись он на двух первых, его можно было бы назвать великим основателем, но не реформатором, не «Исправителем», как назвал его папа Пий XI, употребив смелое слово, новое в истории Церкви. Третий Орден мог принять в себя всю жизнь и все жизни, он решал экономические и социальные проблемы на том уровне, на котором они должны решаться, то есть в сознании единиц, и, кроме того, он сообщал дух двух предыдущих Орденів любому человеку, представителю любого класса и любой профессии.

У воинства покаяния был пояс вместо шпаги, крест вместо знамени, Франциск вместо кондотьера; оно обращало души к Евангельскому милосердию и заботилось о будущем. Сегодня, по прошествии веков, когда такие принципы стали общим достоянием, кажется, что Орден этот — весьма вольная организация, но для того, кто преисполнившись духом его основателя, пожелает следовать правилам Ордена, он будет всегда воинством покаяния. Устав его, словно веревочный пояс — он может быть широким или узким, в зависимости от того, кто перепоясывается им, и это вполне соответствует педагогике святого Франциска, который повелевает редко и настаивает всегда.

ПРОЩЕНИЕ

Святой Франциск не довольствовался тем, что обращал людей к Богу и помогал им, сообщая им тайну добродетели и радости. Самой сложной проблемой было вечное спасение; он понимал, что если в каком-то смысле не обеспечит его братьям своим, людям, это значит, что он ничего для них не сделал. Франциск думал о том, как Господь прощает человека, пока Бог не укрепил в нем уверенность в том, что прощение будет ему даровано. Мысли эти были мучительны, и он думал, что они мучительны и для всех, даже для тех, кто, казалось бы, об этом забыл. Свободно идти навстречу смерти в уверенности, что ты попадешь в рай! Это право необходимо получить у Великого Царя для всех.

Однажды, июльской ночью, святой Франциск молился в церквушке Санта Мария дельи Анджели, как вдруг, окруженные светящимися нимбами, ему явились Господь наш Иисус и Матерь Его Мария.

— Чего ты хочешь, Франциск? — беззвучно спросил его Господь.

Святой в восторженном упоении вспомнил о душах братьев и поведал свое давнее желание:

— Святейший Отец наш, я — всего лишь несчастный грешник, но, прошу Тебя, прости всякую вину и отпусти грехи всем тем, кто придет покаяться и исповедаться в эту церковь.

Тогда Господь наш сказал:

— Франциск, ты много требуешь, но ты достоин многого, много и получишь.

И Он внял молитве, повелев Франциску, чтобы тот просил папу о столь необычной индульгенции. Папа Гонорий III был тогда в Перудже, и наутро, лишь забрезжил рассвет, святой Франциск уже подходил к городу, окруженному башнями. Он предстал перед папским двором просто, как всегда, ибо величие не устрасит человека, втайне живущего с Богом, и в тот момент он воистину чувствовал себя глашатаем Великого Царя.

— Святой отец, умоляю вас, дайте полную, бесплатную индульгенцию прихожанам церкви Санта Мария дельи Анджели.

Гонорий III удивился, услышав эту необычайную просьбу. Такую индульгенцию давали только странникам, совершившим паломничество в Святую Землю, или в Сантьяго де Компостелла, или в Риме при особенно торжественных обстоятельствах, причем с людей этих обычно взымали плату. И все же он не мог холодно ответить «нет» братцу, стоявшему на коленях у его ног, столько было в том и кротости, и уверенности. Такие просьбы могут исходить только от детей и святых.

— На сколько же лет, — снисходительно спросил Гонорий, — ты просишь индульгенцию?

— Отец мой, не о годах, о душах прошу.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Блаженный отец, я хотел бы, чтобы все кающиеся и исповедующиеся, приходящие в Порциунколу, получали отпущение грехов. Чтобы вина и кара были с них сняты, как на земле, так и на небе, за все грехи, содеянные ими, со дня их крещения, и до того часа, когда войдут они в церковь Марии.

«Церковь Марии», — не случайно святой Франциск сказал так. Ему казалось, что перед этим царским и материнским именем преклонится любая власть.

Папа опять удивился. Святой Франциск просил возрождающего прощения, как бы повторного крещения, и на том лишь условии, что странники, совершив паломничество в его церквушку, глубоко покаются и искренне исповедуются. Это было неслыханно крупной льготой, но Франциск просил

именем Христовым, и первосвященник не устоял. «Именем Бога, я соглашаюсь на эту индульгенцию», — трижды сказал он.

Кардиналы возроптали, за что оказывать такой невиданный почет неизвестной церквушке, где чудеса совершал только этот бедняк, который мог быть святым, мог быть и сумасшедшим, ведь никто не докажет святость человека при его жизни! Если так щедро раздавать индульгенции, последнюю приходскую церковь будут почитать, как Гроб Господень! Словом, кардиналы, убежденные консерваторы, полагали, что Церковь должна сурово отнестись к этой просьбе.

Но и на этот раз наместник Христа почувствовал великий дух милосердия, распространенный святым из Ассизи от имени великого Царя, и ответил кардиналам: «Раз мы дали обещание, то не отступим назад. Мы лишь ограничим срок индульгенции до одного дня».

Этим днем назначил он 2 августа, начиная с вечерней молитвы накануне.

Франциск покинул Перуджу в радости, не попросив никакого документа, подтверждавшего согласие папы — он никогда не доверялся письменным соглашениям, ибо знал, что вера всегда в самом сердце, если же в сердце ее нет, любой документ превращается в драный клочок бумаги, даже если его подписал представитель высочайшей власти или целый суверенный народ. Вечером он остановился в лепрозории, недалеко от Колле, и во время молитвы получил знак от неба, что индульгенцию, пожалованную ему папой, подтвердил Царь царей. Теперь, у него было и слово Бога, и слово Его наместника — чего же лучше?

Второго августа, того же, 1216 года в Порциунколу, для освящения съехались епископы Ассизи, Перуджи, Тоди, Сполето, Ночеры, Губбио и Фолиньо, и перед ними и собравшимся народом Франциск сказал:

— Я хочу направить вас всех в рай. Господин наш, папа Гонорий, дал мне эту индульгенцию, по которой вы, присутствующие здесь, и те, кто в последующие годы в этот день придет сюда и искренне покается, получите прощение за содеянные вами грехи.

«Я хочу направить вас всех в рай», — вот до чего доходила любовь святого Франциска к ближнему. Деяния трех Орденос увенчались прощением в Порциунколе, которое открыло врата благодати всем покающимся и подготовило их к добродетели на земле и к славе на небе.

Церквушке Марии, затерянной в лесу между Перуджей и Ассизи и бедной как Вифлеемские ясли, суждено было стать одним из самых ярких очагов христианства, к которому стремились души. И это справедливо: не там ли с благословения Божьей Матери родилось францисканство? Еще в древности истоки великих рек заслуживали особого почитания.

Святой Франциск слышал звук шагов, доносившийся до него из грядущих столетий, звучание чужой речи — славянской, английской, французской, немецкой, испанской, видел дороги переполненные народом, спешащим в Порциунколу.

Другой святой брат увидел ту же бесконечную вереницу людей из самых отдаленных краев, которые становились на колени вокруг Санта Марии дельи Анджели, протягивая руки и моля о милосердии. Вдруг золотой луч блеснул сверху, захватив сиянием лишь церковь и толпу. Благодаря молитвам святого и заступничеству Пресвятой Девы, миллионы людей обрели спасение.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДАЛЬНИЕ СТРАНСТВИЯ

МЕЧТА РЫЦАРЯ

Когда Франциск был ребенком, в его сердце глубоко проникли два видения: бродячие певцы, распевавшие песни о Роланде и Оливье, и рыцари с орлом на гребнях шлемов и крестом на щите, которые проходили через город. Обратившись, он, конечно же, посвятил и это чудесное воспоминание Господу Богу, думая так: чтобы обратиться к Нему многие души, непременно надо служить Ему как бродячий певец, и как рыцарь, то есть песней и в сражениях. В то время, однако, достойным рыцарем считался лишь тот, кто посетил Святую Землю, и лишь в сражении за Гроб Господень он получал право изобразить крест на своем гербе. Истинную знатность обретали в Крестовых походах.

Но Крестовые походы уже не были жизненным идеалом, они стали выгодным предприятием и для знати, и для буржуазии. Теоретически считалось, что люди отправляются освобождать Святые места от мусульман; на деле же, крупные феодалы, особенно французские и провансальские, то есть те, кого более или менее вежливо отдалили от короля и императора, стремились обрести на Востоке господство, потерянное на Западе. Наши морские республики, с расчетливой щедростью предоставлявшие им корабли, пользовались их оружием, чтобы получить лучшие порты Эгейского, Черного и Средиземного морей, торговцы наши, сооружая пристани в Леванте, захватили всю европейскую торговлю в свои руки.

Таким образом, форма сохранилась, но изменилось содержание. Результаты вполне ему соответствовали: все делалось в целях экономических

и политических, и ничего — для веры. Вокруг Гроба Господня сверкали турецкие ятаны, а по горам, где молился Спаситель, бродили лошади неверных.

Святой Франциск страдал, что уничтожен дух, который некогда был движущей силой крестовых походов, но он был безоружным рыцарем, и понимал, что христианство можно принести в далекую страну на кресте, а не на мече, и прежде, чем завоевать землю, нужно завоевать сердца. Вместо того, чтобы убивать неверных, лучше обратить их, а с их обращением сам собой освободится Гроб Господень.

Смотря на это с религиозной точки зрения, святой Франциск думал, что лучше будет, если вместо солдат в бой отправятся проповедники, готовые не к тому, чтобы сеять смерть, но к тому, чтобы умереть за веру, а он и его братья должны быть первыми в этом ряду.

Но сарацины были жестоки, они считали, что прославляют Аллаха, убивая христиан. Тем лучше, того и хотел святой Франциск: пролить кровь за Христа, как Христос пролил кровь за нас. Крестовый поход был для него мученичеством: крест начертывают не на печати, а на его теле, смерть настигнет его на поле боя, где он будет тайно сражаться, верой и делом. Вот о чем мечтал рыцарь.

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ

Святой Франциск воплощал свои мечты в действия. Для того, чтобы отправиться в духовный Крестовый поход в Святую землю, ему были нужны соизволение папы и согласие братьев. В согласии братьев на деле необходимости не было, но, как истинный наставник, он хотел убедиться в справедливости своих деяний.

В то время — а было это в конце 1212 года — Иннокентий III готовил новый поход против Египта, центра мусульманского влияния. Святой Франциск отправился в Рим испросить высшего соизволения на то, чтобы и он со щитом святого Евангелия отправился в этот поход, как безоружный знаменосец Христа. Подходя к Беванье, замку, находившемуся между Ассизи и Тоди, он увидел у дороги деревья с множеством птиц на ветвях, птицы были и на ближнем поле. Наверное, это была перелетная стая, ибо наступила осень, время птичьих перелетов. Увидев крылатые творения Божьи, святой Франциск возрадовался и воспрянул духом, и сказал братьям:

— Подождите меня здесь, а я прочту проповедь сестрам моим птицам.

Он направился к птицам и приветствовал их, словно они были людьми.

— Сестрицы мои птички, — сказал он, — вы — любимицы нашего Создателя, Господа Бога, и потому всегда должны прославлять Его, ибо Он сохранил род ваш в Ноевом ковчеге и дозволил вам летать, куда вам угодно, отдав вам в распоряжение чистое небо.

Птицы обернулись в его сторону с деревьев, кустов, лугов и изгородей и внимательно его слушали, вытянув шейки и склонив головки, словно были наделены разумом.

— Птички, сестрицы мои, — продолжал святой, и они внимали ему, — прославляйте же Бога, ибо вы не сеете и не жнете, а Всевышний дает вам реки и источники, чтобы вы утоляли жажду, высокие деревья, чтобы вы вили гнезда, горы и долины для отдохновения вашего. Вы не прядете и не шьете, и Всевышний одевает вас и детей ваших в теплое платье из перьев, пригодное и на лето, и на зиму. Смотрите же, как любит вас Создатель, но опасайтесь, сестрицы мои, греха неблагодарности и всегда прославляйте Бога.

Птицы, кивая головой, открыв клюв и распахнув крылья, сперва запищали вразнобой, потом громко защебетали, словно огромный хор, — так ответили они согласиен на слова святого. Франциск же в изумлении радовался; он ходил среди них и задевал их полой, но ни одна из них не испугалась, ни одна не улетела. Наконец, он поднял руку для благословения и позволил им улететь. Тогда они поднялись в небо и разделились на четыре вереницы, повторяя очертания креста, которым благословил их святой Франциск, — каждая вереница соответствовала одной из его четырех линий.

Братья, задрав головы, дивились этому чуду, и думали о том, что их учитель — истинный святой, раз он умеет говорить с тварями Божьими и вдыхать в них душу.

— Какую прекрасную проповедь ты прочел птицам, — сказал брат Массео.

— А какую прекрасную проповедь прочли они нам, — ответил святой Франциск. — Мы должны проповедовать крест Христов во всех четырех сторонах света и жить как птицы небесные, ничем не владея в этом мире и посвящая нашу жизнь лишь Промыслу Божьему.

И братья поняли его.

ПРЕДЕЛЫ СЛОВЕНИИ

Святой Франциск хотел первым показать своим ближним пример Крестового похода в покаянии и мученичестве, и потому, получив разрешение от папы, назначил своим викарием в Италии брата Пьетро Каттани, каноника,

а сам, всего с одним товарищем, в первых числах октября 1212 года, сел на корабль, отправлявшийся в Сирию. Но во время бури корабль сел на мель у берегов Словении, и дальше плыть они не могли. Святой Франциск узнал, что ранее чем через год на Восток не отправится ни одно судно, в те времена корабли плавали медленно, на парусах и на веслах, и тогда попросил, чтобы хозяин судна, которое снималось с якоря и отправлялось в Анкону, взял его и его товарища на борт.

— Не надо мне лишних ртов, — ответил тот. — У нас едва хватает запасов на все путешествие.

Но двое братьев были не из тех, кто боится голода. Вечером они крадучись пролезли в трюм, подобно маленьким любителям приключений, убежавшим из дома, которые тайно проникают на корабль, поглощенные страстью к морю, и прячутся за ящиками с товаром. Кроме того один добрый человек на берегу передал другому доброму человеку из команды запас провизии для двух бедных братьев, которые могли бы выйти из укрытия, когда окажутся далеко в открытом море.

Хозяин корабля поворчал немного, но впоследствии ему пришлось благословлять нежеланных гостей, ибо путешествие их оказалось гораздо более длительным, нежели предполагалось. Из-за бури, замедлившей плавание, матросы съели все запасы, и провизия святого Франциска (который всегда ел совсем мало, а если речь шла о других, вообще лишал себя пищи) спасла команду от голода. Еда эта казалась волшебной — на сколько частей ни делили ее, хватало на каждый день — ради любви к святому Франциску Господь приумножал запасы. И хозяин корабля понял, как важно помогать бедным, а попутчиком иметь друга Божьего.

НА ПУТИ В МАРОККО

Истинный рыцарь не боится трудностей. После неудавшегося похода святой Франциск не пал духом, напротив, он возвратился домой, еще больше желая принять мученичество и распространить Евангелие в тех краях, где его либо не знали, либо презирали. Поэтому он выбрал Марокко, крупный сарацинский центр, в котором изгнанные из Испании арабы весьма оживились в ту пору под началом своего султана Мохаммеда Бен Назера, прозванного Мирамолино.

В июне 1213 года Франциск отправился в путь вместе с несколькими товарищами, среди которых был и брат Бернардо, и стремление его было столь неудержимым, что он шел всегда впереди других и больше всех торопился. Так же быстро шел он и в те дни, когда дурно себя чувствовал. Он

хотел попасть в Марокко через Испанию, и братьев радовала мысль о том, что они останутся в святилище Сантьяго де Компостелла — после Рима и Иерусалима самом почитаемом в Средние века. Как-то, остановившись, чтобы передохнуть, они увидели больного бедняка, брошенного на дороге, и это так взволновало Франциска, что он сказал брату Бернардо:

— Сын мой, я желал бы, чтобы ты остался здесь и ухаживал за этим больным.

Брат Бернардо, чуть не заплакал, но, смиренно став на колени, принял послушание и остался с больным, а святой Франциск и другие отправились в Сантьяго.

Но святому не суждено было добраться до Марокко: он тяжело заболел и снова вернулся в Италию. На обратном пути он нашел брата Бернардо и его подопечного, к тому моменту совершенно здорового, и обещал своему первому рыцарю, что в будущем году отправит его в Сантьяго. Вместе они вернулись в сполетанскую долину, в Порциунколу, где всегда собирались рыцари Круглого Стола, и где сердце Франциска радовалось больше, чем в каком-либо ином месте.

Снова Божья воля остановила его на пути к Крестовым походам, но в сердце его росла жажда мученичества.

КАК РЫЦАРИ НИЩЕТЫ ПОДЕЛИЛИ МИР

Две первые миссии не увенчались успехом, но, во всяком случае, они дали Франциску возможность рассказать братьям о дорогах мира и право повелеть верным крестоносцам: «Вооружайтесь и отправляйтесь в путь», ибо он никогда не повелевал делать то, чего не сделал бы сам. Его странствия, особенно путешествие в Галицию, соседствующую с Южной Францией, во время которого он изучил религиозный опыт других стран и опыт еретиков, навели его на мысль о том, что проповедовать Евангелие нужно не только сарацинам, но и европейским христианам. Он был истинным искателем приключений и, хотя разум его был кроток, сознавал значение своих деяний. Он не любил порицать, но речь шла о грубой религиозности, которая вводила людей в соблазн; одним словом, он убедился в том, что было бы полезно направить рыцарей на завоевание мира.

Папа одобрил его, свое стремление он выстрадал, и это окрыляло его. Но, когда пришло время проведать о великом замысле братьям, собравшимся на первый генеральный капитул на Троицу 1217 года, он засомневался, ведь он был чувствителен и кроток до робости. Слишком уж много монастырей, ученых и теологов для только что возникшего Ордена!

Как может воспринять его слова человек бесхитростный и неграмотный? Другой бы победил в себе робость, положившись на свое влияние, ведь он и создал Орден. В конце концов, если они хотели быть послушниками его монастыря, они должны прислушаться к его словам. Однако, святой Франциск приижал себя по двум причинам: он смутился (он вообще был застенчив), и, кроме того, образ идеального брата, возникший в его душе, должен был соответствовать образу Христа, и он готовил себя к испытанию, рассуждая так с одним из друзей:

— Я не считал бы себя меньшим братом, если бы не оказался в положении, о котором скажу тебе. Искренне преданные мне братья приглашают меня на капитул, и я, тронутый их преданностью, принимаю приглашение. Они просят меня прочесть им проповедь, и я проповедую так, как вдохновляет меня Святой Дух. Предположим, что по окончании моей проповеди братья, ожидавшие от меня Бог знает чего, кричат: «Мы не желаем, чтобы ты руководил нами, ты не умеешь говорить как следует, ты слаб умом и необразован, нам стыдно иметь над собой такого глупца! И не думай больше считать себя нашим вождем». Предположим, что они с позором изгоняют меня. Так вот, я не был бы меньшим братом, если бы не принял это бесчестье с той же радостью, какую испытываю, когда меня хвалят и чествуют, ибо, хотя они в обоих случаях имеют одинаковое надобное преимущество, для моей души гораздо полезнее, когда меня унижают, но не превозносят.

Он отправился на капитул, готовый к тому, что на него обрушится град ударов, но, как часто случается, услышал рукоплескания. Он не замечал, что именно его простота трогает самых образованных, самых хитрых и утонченных людей. Воодушевившись, он говорил о миссии не только в Святую Землю, но и повсюду на земле, и капитул принял решение разделить мир на области, которые следовало посетить. Это уже сделали в Италии, а сейчас речь шла о Германии, Венгрии, Франции и Испании, и для каждой провинции предназначалась группа братьев. Святой Франциск всегда был образцом решительности; помолвившись вместе с другими, он избрал Францию, к которой, втайне от него самого, его тянула кровь матери, и, кроме того, он благоговел перед Святой Евхаристией, к которой французские католики относятся с особенным трепетом.

Затем учитель напутствовал новых миссионеров таким советом:

— Ступайте с именем Божиим во все земли. Идите по двое, тихо и скромно, в строгом молчании, в особенности же утром, до третьего часа, душою обращаясь к Богу, и не ведите пустых бесед. В дороге говорите между собою с достоинством и кротостью, как если бы вы были в скиту или в келье, ибо, где бы мы ни были, куда бы ни шли, наша келья всегда

с нами. Тело наше — келья, а душа наша — отшельничество, которому вы посвящаете себя, дабы молиться Богу; если же душа неспокойна в той келье, которую Он даровал ей, то ни в одной келье монастыря, построенного руками человеческими, не найти ей отдохновения.

ПЕРВЫЕ БИТВЫ С ИНОЗЕМЦАМИ

В Германии предводителем был брат Джованни делла Пенна, во Франции — брат Пачифико, в Тунисе — брат Эджидио, в Португалии — брат Захария и брат Гуальтьери, в Испании — Джованни Паренти. Со всеми, кроме двух последних, случилась беда. Братья были чужими, бедными, не знали языка, и если даже на родине к ним относились дурно, то за ее пределами их просто гнали, особенно в Германии, где, отвечая только «ja»¹ на все вопросы, они рисковали жизнью.

«Вы католики?» — спрашивали немцы, а братья отвечали им: «Ja», и это было верно.

Но другие спрашивали их:

— Вы катары, вальденсы, альбигойцы, еретики?

— Ja, ja, — отвечали простодушно братья, и тогда их избивали, привязывали к позорному столбу, заключали в темницу, мучили до тех пор, пока не обнаруживалось недоразумение.

В Венгрии было хуже: люди из цыганских, полуварварских народностей грубо оскорбляли их. Братья, думая, что те хотят стащить их нищенское платье, сбрасывали плащи и башмаки и оставались полуголыми, но их поведение еще более распаляло преследователей. Но гонения не обескураживали рыцарей Христа, более того, их вдохновляла мысль о том, что это — испытание, как охраняет их Господь. В тоже время они добровольно принимали эту борьбу, словно ожидали ее, ибо первым врагом каждый считал самого себя, и единственным их оружием было терпение; потому они умели смиренно терпеть страдания, подражая своему Царю, победившему мир крестом. Мысль о том, что обратить душу человека можно с помощью слова, последней возникла для них, ибо истинным оружием их было страдание — этому научились они от божественного Учителя и от Его достойного последователя, Франциска. «Понимают или не понимают нас эти здоровенные тугодумы, нас мало заботит, — думали они. — Главное, что мы умираем ради их спасения. Остальное сделает Господь».

Миссия в Тунис завершилась, едва начавшись: христианское население совсем не благосклонно приняло уличных проповедников, мешавших им

¹ Да (нем.)

ладить с мусульманскими властями, и потому христиане погрузили брата Эджидио и его товарищей на первый корабль, направлявшийся в Италию. Но один молодой послушник остался на той земле, потому что он помнил о предсказаниях святого Франциска и жаждал мученичества. Сарацины нашли его и осудили на казнь. Братец стал на колени, радостно прижимая к сердцу устав учителя, и, прося Бога простить его, если он когда-нибудь пошел против Его воли, склонил голову под удар кривой турецкой сабли, кровью своей освятив устав.

Удачнее оказались походы в Испанию и Португалию. В Испании Джованни Паренти, человек Божий, просветил людей, объяснив им самую сущность рождавшегося Ордена, привил любовь к нему и основал в Сарагосе францисканский центр. В Португалии брат Захария и семеро его товарищей претерпели некоторые гонения но их благосклонно приняла и взяла под опеку принцесса Санча, сестра короля Альфонсо II и королевы Урраки.

А вот во Франции брата Пачифико, короля стихотворцев, совсем не приняло духовенство, остерегавшееся бродячих проповедников. Тамошним священникам казалось, что братья слишком похожи на альбигойцев.

Святой Франциск тоже отправился во Францию, но еще в Италии, во Флоренции, кардинал Уголино убедил его в том, что ему не надо ехать дальше, ведь лишь он один из многих способен был победить в себе стремление к апостольству, а в Италии было просто необходимо защитить Орден, чьи дела шли очень плохо по вине и мирян, и духовенства. Кардинал Уголино представил своего друга Гонорию III и попросил, чтобы папа дал ему грамоту, рекомендующую братцев епископам и приходским священникам. С такими письмами, которые они всегда носили с собой, новые странствующие рыцари могли найти друга в любом священнике и приют в любой приходской церкви.

ОТБЫТИЕ В МАРОККО

Страдания сотоварищей лишь разжигали в сердцах остальных желание подражать им, и отомстить за них справедливейшей вендеттой Евангельской проповеди. На капитуле, собравшимся в Троицын день 1219 года, на котором присутствовал кардинал Уголино, воздух был пропитан волнением — ведь создавалось новое воинство, чей авангард должен был получить крещение кровью; войско стремящееся к великой победе.

Святой Франциск решил повторить путь в Марокко, который он не прошел до конца несколько лет назад, и потому, призвав шестерых молодых братьев — Виталия, Бернардо, Пьетро, Адиутто, Аккуризо и Оттоне, сказал им:

— Дети мои, Господь повелел мне направить вас к сарацинам с тем, чтобы вы обращали людей в свою веру и поборолли закон Магомета. Приготовьтесь же исполнить волю Спасителя.

Шестеро избранников, воодушевившись от того, что им отдано предпочтение, в один голос воскликнули:

— Мы готовы, отец, повиноваться тебе во всем!

— Дети мои любимейшие, — тронутый этой покорностью, продолжал святой Франциск. — Чтобы соблюдать завет Всевышнего о спасении душ ваших, сохраняйте мир между собой, любите друг друга, изгоните из сердца зависть, будьте терпимы к лишениям и смиренны при виде благосостояния других, следуйте Иисусу Христу в нищете, чистоте и послушании. Полагайтесь только на Господа, Который будет вам и проводником, и помощником. С собою несите устав и молитвенник, и читайте псалтырь с великой набожностью. Слушайте все старшего из вас, брата Витале.

Словно лопнувшая струна, задрожал и утих голос святого Франциска, и тон его изменился: человек, наделенный трагической тонкостью души, победил в нем учителя и святого.

— Дети мои, хотя и радостно мне видеть, что решение ваше добровольно, сердце мое не может не печалиться от того, что вы уходите, ибо я люблю вас, но мы должны повиноваться воле Божьей, а не нашей собственной. Для утешения вашего я советую вам думать о страданиях нашего Господа. Это воодушевит вас и придаст вам сил выстрадать все ради Его славы.

Печаль святого Франциска предчувствием близкой смерти проникла в сердца юношей отправлявшихся в поход.

— Отец, — ответил за всех брат Витале, — посылай нас туда, куда хочешь, ибо мы готовы следовать твоей воле, но и ты, отец, молитвами помоги нам выполнять твои приказания. Ведь мы еще молоды и никогда прежде не покидали Италию, народ же той страны нам не знаком, известно лишь то, что люди эти ненавидят христиан, а мы не знаем даже языка их. И как только они увидят нас, нищенски одетых и подпоясанных веревкой, то станут презирать, будто мы безумцы, неспособные произнести и слова — вот почему нам столь необходимы твои молитвы. О, нежнейший отец наш, как можем разлучиться с тобою? Как можем мы, несчастные сироты, без тебя исполнить волю Божью, если Он милостью Своей не поможет нам сделать это?

За их словами слышались рыдания и мучения — это юность восставала против смерти. А благословенная сполетанская долина была залита майским солнцем, и лес вокруг Порциунколы источал золотые лучи и благоухание цветущего дрека.

В один миг святой исправил состояние их духа, смахнув могучим крылом веры злые чары уныния.

— Дети мои, доверьтесь Богу, ибо Он, посылающий вас, даст вам необходимую помощь в исполнении Его воли.

Шестеро братьев опустились на колени, поцеловали, плача, его руку, прося благословения. Святой Франциск в слезах благословил их:

— Благословение Всевышнего снисходит на вас, как на апостолов, и да укрепит оно вас и направит, и утешит. Не пугайтесь, ибо Господь в сражении будет с вами.

Так крестоносцы отправились в Марокко, подставив бритые головы палящему солнцу и погружая ноги в пыль и грязь, с уставом на груди и распятием в сердце.

Прощай, Санта Мария дельи Анджели; прощай, Круглый Стол Порциунколы; прощайте, братья; прощай, святой Франциск, утешитель в любой печали; прощайте, гимны, сочиненные вместе с ним и способные состязаться с песнью соловья в итальянской ночи.

А святой Франциск в Порциунколе, словно распятый, раскинув руки, молился Богу.

СВЯТОЙ ФРАНЦИСК В ЗАМОРСКОЙ СТРАНЕ

Если святой Франциск повелел братьям уехать, это означало, что и сам он принял такое же решение. Пятый крестовый поход, организованный по воле Иннокентия III и провозглашенный Гонорием, проходил вяло, из-за нерешительности христианского войска, в то время как мусульмане действовали сплоченно и защищались жестоко. В 1219 году святой Франциск в сопровождении нескольких товарищей отправился в Анкону, чтобы сесть на корабль крестоносцев, державший курс на Акру, сирийскую столицу Латинской империи, но так как места для всех братьев не хватало, святой положил на судьбу, решив, что тех, кто уедет с ним, и, тех, кто останется, избрать должен ребенок.

— Скажи мне, дитя мое, угодно ли Богу, чтобы все эти братья отправились со мною в Египет?

— Нет, — ответил мальчик.

— Кто же из них поедет со мною?

— Вот этот, этот и этот.., — и мальчик указал на двенадцать братьев, среди которых были Пьетро Каттани и брат Иллюминато да Риети, человек одаренный и добродетельный.

Два месяца длилось плавание. Наконец, корабль бросил якорь в Акре, где они встретились с другими братьями, прибывшими годом раньше, и затем, как обычно, отправились в путь по двое, чтобы распространить в тех

краях Евангелие. Святой Франциск вместе с братом Иллюминато выбрал Дамиету в Египте — в то время главную цель крестового похода, ибо уже целый год город осаждали христиане, мусульмане же яростно оборонялись. Прибыл он туда в августе, когда крестоносцев, пытавшихся приступом взять крепость, с многочисленными потерями отбросило сарацинское войско, под предводительством двух отважных и ловких полководцев — Мелек-эль-Камела, египетского султана и его брата Мелек-эль-Мохаммеда, султана Дамасского.

Святой Франциск нашел лагерь в плачевном состоянии: ненависть, зависть, жажда власти, разбой, разврат и дурные нравы царили там. Воины эти просто позорили крест.

Святой чувствовал гнев Божий, и однажды, пока крестоносцы готовились к новой осаде, он сказал брату Иллюминато:

— Господь поведал мне, что, если сегодня наше войско вступит в бой с врагом, нам не победить. Если я стану увещевать их, они сочтут меня безумным, если же я промолчу, совесть моя будет нечиста. Что же мне делать?

И на этот раз великий святой сомневался в себе, и спрашивал ученика. Брат Иллюминато ответил ему во францисканском духе:

— Тебе ли прислушиваться к людским суждениям? Не в первый раз ты прослынешь безумным. Поступай, как сочтешь нужным и бойся Бога более людей.

Тогда святой Франциск попытался предостеречь полководцев, сказав им, что их победят, но те его осмеяли, ибо считали фанатиком. Но предположения подтвердились: этот день, девятнадцатое августа, стал для крестоносцев горестной датой поражения — они потеряли около шести тысяч человек. Побойще укротило воинов, теперь они хотели слушать презренного итальянского паломника, который понял, что прежде всего надо проповедовать самим крестоносцам, а уж затем сарацинам; и, беседуя с рыцарями и воинами по-французски и по-итальянски, на языках рыцарства и воинственности, обращал их души к Господу, возрождая в них рвение к истинной и почти забытой их цели — священной войне.

Проповедь его, образ и очарование покорили христианский лагерь, и лучшие из воинов стали стремиться к духовности «меньших братьев». Джакомо да Витри, августинский епископ, француз из Акры, присутствовавший при осаде Дамиеты, увидел, как его преданные священники, и даже собственный его секретарь англичанин, вступают в Орден святого Франциска, и стал отговаривать остальных, ведь так могла опустеть его епархия.

Однако святой Франциск не довольствовался этими победами, не они были целью его странствия. Ему оставалось одно: броситься в пасть к волку, но, не желая искушать Бога, совершая деяние несоразмерное с его силами, он и на этот раз решил получить одобрение Церкви, и обратился к кардиналу Пеладжио Галвани, папскому легату в Святой Земле с тем, чтобы тот позволил проповедовать султану. Кардинал, не желавший брать на себя ответственность за их жизнь, сперва отказал, но, побежденный его мольбами, отпустил Франциска с товарищем, сказав им: «Старайтесь держать сердце и разум ваш всегда обращенными к Богу, ибо лишь Он один может спасти вас. И помните о том, что не я вас послал на это».

Христиане, напуганные ненавистью сарацин, обеспокоились. «Не ходите, не ходите! — говорили крестоносцы. — За голову христианина у них платят один золотой бизант».

Святой Франциск перекрестился, как в тот день, когда он шел навстречу волку из Губбио, и вместе с братом Иллюминато, ступил на территорию врага, распевая псалом Давида: «Если я пойду долиною смертной тени, не убоюсь зла, ибо Ты со мною»².

На дороге они увидели двух овец, которые брели им навстречу и воодушевленный Франциск сказал товарищу:

— Брат мой, доверься Богу, ибо в Евангелии сказано: «Я посылаю вас, как овец среди волков»³.

Как только они пришли в сарацинский лагерь, их схватили, связали и избили, и блаженный Франциск, возрадовавшись этому, думал: «Вот чудесное начало»; но, решив обратиться Мелек-эль-Камела, закричал: «Султана, султана!» — и сарацины, подумав, что у него есть послание для их повелителя, или что он хочет сделать ему признание, провели его в шатер.

— Вы пришли просить мира, или же вы хотите сделаться почитателями Аллаха? — спросил султан, смерив взглядом двух странных пришельцев.

И человек Божий с уверенностью ответил:

— Я послан Всевышним, а не человеком мира сего. Я должен наставить тебя и народ твой на путь истинный во имя спасения душ ваших, а кроме того, открыть тебе истину Евангелия о Христе — и прочел ему проповедь столь вдохновенно, что султан, умный и образованный араб, слушал его с восхищением, и рассудил, что этот бедняга-христианин достоин украсить его двор, известный своими мудрецами.

² Пс. 22, 4

³ Мтф. 10, 16

И султан предложил Франциску остаться с ним, ибо добродетель святого Франциска была столь велика, что всякий, кто узнавал его, будь то даже сарацин, уже не мог себе представить жизнь без него. Вдохновленный Богом, Франциск ответил:

— Если ты хочешь обратиться в христианскую веру и обратить в нее народ твой, я охотно останусь с тобой. Если же ты сомневаешься в том, стоит ли тебе оставить веру в Магомета ради веры в Христа, то прикажи разжечь большой костер, а мне и магометанским священнослужителям войти в огонь, и избери веру того, кто выйдет живым из погребального костра.

Если бы султан был древним тираном, он с удовольствием, развлечения ради, устроил бы это испытание огнем, но он был разумен, а кроме того, увидел, что кое-кто из его мудрецов, услышав это предложение, попросту сбежал, и ответил так:

— Боюсь, что ни один из служителей Аллаха не подвергнет себя такой опасности ради нашей веры.

Святой Франциск предпринял последнюю попытку:

— Хорошо, ради того, чтобы ты уверовал, я брошусь в огонь, и если сгорю в нем, то знай, что я поплатился за грехи мои, если же я останусь невредимым, ты признаешь Христа истинным Богом и Спасителем мира.

Тогда султан, который никогда прежде не встречал человека, готового ради его души броситься в огонь, предложил ему золота, серебра, шелков и других драгоценностей, и велел ему выбрать все, что ему угодно. Конечно, святой Франциск отверг эти дары, к величайшему изумлению султана, который желая испытать его до конца, предложил ему всяческие почести и удовольствия, но Франциск с твердостью отвечал отказом на все соблазны.

И тогда Мелек-эль-Камел созвал влиятельных и набожных придворных, чтобы спросить их о двух пленниках, и те сказали, что им следовало бы отрубить голову, не испытывая при этом никакой жалости, ведь в своих проповедях они выступают против магометанского закона, султан же, как страж этого закона, не должен позволять богохульства.

ПОБЕДА СВЯТОГО ФРАНЦИСКА

— Господа мои, — сказал Египетский султан двум братьям, — мудрецы советуют мне казнить вас, но я никогда не обрек бы на смерть тех, кто готов отдать жизнь за спасение моей души.

Итак, он отпустил их, снабдив фирманом о том, что святой Франциск и его братья могут беспрепятственно проходить через все сарацинские земли,

включая Палестину, а кроме того, проходить к Гробу Господню не платя дани.

Святой Франциск воспользовался этим указом и, как обычно, пытался в пути обратить встречных к Евангелию. Он посетил Вифлеем, Иерусалим и Голгофу, и это весьма благоприятно повлияло на тогдашнюю веру, но так как он не достиг двух главных целей своего странствия — обращения неверных и мученичества, а из Италии до него доходили тревожные известия, то он решил возвратиться на родину.

Прежде, чем отправиться в путь, он встретился с Мелек-эль-Камелом, который сказал ему:

— Брат Франциск, я бы охотно обратился в христианскую веру, но боюсь, как бы мои сарадины не убили меня, тебя и всех твоих братьев, узнай они об этом. А так как ты можешь сделать очень много добрых дел, а я должен решать важнейшие проблемы, то не хочу быть причиной твоей и моей смерти. Но научи меня, как спастись, и я сделаю все для этого.

— Господин, — ответил святой Франциск, — я возвращаюсь в свою страну, но после моей смерти пришлю тебе двух моих братьев, от которых ты получишь христианское крещение. Ты же будешь свободен от любых мыслей, которые могут этому воспрепятствовать, чтобы благодать Божья снизошла на тебя, когда ты сможешь принять в себя веру и убеждения наши.

Он обещал это, потому что с достоверностью ощущал, что и малейшая милость, оказанная ему, бедняку Христову, не может остаться без вознаграждения. Прошло семь лет — святой Франциск умер на голой земле; прошло еще двенадцать — и султан занемог в своих роскошных палатах, и, мучимый болью, лежа на коврах и подушках, ждал, что исполнится обещание итальянского странника. Он разослал гонцов на границы своей земли, чтобы они узнали, не видел ли кто двух монахов, одетых как святой Франциск. Однажды со стороны моря к нему пришли два монаха, которых святой Франциск вдохновил во сне, и стражники тотчас же отвели их к умирающему султану, который увидев их, сильно возрадовался, так, словно перед ним предстал образ святого, некогда благословившего его. И он крестился и умер христианином среди сарадин, ибо Господь обещал, что не будет на земле грешника, который, возлюбив всем сердцем Орден Святого Франциска, не обретет милость Божью — так говорится в «Цветочках».

На первый взгляд, и этот крестовый поход святого Франциска был неудачным. Он искал мученичества, но обрел почести; он мечтал проповедовать Евангелие сарацинам, удалось же ему чуть больше, чем простое паломничество. Возвращался он, еще больше стремясь отправиться в новый поход ради Господа нашего Христа, рождение, жизнь и страдание

Которого он словно увидел воочию в тех местах, и, кроме того, он знал теперь, что Бог не пошлет ему прекрасную мученическую смерть. Однако, Тот готовил ему смерть еще более прекрасную.

Но в том, что касается религиозной и социальной стороны дела, этот крестовый поход превзошел все надежды святого Франциска, и его современников. Он первым принес в шатры сарацин то, о чем они ничего не знали: истинное христианство, живой образ Христа и готовность умереть ради спасения чужой души, даже души незнакомца и грешника. Он передал крестоносцам дух апостольства, итальянцам — способность жить по Евангелию, европейцам — древний и обновленный смысл, который следовало придавать заморским войнам. Он напомнил, что бороться надо ради славы Христа, а не ради земных королей; лишь тогда можно править страной долго и счастливо.

Возможно, благодаря его святости, приводившей его к мысли о миссиях, идея францисканства так развилась. «Охрана Святой Земли» навсегда осталась делом францисканцев. И сегодня лучшее, что есть в Палестине, связано с ними; и сегодня самые истовые защитники и распространители римского духа среди других народов, мистические натуры, неспособные принять слишком формальную и рациональную религию — францисканцы. Святой Франциск расширил границы своего Ордена, и они перешагнули через все страны. Он обозначил, где должен стоять его авангард, где надо вести справедливую осаду, где — одержать победу без венца.

МАРОККАНСКИЙ ПОХОД

В то время, когда святой Франциск задумывал крестовый поход в Святую Землю, небольшой отряд братьев, отправившихся в марокканскую экспедицию, проходил через Испанию и остановился в Севилье, которая была последним оплотом арабского владычества. К несчастью, предводитель отряда, брат Витале, задержался в Арагоне из-за болезни, и пятеро юношей, более пылких, нежели опытных, остались с одним лишь наставником — уставом святого Франциска, где было два указания на то, как вести себя братьям, находившимся среди сарацин или других неверных: не ссориться и не входить с ними в распри, но ради любви к Богу подчиниться любому созданию Его, открыто исповедовать христианство, а также проповедовать слово Божье. И одно, и другое напоминает о том, что братья предали свое тело Господу нашему Иисусу Христу, и, значит, должны храбро идти навстречу видимым и невидимым врагам. Из двух этих дорог маленький отряд выбрал вторую — открытую проповедь веры.

Они принялись проповедовать на неслыханном итало-арабо-испанском наречии перед севилской мечетью. Их немедленно схватили и повели к султану Абу-Якубу, прозванному Мирамолино, сыну первого Мирамолино, при котором святой Франциск совершил свой крестовый поход.

Абу-Якуб находился в Марокко после того, как его отец потерпел неожиданное поражение при Навас де Толоса, в 1212 году, но не вынашивал коварных планов против христиан. Напротив, он доверил командование своим войском христианскому принцу, дону Педро, инфанту Португалии, который, поссорившись со своим братом-королем, без зазрения совести перешел на службу к магометанам.

Вместо того, чтобы заключить в темницу пятерых миссионеров, Абу-Якуб предоставил их дону Педро, который принял их с почестями у себя во дворце. Братья воспользовались возможностью свободно проповедовать Евангелие, и как-то раз Мирамолино натолкнулся на брата Бернардо, который, стоя в повозке, говорил против Магомета. Султан приказал, чтобы пятерых миссионеров схватили и выгнали вон, и дон Педро посадил их на корабль, плывший в Сеуту, заклиная их из Сеуты возвращаться в Италию.

Спустя некоторое время, они снова появились на марокканских дорогах со своими проповедями — тогда Мирамолино схватил их и отправил в Сеуту. Но героический отряд, обречший себя на мученичество, опять вернулся в Марокко, и дон Педро схватил их вновь, опасаясь, как бы их отчаянное сопротивление не принесло вреда местным христианам, и посадил братьев под стражу на марокканской территории. И все же, ускользнув от стражников, они вернулись в город, и в пятницу — а для магометан это словно воскресенье — принялись проповедовать на той площади, по которой должен был пройти Мирамолино. Увидев, что уже не впервые ему бросают вызов, он пришел в ярость и заключил миссионеров в темницу, где подверг их допросу, а молодые герои отвечали ему с твердостью древних мучеников. Потом он принялся за пытки, приказав катать их по битому стеклу, и, наконец, озверев от их терпения, отсек турецкой саблей головы всем пятерым.

Дон Педро собрал тела мучеников и отправил их в Коимбру. Траурная процессия донесла их до церкви Санта Кроче, где и похоронили их, и люди, видевшие это, были охвачены волнением и жалостью.

Так закончилась марокканская миссия, которая стремилась к смерти с самого начала. Началась она в мае, в Порциунколе, и была словно бы священной весной францисканского рыцарства. Когда учитель узнал об этом, то в скорби, радости и зависти, вскричал: «Теперь я могу сказать, что у меня пятеро братьев!»

Ведь он томился той же жадой мученичества, что и они, но их жажда была утолена. Другие братья стали приписывать себе славу, пришедшую к Ордену, и святой предостерег их: «Следует гордиться своим мученичеством, но не чужим!»

Он был всегда мудрейшим из мудрых и опасался высокомерия толпы так же, как и высокомерия одного человека. Он желал, чтобы его братья, даже если и случалось им возвыситься над другими, всегда считали себя «меньшими».

ПУРПУРНОЕ СЕМЯ

Из двух дорог апостольства, указанных святым Франциском, пятеро марокканских рыцарей избрали наиболее опасную, ибо она была кратчайшим путем к мученичеству, и вернейшим — к обращению неверных. Они выбрали эту дорогу так яростно, что это казалось безумием, но к столь решительному шагу их привели обстоятельства. Сарацины, не понимавшие их слов, должны были понять их кровь и поверить если не проповеди, то смерти. К этой вере побуждал их сам арабский фанатизм.

«Итак, вы говорите, что рай Магомета находится под сенью сабель. Вы говорите, что тот, кто умирает в бою, следует прямо в объятия Аллаха. Но и мы, если умираем за Христа, воскреснем с Ним. Вы не верите? Хорошо, мы докажем это вам, стремясь к смерти. Тогда вы поверите?»

Сарацинам казалось, что кровь эта пролита зря. Но пурпурное семя, упавшее в землю Марокко, дало росток в Португалии и расцвело в Италии чудесным цветком, которому не перестают дивиться и сегодня. Святой Антоний Падуанский был студентом-августинцем в монастыре Коимбры, когда в эту землю принесли тела пятерых мучеников, и это потрясло его так сильно, что он бежал со своей родины, бежал от учености и привилегий, чтобы облачиться в одеяние прекрасных безумцев, которые последовали за бедняком из неизвестного итальянского города — Франциском Ассизским.

Все знают о чудесах, которые святой Антоний творил на земле и творит на небесах, но немногим ведомо, что этот великий святой — бесценный дар всему миру, в особенности, Италии, за первую кровь францисканцев.

ДВА ВОИНА

Когда блаженный Франциск учреждал рыцарство Нищеты, другой великий святой, родом из Испании — Доменико ди Гусман, собирал новое воинство, которое своим учением и рвением должно было защищать Церковь Христову.

Доминик и Франциск встретились в 1220 году в Риме, куда оба нередко отправлялись, чтобы авторитетом Церкви скрепить свои деяния. Доминик, со светящимся взором, степенный и мягкий, носил черно-белую одежду, похожую на оперение ласточки; Франциск был моложе, но уже таял, и ряса его была такого цвета, как перья жаворонка. Они не были знакомы, но Доминик видел Франциска во сне, и знал, что этот человек посвятил себя Богу, и ему предстоит вершить судьбу христианства. С первой же встречи они поняли друг друга без слов, как бывает со святыми. Они стояли на Авентинском холме, где Доминик основал два первых крупных монастыря своего Ордена, а перед ними лежало беспорядочное смешение арок, колонн, развалин, колоколен, башен, мозаичных фасадов — город сбрызнутый то там, то тут пятнами лугов и роц. Из зелени бронзовым поясом выдавались авреалианские стены, и за ними императорский Рим превращался в пустынные поля. Воды Тибра текли под мостами, словно время.

Перед величавой сумятицей разрушенного мира и мира возрождавшегося, два великих человека, восстанавливавших веру, христианство, поведали друг другу свою жизнь и мысли.

— Я родом из Испании. Учился с детства; университет Саламанки открыл мне глубокую истину богословия и красоту науки, которая приходится сестрой вере. Десять лет я провел среди самых отпетых еретиков Прованса, познал зло ошибок и опасность безбожной учености. Я был рядом с Симоном де Монфортом, как священник — рядом с рыцарем, и прежде, чем солдаты вступили в битву, я сражался Евангельским словом, я молился и постился, пока шла битва, которой не удавалось избежать. Я познал, что мирское зло проистекает из гордыни ума, и лишь истина ведет нас к свободе. Что можешь ты сказать о себе, брат мой?

— Я был торговцем, мирским человеком и грешником. Учился я мало и мало читал, только хозяйственные книги нашей лавки, а еще канцоны, сирвенты и баллады, и прочие недостойные песни, пока милостивый Господь не тронул моего сердца и не велел мне читать то, что написано на кресте. Я не знал еретиков, но знал прокаженных. Затем Господь послал мне братьев, и никто не учил меня, как поступать. Сам Всевышний поведал мне, что я должен жить в соответствии со Святым Евангелием.

— И мои братья живут по Евангелию, и молятся и учатся, чтобы побороть мирское коварство.

— А мои — простодушны и безграмотны, и не имеют другой книги, кроме Распятия.

— И мои не должны иметь ничего, кроме общего монастыря и кельи, которая сегодня принадлежит им, завтра — нет.

— Моим же негде приклонить голову, а келья их — мое сердце.

— Брат мой, как же можно управлять сообществом, если не заботиться о людях и не предоставлять им всего необходимого для жизни?

— Отец Доминик, Господь поведал мне, что если мы обнимем крепко святую Ниццету, миряне пойдут за нами и будут кормить нас, ибо Господь скрепил договор между миром и нами, чтобы мы подавали миру пример; Бог же позаботится о наших нуждах.

— Но и мы бедны — мы как сторожевые псы Господни с факелом, зажженным верой, вносим ужас и смуту в стан волков-еретиков.

— Мы — менестрели Божьи, и желаем, чтобы Он радовался нашим гимнам и тому, что мы радуемся лишению. Мы хотим, чтобы люди поняли, что служить Богу — все равно, что царствовать, и служить Ему нужно в радости.

— Мы обрубаем сухие сучья ереси и вырываем ядовитые сорняки.

— Мы достойны не того, чтобы рубить, но того, чтобы нас рубили, и охотно идем на смерть, ибо если зерно не умрет, оно не приносит плода.

— Бог есть Истина, и грех рождается из неведения.

— Бог есть Любовь, из отсутствия любви рождается неведение.

— Я желал бы, брат Франциск, чтобы один Орден стал и твоим и моим, и чтобы мы жили по единому уставу.

— Мы — два колеса одной повозки, но мое — меньшее.

— Брат мой, — с почтением сказал Доминик, — удостой меня чести носить веревку, которой ты подпоясан.

Франциск из смирения отказался, но Доминик столь умилительно настаивал, что победил, и, вложив свои руки в руки брата, предал себя его молитвам.

Так испанский святой и святой итальянский обнялись под великим римским небом.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СОВЕРШЕННАЯ РАДОСТЬ

БЕСЕДЫ С ЖИВОТНЫМИ

На обратном пути с Востока святой Франциск высадился на одном из островков в венецианской лагуне, чтобы предаться одиночеству. Остров был усажен тополями и опоясан жемчужными водами; он был пустынным, но не тихим — о берег разбивались волны, тополя шумели на ветру, в ветвях деревьев и в лугах звучал настоящий оркестр, а главные партии в нем исполняли мастера пения — птицы. Хотя сердце святого Франциска печалилось от многих невзгод, он возрадовался, услышав эти звуки и сказал своему товарищу:

— Послушай, как братья наши птицы прославляют Господа. Пойдем же и мы к ним и споем каноны.

Они пошли к маленьким крылатым созданиям, и те не испугались и не шелохнулись, они продолжали песню, да такими стройными голосами, что двое братьев не могли слушать друг друга, чтобы поочередно спеть стихи службы. Святому Франциску пришлось попросить их: «Братья наши птицы, повремените с пением, пока мы не кончим наши молитвы».

И те затихли до той поры, пока святой не благословил их и не позволил им петь. Не впервые творил он такое чудо, и не только птицы понимали Франциска, но почти все звери, даже самые дикие, к которым он обращал свой ясный взор. Однажды в Греччо ему принесли живого зайчонка, из тех, что бросаются наутек, да так, что только пятки сверкают. Франциск сказал ему, чтобы он больше не давал себя поймать и отпустил, но зайчонок не убежал, а вскочил к нему на руки, и каждый раз, когда святой отпускал его на землю, возвращался так, что с трудом удалось оторвать его от Франциска и отнести в лес.

Так было с кроликом у Тразименского озера, так было и с водяной птицей, и с рыбой в озере Пьедилуко, так же было и с фазаном, которого подарил Франциску один господин из Сиены (фазан этот не хотел есть без своего великого друга), так было и с цикадой, которая неумолчно стрекотала на смоковнице возле кельи Франциска в Порциунколе. Святой Франциск, услышав ее, не послал ее ко всем чертям, как поступил бы нетерпеливый человек, но повторил много раз: «Хорошо, хорошо, прославляй Господа», а потом позвал ее. В тот же миг она слетела ему на руку, словно ручная птица, а святой сказал ей: «Пой, сестра моя», и она запела еще громче. Потом он сказал: «Больше не пой», и она замолчала, и улетела к самому дальнему дереву и там целую неделю пела свою песню, пока святой не сказал: «Отпустим сестру нашу цикаду, она достаточно развлекала нас». И она улетела навсегда, ибо не осмелилась послушаться.

С особой нежностью он относился к птицам и ягнтям, к птицам — за то, что они некогда привлекли внимание Христа, Который призвал их засвидетельствовать Промысел Отца небесного, и за то, что свободные, крылатые, радостные создания походили на его идеал меньшего брата; к ягнтям же — за то, что они были символом Агнца Божьего, закланного за наши грехи. Любовь свою к животным Франциск проявлял не только на словах. Как-то раз он встретил мальчика, который нес на базар сеть с горлинками, и пожалел птиц, чья жизнь закончится на вертеле, а потому попросил уступить их ему. Тотчас же мальчик отдал их Франциску, и святой, прижав их к груди, нежно проговорил: «О, горлинки, простые сестры мои, невинные и чистые, отчего вы позволили схватить себя? Я хочу спасти вас от смерти, и сделать для вас гнезда».

Так он и поступил, и горлинки, уже не лесные птицы, жили вместе с братьями, как простые голубки. Из птиц более всего любил он хохлатых жаворонков, именно за их хохолок, напоминавший ему капюшон меньших братьев. Он говорил, что если бы мог, просил бы императора ради любви к Богу издать закон, который воспретил бы охоту на жаворонков, и другой, который велел бы всем управителям городов, владельцам замков и деревень в Рождественские дни посылать на дороги людей, чтобы те рассыпали крупу и пшеничные зерна, а братья жаворонки и другие птицы в столь торжественный праздник могли найти себе еду. В братской его любви ко всем земным тварям не было ничего странного и потому император мог бы и впрямь вступить за них.

ОВЦЫ

Особенную нежность вызывали у Франциска овцы. В отличие от Данте, он не считал их глупыми, но замечал смирение и кротость, с которыми они жили среди людей, как Господь наш Христос среди фарисеев. Если он видел, как овцу тащили на бойню, он всячески старался освободить ее, предлагая взамен плащ или тунику, а затем совершенно спокойно появлялся среди друзей со своим спасенным другом. Однажды, как мы уже знаем, так было с мадонной Джакониной ди Сеттесоли, в другой раз — с епископом из Осимо. Он рекомендовал овечку очень пылко, и удачливое создание могло не сомневаться в том, что умрет естественной смертью. В привязанностях своих он был божественно прост.

Как-то раз, проходя через земли Марке, он встретил крестьянина, который нес на плечах двух ягнят, связанных за ноги, а они отчаянно блеяли. Франциск подошел и приласкал их, как мать ласкает плачущее дитя, а затем спросил у их хозяина:

— Зачем ты мучаешь братьев моих ягнят, зачем подвесил их за ноги?

— Я несу их на рынок, мне нужны деньги.

— А что с ними сделают?

Человек рассмеялся:

— Их зарежут, черт побери, а потом съедят.

Святой Франциск пришел в ужас, и предложил за ягнят плащ, который он получил в тот самый день. Торговцу не верилось, что он говорит всерьез, ведь плащ стоил гораздо дороже ягнят. Дело закончилось совсем хорошо для него — не зная, кому доверить животных, Франциск снова отдал их хозяину с тем, чтобы тот никогда не продавал и не убивал их, и не причинял им зла, а кормил и заботливо за ними ухаживал. История умалчивает, возвысился ли духом хозяин при виде чистоты человека Божьего. Возможно, что несколько дней спустя он положил в карман деньги, вырученные за плащ и за ягнят, и воскликнул со смехом: «За здоровье того простака!» Но история говорит нам, что святой Франциск без колебаний мог обречь себя на тяжелую простуду, спасая двух животных, и поверить словам незнакомого торговца.

ПРЕКРАСНЫЕ СОЗДАНИЯ

Он умел видеть красоту и доброту во всех созданиях, даже в дождевых червях, которых он убирал с дороги, чтобы прохожие их не раздавили. Он любил цветы и душистые травы, и хотел, чтобы уголок земли возле жилища братьев был занят садиком, а в огороде оставлял прекрасную, невозделанную

полоску земли, чтобы дикие цветы и травы росли там свободно, как у них это принято, прославляя прекрасного Отца всего сущего. Он так почитал жизнь во всем, даже в растениях, что запрещал братьям рубить деревья под корень. Дерево для него было живым существом, которое дышит, питается, рождает потомство, и потому его следовало не убивать целиком, но оставлять корневище, дабы от него пошли новые побеги.

Он любил воду, которая бежит вприпрыжку, утоляет жажду, смывает грязь, и всегда искал самый чистый источник, чтобы погрузить в него руки; любил яркие камешки и легко ступал по ним; любил небо — и чистое, и облачное; землю с ее плодородием. Но всегда, словно новое чудо, восхищал его свет — свет солнца, свет огня, и он говорил, что каждое утро, лишь только встанет солнце, все создания должны прославлять Бога, создавшего его для нас, по вечерам же Его надо благодарить за огонь, светящий нам по ночам. Он ощущал красоту огня, как ни один поэт ее не ощутил, ибо поэт только воспевает прекрасное пламя, а святой Франциск жалел его и не хотел гасить, даже если оно могло поглотить его или келью. Однажды он сидел у очага, и огонь тронул его одежду, а он же сказал товарищу, подбежавшему к нему:

— Дорогой мой брат, не обижай огонь!

Ему, поэту среди святых, ничто так не напоминало о Святом Духе, как неуловимое пламя, и он не мог потушить его, ни свечку, ни фитилек, залить их водой, обратить в уголь, как не мог убить самую жизнь.

В другой раз, на Верне огонь охватил келью, в которой он обедал. Товарищ его метался, пытаясь потушить пожар, а святой Франциск, не помогая ему, взял шкуру, которой укрывался ночью, и спокойно удалился в лес. Вернувшись, он увидел, что пожар потушен, и сказал товарищу:

— Мне не нужна больше эта шкура, ибо я по жадности своей, не отдал ее огню.

Сказал он так потому, что видел в огне не только жизнь, но и любовь Божью, которая может даровать все, но может и поглотить все, даже последнее одеяло; а те, кто пожалеет хоть что-нибудь, будут наказаны, и в своем обманчивом богатстве окажутся беднейшими из людей.

ТАЙНА СГОВОРА С ПРИРОДОЙ

От рождения святой Франциск был наделен даром впитывать окружающую его красоту и умел наслаждаться ею в мирской жизни, но тогда его веселили и привлекали лишь изысканные, драгоценные предметы, а после великого отречения он стал проникать в красоту природы, которой восхищался вначале лишь поверхностно, как восхищается

неграмотный книжкой с картинками. Когда он отрекся от богатого убранства, посуды, одежды, он стал познавать богатства дарованные Всевышним, и тотчас же пожелал окружить себя ими, ибо полагал, что разгневает Создателя, если не оценит по достоинству Его дары.

Пользоваться красивыми вещами — не новость и не достоинство; новым и достойным было то, как пользовался ими святой Франциск. И в самом деле, после обращения глаза его открывались, словно у неграмотного, научившегося читать, теперь на всем видел он печать Бога — Создателя и Спасителя: кусок дерева означал для него крест; камень — Иисуса Христа, названного в Писании краеугольным камнем; цветы — снова Господа нашего, называемого лилией долины; вода всегда означала Господа, ибо исходила из источника жизни вечной, и еще — чистые, кающиеся души; солнце напоминало ему о Боге, оно было символом истины.

Символическое видение мира вовсе не вытесняло реального взгляда на вещи; напротив, оно совершенствовало его, делало более чувствительным и глубоким, ибо взгляд уже не останавливался на внешней видимости, но углублялся в истоки. Это имело важные следствия.

Прежде всего, Франциск понимал, что тварный мир не источник соблазна (как считали до него многие аскеты), а тверение Божие, непрестанно обращающее нас к Создателю — так произведение напоминает о мастере и заставляет еще больше любить его.

Во-вторых, святой Франциск, наделенный способностью во всем, даже в зверушках, растениях и камнях, видеть творения Отца всего сущего, никогда не думал, о них как о низших, но считал их братьями и относился к ним с такой любовью, такой почтительностью, которой не был, наверное, наделен, ни один человек на свете.

Пожалуй, так чувствуют лишь добрые дети, умеющие беседовать с животными и растениями. Поэтому со святым Франциском произошло то, чего не было ни с кем — все, кто почувствовал его любовь, сами полюбили его. Неизвестно, Франциск ли постиг мудрость зверей или звери поняли Франциска, почуяв его любовь и расположение к ним. Они любили его, доверялись ему, как тот зайчонок, фазан, волк, сокол, птички, мало того — как цветы и травы, вода и солнце. Они во имя Божие беседовали с ним и отвечали на его песни своими, ибо тому, кто говорит: «Возлюби Господа», отвечает вся Вселенная. Франциск не желал никому зла, и все стремились не сделать зла и ему. Душа его, очищенная покаянием и возвышенная любовью, приобрела право царствовать над природой, которым пользовался Адам в земном раю, и утратил, согрешив. Человеку, вновь ставшему безгрешным, вторит все сущее в своей невинности.

В последние годы жизни он страдал от болезни глаз, и кардинал Уголино повелел ему идти в Риети, к знаменитому врачу. Тот дал Франциску

предписание, жестокое, как и вся варварская медицина Средневековья; рассечь куском раскаленного железа все сосуды от уха до брови на стороне больного глаза. Когда Франциск, привыкший к мучениям, увидел, что для этого чудовищного прижигания раскаляют железо, он пришел в ужас, но и тогда любовь его ко всему сущему на земле утешила его, и он заговорил с огнем, как с другом: «Огонь, благородный и добрый брат мой, будь милостив ко мне, не делай мне слишком больно, ведь я не причинял тебе зла, но любил тебя из любви к Господу, тебя создавшему».

Он помолился и осенил крестом пылающие угли. Хирург вынул из очага докрасна раскаленное железо, приблизился к святому Франциску, спокойно ожидавшему его, приложил железо к его виску, горячая кожа зашипела, и братья, находившиеся там, в ужасе отпрянули, но к ним обратился чистый голос учителя:

— Маловерные братья мои, почему вы бежите? Брат огонь не причинил мне зла, я просил его жечь меня еще сильнее, если так нужно.

— Поистине, произошло чудо, — сказал хирург. — Даже силач не вынес бы спокойно этой операции.

Святой жил в постоянной внутренней связи со всем сущим, и это приносило ему огромную радость, он владел всем, он возлюбил все, все принадлежало ему; а ведь у него ничего не было. Он владел, сам того не желая и не боялся утратить, словом — он не был эгоистом, и потому пользовался всем, без ограничения, со свободой, которая только и бывает у тех, кто отрекся от собственного «я» и его двойника, «мое». Он владел всем с кротостью того, кто чувствует себя не властителем, но лишь хранителем, не — хозяином, но приглашенным, и достиг умения созерцать прекрасное, ибо это доставляет радость лишь тому, кто бескорыстен, а потому давал волю радости, распевая песни по-французски и представляя, что подыгрывает себе на виоле, хотя держал в руке простое полено, и водил по нему самодельным смычком, стянутым простой ниткой. Никто не смеялся над этим, ибо музыка — не от инструмента, но от сердца, а сердце Франциска, истинного певца, извлекало гармонию изо всего на свете.

БЕСЕДЫ С ЛЮДЬМИ

Более же всего его сердце чувствовало гармонию в людях. Святой Франциск не был затворником от природы — в юности он любил бывать среди друзей, любил их едва ли не больше, чем родных, и, сам того не желая, сделался их королем, благодаря возвышенности своего духа. Когда же он обратился, то не мог оставаться в одиночестве, к которому многие стремятся из любви к Богу, ибо даже после такой перемены в нем преобладало

человеческое, и это все яснее чувствовалось, когда он все больше отстранялся от жизни и все отчетливей видел цель свою и путь. Король празднеств превратился в предводителя душ, но без гордости трибуна, без самолюбия завоевателя. Он, как Иисус, проповедовал сперва немногим, и сумел перенести хрупкую радость дружбы от шумных пирушек на заседания Круглого Стола, но добавил к ней возвышенную духовность — ведь дружба между его рыцарями была чиста и верна благодаря нищете. Он был чрезвычайно чувствителен к любой ласке, и если раньше мог взамен осыпать человека дарами, теперь он платил за это молитвами и благодарностью.

Однажды вечером, в Кортоне, его с товарищем принимал один знатный горожанин, который обращался с ним так, словно он был ангелом, спустившимся на землю, оказывал ему почести. Он мыл, вытирал и целовал ему ноги, растопил прекрасный очаг, приготовил изысканнейший ужин и старательно прислуживал за столом, не зная, как доказать свою преданность, а потом предложил оплатить все расходы, которые им с товарищем пришлось бы совершить.

От благодарности, святой Франциск ощутил к нему такую любовь, которую лишь он мог испытывать, и собираясь в путь, сказал товарищу, что тот господин за свое добросердечие заслуживает того, чтобы сделаться их рыцарем. «Добросердечие, — объяснил святой, возвышая в своем сверхъестественном видении то, что кажется человеческой доблестью, — тоже принадлежит Богу, ибо Он добросердечно предоставляет и солнце Свое, и дождь праведникам и грешникам. Оно сродни милосердию, которое гасит ненависть и хранит любовь».

С этой поры он твердо решил предоставить гостеприимному хозяину высшее благо, которым располагал — жизнь в совершенстве, много молился за него, и однажды вернулся в Кортону, но не стал говорить с ним, ибо знал, что слова — лишь последние пули в битве за душу человеческую. Приблизившись ко дворцу, он выбрал уединенное место для молитвы, стал на колени, долго молился, а хозяин, будто услышав внутренний зов, выглянул в окно, увидел Франциска, и тот показался ему неземным существом. Тотчас же выбежал он из дворца, подбежал к святому Франциску, стал у ног его на колени и с пылом стал молить его о том, чтобы тот позволил ему покаяться вместе с ним. Святой раскрыл руки для объятия, возблагодарив Бога. Так милосердие получило вечное вознаграждение.

Вот как понимал дружбу Франциск: не только доставлять другому удовольствие, как принято в миру, не только делать добро, как предполагает высокомерная добродетель, но предоставить другу возможность и творить добро, и благоприятствующие тому обстоятельства, и радость от содеянного, и способность каждый день возрастать в добродетели. Это, однако, не исключало доброты в повседневных отношениях.

Когда в скиту Фонте Коломбо, что возле Риети, у него началась болезнь глаз, он пожелал оказать почтительный прием доктору, который по поручению кардинала Уголино посещал его каждый день, и сказал прислужнику вполне мирские слова:

— Пригласи доктора и приготовь ему хороший обед.

Тот покраснел:

— Нам стыдно приглашать его, ведь мы так бедны!

— Малoverный! — сказал Франциск. — Не заставляй меня повторять мою просьбу.

— Конечно же, я с большим удовольствием отобедаю у вас, в вашей бедности, дражайшие братья, — учтиво ответил доктор.

Братья в некотором смущении приготовили стол, накрыв его лучшим образом — был там хлеб, вареная зелень, много воды и немного вина, и тут в дверь постучала служанка одной синьоры из далекого замка, до которого было семь миль, ибо синьора эта прислала Франциску корзину, доверху наполненную белым хлебом, раками, пирожками с рыбой, медом и виноградом.

— Говорил же я, что бедным служит Бог и трапеза бедняка настолько богаче королевской, насколько Бог великодушнее человека, — сказал святой Франциск, а взволнованный доктор проговорил:

— Ни вы, братья, ни мы, мирские люди, не знаем, насколько свят этот человек!

Они ели мало за обедом, ибо на этом чудесном пиру восхищение победило голод. Все ощущали присутствие Божье и забыли о реальности.

Франциск был очень проницателен и чувствителен как мимоза, он ощущал на расстоянии, чего хотят другие, и с готовностью отвечал любовью тем, кто любил его. Однажды в скиту, в Греччо, он целыми днями предавался размышлениям, появляясь среди братьев лишь ненадолго, в часы обеда; но пришли к нему издалека двое братьев, которые давно мечтали увидеть его и получить благословение. Братья из Греччо не хотели его беспокоить, и с тем ревнимым эгоизмом, которым отличаются прислужники великого человека, уже подталкивали чужестранцев к выходу, советуя им смириться, а те, опустив голову, обвиняли себя в том, что за грехи свои недостойны такой милости, как вдруг голос святого, его незабвенный голос, донесся до них с порога кельи и так нежно благословил их, что они ушли счастливые, благодаря Господа.

Так же, как святой Франциск понимал бессловесных тварей, чувствовал он и невысказанные мысли людей. Среди его братьев был молодой человек знатного происхождения, с изысканными манерами, брат Риччерио, таивший в глубине души естественное для юности самолюбивое желание покорить сердце учителя; и желание это привело к тому, что он запутался в сети подозрений:

— Конечно, отец Франциск судит обо мне плохо, ведь я того заслуживаю, да он и не любит меня. А раз он меня не любит, значит и Господь меня не любит, и я в немилости у Него. Бедный юноша терзался тайной мукой, и каждый раз перед встречей со святым Франциском думал: «Если он улыбнется мне, то и Бог мне улыбнется, если же не посмотрит на меня, или посмотрит сурово, значит и Бог на меня гневается».

Как-то раз он проходил мимо кельи учителя, сердце его сжалось в комок, и Франциск позвал его:

— Сынок, — сказал он, — не давай победить себя искушениям и сомнениям, ибо ты для меня дороже самых дорогих. Приходи ко мне, когда хочешь и говори со мной как с другом. От радости можно обезуметь, но брат Риччерио не возгордился, напротив, он стал почтительней, ибо сильнее уверовал, и добродетельней, ибо уверенность в том, что его любят, окрылила его.

В другой раз блаженный Франциск отошел от своего товарища и прибил к брату, который долго мучился соблазнами и не мог найти духовника, чтобы тот вернул ему спокойствие, и негромко сказал ему:

— Мужайся, дорогой мой, не бойся, и не тревожься из-за соблазнов, они не повредят душе твоей, но всякий раз, когда они начнут терзать тебя, читай семь раз Отче наш.

Брат был изумлен и утешен столь неожиданными словами. Так в самое сердце лились слова Франциска, ибо любовь видит невидимое; и, давая радость другим, он преумножал радость в самом себе.

БРАТ ЛЕОНЕ, ОВЕЧКА БОЖЬЯ

Среди рыцарей Круглого Стола преданнейшим святому Франциску был брат Леоне, с воинственным именем и нежной, как у голубки, душой. Учитель, способный по облику безошибочно определить характер, звал его овечкой Божьей и за преданность его платил отеческой любовью и дружеской искренностью. Брат Леоне был из тех, кто по простоте своей остаются незамеченными; если же на пути своем они встречают великого человека, их целиком поглощает его свет, а они, почти не искажая, отражают его. Проникнувшись святостью учителя, брат Леоне не покидал его во всех странствиях, душою прильнув к его замыслам — он был с Франциском в Монтефельтро, в Фонте Коломбо, в Сиене, на Верне. Особенно близок к нему был брат Леоне в последние годы, во время болезни и у смертного одра. В его обществе святой отдыхал, они проводили вместе и часы горького уныния, и часы веселья.

Как-то раз в Порциунколе брат Леоне накрывал к обеду стол в тени высокой изгороди, как вдруг из-за нее послышалось пение соловья и

Франциск, который никогда не торопился к столу, сказал: «Пойдем же и мы, воздадим хвалу Господу вместе с братом нашим соловьем». Из всего прекрасного, что есть на свете, больше всего любил он музыку. Когда они приблизились к дереву, где пел маленький певец, святой сказал:

— Ну, брат-овечка, пой и ты.

— У меня дурной голос, отец, — возразил Леоне. — Тебе, наделенному и голосом, и мастерством, подобает состязаться с соловьем.

Тогда Франциск запел, а соловей замолчал, потом замолчал Франциск, а соловей продолжил песню, и так, поочередно — один из них слагал новые стихи, чтобы восславить Бога за все, что Он создал, другой же гортанными трелями, словно флейта, пел о своей неосознанной преданности Ему и казалось, что человек диктует птице, птица задает человеку тему. Голоса, вступившие в дивный диалог, воспарили над ясной долиной к вечерней звезде, растворясь в несказанном блаженстве духа. Наконец, обернувшись к другу, святой Франциск сказал:

— Брат-овечка, соловей победил меня, восхваляя Бога. Идем же обедать.

Только уселись они на землю, как соловей опустил на руку святого, а тот решил устроить ему пир. «Давай угостим брата нашего соловья, — сказал он, — ибо он более меня заслуживает этого». Соловей клевал крошки с руки Франциска и не улетал, пока тот не благословил его.

В другой раз, когда два друга оказались в поле, и у них не было с собой книг для утренней службы, святой Франциск предложил петь так, чтобы один произносил хвалы Всевышнему, а другой отвечал, как подскажет им обоим сердце. Святой хотел порассуждать в форме беседы, и слова должны были придти по наитию.

— Я начну, ты продолжишь, но, смотри, не спутай. Я скажу: «Брат Франциск, столько грехов и недобрых дел совершил ты в своей мирской жизни, что лишь ада достоин». Ты же, брат Леоне, ответишь так: «Истинно, ты заслуживаешь самых глубин преисподней!» Понятно тебе?

Брат Леоне с простодушием голубя ответил:

— Понятно, отец, начинай же, именем Божиим.

И святой Франциск начал:

— Брат Франциск, столько злодеяний и греховных поступков совершил ты в миру, что достоин ты ада.

А брат Леоне ответил:

— Бог столько добра сделает тебе, что ты попадешь в рай.

Святой Франциск воскликнул:

— Брат Леоне, отвечай мне, как я научил тебя!

И урок повторился.

Но как только сказал он, тяжело вздохнув и ударяя себя в грудь, со слезами:

— О, Господи мой на земле и на небе, против Тебя я содеял столько грехов, что за это достоин проклятия!

Брат Леоне не ответил: «Воистину должен ты быть проклят», но сказал:

— Брат Франциск, Господь Бог сделает так, что ты будешь самым блаженным среди блаженных.

Учитель вновь подивился на брата Леоне, который никогда не смел послушаться его, и, повысив голос, повелел тому ради святого послушания отвечать на его обвинительные речи проклятиями, которым он научит его; но и на этот раз ничего не вышло: из уст брата исходили лишь слова милости и благодарности, когда святой проклинал сам себя. Тогда Франциск с гневом и нежностью, терпением и возмущением, сказал:

— Почему ты позволил себе послушаться и столько раз отвечал мне не так, как я велел тебе?

— Бог свидетель, отец, всякий раз я был уверен, что отвечу так, как ты велел мне, но Он заставлял меня говорить, как желает Он.

Святой Франциск не мог усомниться в искренности верного брата и подумал, что, воистину, эта чистейшая душа вдохновлена Богом. Он захотел задать вопрос, который годами таился у него в сердце, но сперва велел брату отвечать по его указанию. Потом он со слезами сказал:

— О, мерзкий брат Франциск, ты надеешься, что Бог смилуется над тобой?

Брат Леоне ответил:

— Столь большую милость получишь ты от Бога, что вознесен будешь и прославлен в вечности, ибо тот, кто унижит себя, возвысится, а другого ничего не скажу, ибо Господь говорит моими устами.

Святой Франциск зарыдал, но от радости, и служба эта стала одной из самых прекрасных в его жизни, еще более радостной, чем беседа с соловьем. Так от ученика-овечки учитель получил желанное утешение, а когда брат Леоне стал священником, он выбрал его своим духовником, в уверенности, что Господь даровал тому необычайное и пророческое знание пророческого видения в его душу.

Несмотря на такую честь, кроткий друг Франциска до конца не мог разгадать тайну великой души, хотя изучал учителя, молился за него и пытался проникнуть в самое сокровенное — в близость Франциска к Богу. Он следил за Франциском, когда тот тосковал; кроме того, он боялся потерять его, боялся, что Франциск его забудет, а сам он, оставшись один, начнет ошибаться. Брат Леоне — духовник, секретарь и поверенный святого, — на самом деле был кающимся и не мог жить без его любви. Святой Франциск знал его лучше, чем он сам знал себя, и для того, чтобы уберечь его от уныния, написал ему письмо, оставшееся образцом нежности:

«Говорю с тобою, как мать, сын мой, и все слова, сказанные мною до сих пор, хочу вкратце изложить тебе в одном соображении и совете, если же после этого тебе захочется прийти ко мне, то приходи, ибо вот что я советую: как бы ни решил ты следовать примеру и нищете Господа Нашего, дабы угодить Ему, так и поступай, с благословением Божиим, и пусть это будет наложенным мною послушанием. Если же для блага души и для утешения тебе необходимо прийти ко мне и ты хочешь этого, приходи, Леоне, приходи».

Письмо это раскрывает души этих людей и их дружбу, которая была для святого Франциска, как посох для странника. Она давала ему радость чистую — но не совершенную.

БРАТ ДЖИНЕПРО

До своего обращения блаженный Франциск любил компанию знатных людей, впоследствии же полюбил бедных, и если прежде он больше всего восхищался изысканными манерами, то теперь полюбил естественность сердечного порыва, пусть даже наивную и грубую. Люди, обладавшие природной прямоотой, так же радовали его, как полевые цветы, или лесная земляника, или пролетающие ласточки. Среди его рыцарей был один странный человек по имени Джинепро, покоривший всех простодушием, щедростью и весельем. Эти три дара могут сделать человека шутом или святым, жизнь его может быть фарсом или праздником. Выдумки Джинепро были знамениты среди рыцарей Круглого Стола.

Однажды он узнал, что больной собрат умирает от желания поесть вареной свинины, и сказал:

— Предоставьте это мне.

Он схватил кухонный нож, отправился в заросли, где паслось стадо свиней, поймал одну, отсек ей ногу и убежал, бросив отчаянно орущее животное. Потом вернулся на кухню, содрал со свинной ноги кожу, помыл и сварил ее, и с победным видом принес еду больному, а пока тот ел рассказал ему о своей битве со свиньей, чтобы его развеселить. Но тут в Порциунколу влетел разъяренный хозяин стада и все рассказал святому Франциску. «Быть не может», — ответил Святой и добрыми словами понудил крестьянина уйти, но как только тот вышел, подумал: «Уж не брат ли это Джинепро со своими выходками?» — и послал за ним.

«Ну, конечно, — искренно признался тот, — это сделал я, а брат мой так утешился и обрадовался, что если бы я отрезал ноги сотне свиней, Бог был бы доволен мною».

Доводы эти не обрадовали святого Франциска. Он объяснил брату Джинепро, что тот, при всех благих намерениях, совершил воровство, и велел

на коленях просить о прощении законного владельца свиней. Брат Джинепро пошел к нему, и так много сумел сказать, и так унижал себя, рассказывая о том, сколько добра принесла свинья ножка, что хозяин едва ли сам не просил прощения и, чтобы закрепить добрый мир, зарезал свинью, зажарил ее в печи и послал в Порциунколу, чтобы отобедать вместе с братьями.

В другой раз Джинепро назначили поваром на кухню, и он огорчился, ибо работа эта отвлекала его от молитв, и потому решил настрять сразу на две недели. Он отправился в селение, попросил у людей огромные кастрюли, потом попросил мяса, салата, кур, яиц, зелени, вернулся в монастырь, разжег сильный огонь и стал варить все вместе — кур прямо в перьях, яйца в скорлупе, травы с кореньями, покрытыми землей. Стали возвращаться к обеду братья, и один из них, заглянув в кухню, увидел, что брат Джинепро мечется от одной кастрюли к другой, перемешивая варево палкой вместо поварешки — та была слишком коротка, он ведь не мог подойти к полыхавшему очагу. Товарищ его посмотрел на него с изумлением, посмеиваясь про себя, но не проронил ни слова, а когда вышел из кухни, сказал остальным братьям:

— Должен вам сообщить, что сегодня брат наш постарался на славу.

Наконец брат Джинепро велел звонить к обеду и вошел в трапезную, раскрасневшийся от печного жара и от работы. Поставив на стол почти всю пищу, он сказал братьям:

— Ешьте вволю, потом мы пойдем молиться, я приготовил еду на две недели.

Тут предложил он им варево, которое поросята не стали бы есть, а он же расхваливал его, чтобы сбыть поскорее с рук; а увидев, что братья к еде и не притрагиваются, воодушевил их такими словами:

— Курочки эти утешат ваш разум, стряпня моя сбросит с вас усталость. Она такая вкусная!

Братья виновато рассмеялись, увидев в этой мешанине и любовь к Богу, и тягу к молитве, и презрение к чревоугодию, но учитель не позволил брату быть столь легкомысленным и слишком вольно пользоваться Божьей милостью. Одумавшись, брат стал на колени посреди трапезной и признал свою вину, объявив, что ему надо вырвать глаза, а может, и повесить за все грехи, а потом плача удалился и целый день не показывался.

Не по указанию, но по природному дарованию брат этот был шутом среди рыцарей Круглого Стола, и, как у придворных шутов, в каждой выходке его таилось скрытое предостережение. Но основа его шуток была не той, что у странствующих забавников — шутки эти рождало милосердие. Так однажды получил он страшный нагоняй за то, что отдал нищей несколько серебряных колокольчиков, которые украшали алтарь, и подумал,

что ругавший его наставник, наверное, охрип от такого количества упреков, надо бы приготовить ему хорошую похлебку. Поздно ночью постучался к наставнику с миской в одной руке и свечой — в другой.

— Что это? — спросил тот.

А брат ответил:

— Сегодня, когда ты, отец, бранил меня, я услышал, что голос твой охрип. Я подумал, что ты чрезмерно утруждаешь себя, и приготовил для тебя эту мучную похлебку. Прошу тебя, отведай ее, она умягчит тебе и горло, и грудь.

Естественно, наставник пришел в ярость и велел ему убираться, но брат Джинедро, увидев, что мольбы и увещевания не достигают цели, простодушно сказал:

— Отец, раз ты не желаешь мучной похлебки, приготовленной для тебя, поддержи свечу, а я поем.

Эта шутовская выходка была прекрасным уроком. Она могла возмутить кого угодно, но наставник, истинный францисканец поступил так, как подобало последователю того, кто желал, чтобы старший из его братства уступал место меньшему. Оценив благочестие и простодушие брата он сказал:

— Ну, раз уж ты хочешь, давай поедим вместе. Они дружно опустошили миску мучной похлебки, сваренной милосердным Джинедро, и возрадовались от благоговения, а не от еды.

Когда святой Франциск узнал об этом подвиге, он сказал: «Хотел бы я видеть целый лес такого можжевельника»¹, и был прав, ибо у брата Джинедро были задатки шута, но сердце героя, и это подтвердилось несколько лет спустя, когда его приняли за мятежника, покушавшегося на жизнь дворянина из Витербо, и арестовали, и пытали жестоко, он же не обличал ошибки, но отвечал, что он и есть тот преступник, самый грешный человек на свете, заслуживающий смерти. Тогда решили привязать его к хвосту лошади, чтобы она волочила его по земле. К счастью, когда его привязывали, пришел гвардиан из ближнего монастыря и узнал голос, который молил: «Полегче, полегче, ногам больно!» Он закричал, чтобы невиновного освободили, снял с себя рясу, чтобы одеть бедного обнаженного брата, а тот, которого остроумие не покидало и перед лицом смерти, весело отказался: «Ну, гвардиан, слишком ты толст! Твоя нагота худшее зрелище по сравнению с моей».

Мальчишество, сиявшее смехом и сильное добродетелью, было по душе святому Франциску. Он полагал, что жизнь слишком сурова, если в ней одна лишь доблесть, если же она заполнена одним лишь весельем, она бессмысленна — надо чередовать работу и смех, с иронией глядеть на

¹ Ginepro — можжевельник (итал.).

преходящее и стойко защищать вечное. Все это доставляло ему чистую радость — но не совершенную.

КРАСОТА ДУХА

Простодушие брата Джованни тоже было по душе Франциску. В миру брат этот был крестьянином и жил в деревне возле Ассизи — он встретил святого, когда тот подметал в церкви этой деревни. Из благоговения перед Телом Христовым святой Франциск не мог видеть церковь в беспорядке, и если ему случилось войти в запущенный храм, он сам чистил его и убирал. Джованни забросил поле, добро и дом, и пока родители и братья утешали себя тем, что он, покидая их, оставляет им (а не бедным) своего вола, оделся, как святой Франциск, рыцарем Круглого Стола, и доверил себя ему, ибо учитель соблаговолил взять его с собой. Вероятно, Джованни следил за ним и день и ночь, чтобы во всем ему подражать — когда Франциск становился на колени — становился и он, когда тот воздевал руки к небу — он делал то же, когда вздыхал — и брат Джованни вздыхал, и так продолжалось до тех пор, пока святой не заметил этого и шуточно не упрекнул его.

— Отец мой, — ответил брат, — я обещал делать все, что делаешь ты, ибо должен уподобиться тебе. Сперва его звали Джованни Простодушным, но потом он столь преуспел в добродетели, что Франциск стал звать его Джованни Святым.

В своих рыцарях святой Франциск предпочитал видеть кротость и простодушие; возможно, потому, что высоко ценил именно эти добродетели; он умел радоваться и любой другой добродетели, исходившей от братьев ради славы Божьей. Когда он видел, как брат Руфино, в прошлом — один из самых знатных юношей Ассизи, подчинился его повелению и проповедовал раздетым в одной из церквей; когда видел, как он уходит в рощу, чтобы медитировать целых два дня, он говорил, что душа его — одна из самых святых в целом мире, укреплена благодатью Божьей и причислена Господом нашим к лику святых. Когда же брат Бернардо да Квинтавалле, первый его сын, горько каясь, предстал перед ним с пустыми руками, ибо взалкав по дороге, съел все корки и объедки которые ему подали, святой Франциск заплакал от радости и обнял его, ибо Евангелие велит не заботиться о завтрашнем дне. Когда же встречал он брата своего сгорбленного под тяжестью переметной сумы, то целовал его, брал у него тяжелый груз и благодарил Бога за то, что Он послал ему таких братьев.

Умел он восхищаться и добродетелью разума, подчиненного вере, и желал, чтобы братья развивались в призвании своем, как Вильгельм Дивини — трубадур, увенчанный Фридрихом II, который был покорен Франциском

и сделался братом Пачифико, но остался королем стиха, прославлявшим и радовавшим Великого Царя; или брат Антоний из Лиссабона, богослов-августинец, вдруг обнаруживший в Форли дар оратора и в непринужденной беседе начавший преподавать самую сущность богословия, и Франциск возрадовался, увидев в Антоние этот дар, и стал его звать своим епископом. К каждому из своих рыцарей он находил особый подход, смотря по его происхождению, его воспитанию и вкусам, а кроме того — по состоянию его души. В каждом видел он особую добродетель, радовался ей, и добродетель эта разрасталась для него настолько, что через нее проявлялись и другие.

Изучив достоинства каждого, Франциск составил образ идеального брата, который, должен обладать такой верой и такой любовью к бедности, какою был наделен брат Бернардо; должен быть простодушен и чист, как брат Леоне — обладать созерцательным духом брата Эджидио; чувством единения с Богом, как брат Руфин, который молился и во сне; терпением брата Лючидо, который не хотел оставаться более месяца на одном месте, боясь прирасти к нему душой, как устрица прирастает к скале, и если где-нибудь ему слишком нравилось, он уходил, говоря: «Не здесь наше прибежище, но на небесах». Кроме душевных достоинств, идеальный брат был одарен достоинствами тела и разума — бычьей силой брата Джованни делле Лауди; прекрасным обликом, изысканными манерами, легкой и красивой речью брата Массео, великодушием брата Анджело Танкредди — первого воина, вошедшего в Орден — который был учтив и благороден.

Так блаженный Франциск постепенно создавал портрет идеального рыцаря, и не было такой черты, способной привести к совершенству — человеческой или сверхчеловеческой, которой он пренебрег. В глубине души он восхищался этим шедевром красоты духа, так и не заметив, что истинным шедевром была его собственная жизнь. Он и был идеальным братом, он — бедняк Божий.

БЕСЕДЫ С БОГОМ

Настала ночь. Братья крепко спали прямо на земле, положив голову на камень или полено, но двое из них бодрствовали — чистый и невинный юноша, в раннем возрасте принятый в Орден из-за своей детской набожности, и святой Франциск, который сперва подошел к своему месту и демонстративно скинул с себя рясу и веревочный пояс, чтобы другие подумали, что и он ложится, а затем, дождавшись пока все уснут, на цыпочках отправился в лес, чтобы молиться там.

Юный братец хотел проникнуть в тайну его святости и уже заметил, что он по ночам убегает, а теперь решил выследить его, и в ту ночь связал свой веревочный пояс с поясом святого, чтобы услышать, когда он встанет. Затем

и он уснул, не спал лишь святой Франциск, и удары его сердца отсчитывали мгновения, оставшиеся до его свидания с Богом. Когда же, услышав глубокое дыхание братьев, он убедился в том, что все спят, святой поднялся, но что-то удержало его — это был пояс, привязанный к поясу мальчика. Улыбаясь, он тихо отвязал его, вышел и укрылся в лесной келье. Некоторое время спустя пробудился и юноша, но увидев, что веревка отвязана, а место святого Франциска пусто и дверь открыта, направился на поиски учителя в сторону леса и набрел по звуку голосов на келью, в которой молился Франциск. Он подошел ближе и в чудесном свете увидел Господа нашего Христа, Пресвятую Деву, Иоанна Крестителя и Иоанна Богослова в окружении ангелов, беседующих с Франциском. Увидев это, братец упал без чувств, и когда святой вышел из экстаза и отправился назад в хижину, то наткнулся на него. Он наклонился, в предрассветном освещении узнал его, и, не разбудив, как мать, взял на руки, и осторожно перенес прямо в постель. Узнав впоследствии, что мальчик видел чудесное явление, он велел, пока он жив, никому об этом не рассказывать.

Юный братец не один хотел постигнуть тайну его внутренней жизни — почти все братья стремились переступить порог этой дверцы и посмотреть, как же беседует учитель с Бесконечным. Кто говорил, что он видел, как учитель воспарил в небо; кто — что он был в огненной колеснице, или в сияющем облаке; кто слышал беседу с ангелами и святыми, как тот юный братец; были и более решительные, как ассизский епископ, который осмелился просунуть голову в дверь кельи, в которой молился святой, но был отброшен назад и окаменел.

Все замечали лишь одно — он жил в постоянном молении, словно сам был молитвой, и хотя старался скрывать свои беседы с Богом, чтобы прислушаться к тому, что говорят другие, глаза его выдавали желание погрузиться в себя, и он обрывал несущественные разговоры, закрывая лицо рукой, словно пытался отогнать нахлынувшую рассеянность. Когда же он молился на людях, он не делал ничего особенного и отличался от других лишь набожностью и строгой сдержанностью, словно солдат перед военачальником и вассал — перед сюзереном: он всегда стоял, даже во время тяжелых недугов, ни на что не облакачивался, не накидывал капюшона, не смотрел в сторону, не отвлекался. Когда во время странствия он должен был читать молитву, то останавливался, если шел пешком; если же ехал верхом, то спешивался и молился стоя, с непокрытой головой, даже если шел проливной дождь, как было однажды по пути из Рима, когда он до костей промок. Причина этому, как он говорил, была такая — если желудок наш хочет спокойно поглощать пищу, которая вместе с телом станет пищей червей, тем более и душа должна мирно и спокойно принимать свою пищу, то есть — самого Бога.

Бог был для него конкретной реальностью, и в мыслях своих он никогда не удалялся от Него, ибо жил в Нем. В мире святой Франциск словно бы отсутствовал — правда, не настолько, чтобы не увидеть божественное в предметах, окружавших его. У него было своеобразное мнение на этот счет: тот, кто навечно погружен в Совершенное, видит все преходящее лучше, чем тот, кто живет лишь в своем теле, со своей душой, как смотрящий на море с капитанского мостика, видит его лучше, чем тот, кто плывет, выбиваясь из сил. Если же он чувствовал, что должен сделать что-то, то немедленно переходил от молитвы к действию, хотя и не особенно различал их — действие либо подвигало его на молитву, либо завершало ее, либо продолжало, это была молитва дела, заготовленная в беседе с Богом, и потому он начинал действовать словно бы неожиданно, быстро и споро, без сомнения и раскаяния. Дело не разлучало его с Богом, ибо создания неразлучаимы с Создателем.

Несколько раз, правда, экстаз заставлял его во время работы и он как бы терял чувство реальности, не понимая, где он и кто те люди, которые на него смотрят. Так было, например, когда он проходил через Борго Сан Сеполкро, и не заметил шумной и праздничной толпы, окружившей его со всех сторон. Он глубже проникал в ту действительность, которая всегда существовала внутри него, от нас же она скрыта, ибо чувственный мир привлекает нас. Лишь смерть срывает для нас этот покров, но его не было для святого Франциска. Глаза его видели ангелов небесных, как наши глаза видят собеседников, и для него было естественно оказаться в один миг среди ангелов как среди своих братьев. Пребывая в экстазе, он просто переходил в другое общество. Когда же состояние это проходило, он делал над собою усилие, чтобы вернуться к прежнему и собранно, бесстрастно говорить об обыденном так, будто ничего не произошло.

Он тщился утаить благодать Божью, и такое самообладание обходилось ему дорого. Чем совершеннее становился он, тем сильнее чувствовал, что необходимо посвятить себя всего, без остатка, Богу и одиночеству.

ОДИНОЧЕСТВО

Однажды, незадолго до Великого Поста, святой Франциск находился около Тразименского озера, и попросил, чтобы один из преданных ему братьев тайно перевез его в лодке на Изола Маджоре — один из трех островов этого уединенного озера. Тот послушался и в Пепельную Среду, в темноте, чтобы никто не заметил, суденышко отплыло от берега, перенося братьев на поросший лесом островок.

— Приезжай за мной вечером в Великий Четверг, и никому не говори, что я здесь, — сказал Франциск провожатому.

— А как же с едой? — спросил преданный брат.

— У меня есть два хлеба. Этого хватит.

Лодка направилась к противоположному берегу, и святой Франциск остался один среди птиц, среди густых и диких трав. Озеро это — широкое и мрачное. Когда оно становится добрее, то отражает в своем зеркале золото заката, сапфир вечернего неба, аметист или темный изумруд гор, когда злится, бурлит серой пеной, в которой видятся и свинец и сталь. Лежит оно в тростниковых зарослях долины, будто несмело предлагая покорить себя, выше, среди гор, оно вьется, словно жаждет объятия.

В Святой Четверг преданный почитатель Франциска вернулся на остров и обнаружил, что святой молится в пещере, высоко в скале, среди прекрасных гор, словно в гнездышке жаворонка, которым и был святой Франциск. Казался он чуть бледнее и худее обычного, рядом с ним лежал один из двух хлебцев, но чувствовал он себя хорошо, словно в раздумьях находил себе пищу. Казалось, что озеро отражает свет, который излучало его лицо. Он радовался, что уподобился Господу своему Христу, постившемуся сорок дней и ночей, но был слабее Господа, ибо съел один хлебец; а когда он вернулся к людям, никто не узнал, что за эти недели произошло в его беседах с Всевышним. Знали приблизительно, что он плакал, когда был один, громко молился, бил себя в грудь, кидался на землю, а нередко лежал неподвижно долгие часы. Однако полное, закрытое от всех одиночество не привлекало его — он стремился увидеть небо, горы, дикие роцци, мир в его первозданности, не измененный человеком, и всегда в своих странствиях находил природные монастыри, в которых отдыхал душою, соединившись с Господом, например, — в Венецианской лагуне, где до сих пор один островок носит его имя. В особенности же находил он такие места в Тоскане и Умбрии — Карчери, недалеко от Ассизи; Сант Урбано, недалеко от Нарни; Фонте Коломбо, Поджио Бустоне; Греччо, в зеленой долине Реатине; Изола Маджоре на Тразименском озере; Верна в Казентино. Каждое из этих мест сегодня — монастырь или святылище, предостережение и песнь. Тогда же, для святого, они были местами молитвы и экстаза; там прожил он прекраснейшие мгновения своей жизни.

Тот, кто хочет представить себе, как он молился, должен прочесть его толкование на молитву Господню, гимны, благодарственные молитвы, каноны, — и тогда обретет он свет и силу, чтобы следовать воле Франциска. Молитвы эти коротки, вдохновило Франциска Святое Писание, и из них идет к людям воля Всевышнего, которая была бы суровой, если бы безграничная вера не смягчала ее. Каждое простое слово наделено глубоким смыслом, так, что оно может служить предметом раздумий целый год. Из всех этих молитв самая выразительная — та, которая отражает огонь, полыхавший в сердце святого, и смысл всей его жизни:

«О, Господи, пылкой и нежной силой любви Твоей, отвлеки разум мой от всего земного, дабы смог я умереть из любви к Тебе, подобно тому, как Ты удостоился принять смерть ради любви к любви моей».

Если мы не пытаемся понять это стремление слиться с Богом и умереть от любви к любви Его, от благодарной тяги к Создателю и Спасителю, не пойдем святого Франциска.

ГРЕЧЧО

Франциск понимал, что если бы все люди имели в своем сознании реальный и ясный образ Спасителя, они любили бы Бога на деле, а не на словах. Вернувшись из крестового похода, вспоминая о Святых Местах, он думал, как возродить веру, и решил, что помочь тут могут не одни лишь проповеди, — надо воссоздать некоторые события из жизни Христа. Это отвечало не одной лишь его апостольской цели, но и настоянию его души, которая стремилась воплотить в действие мысль об истинной любви.

Приближалось Рождество 1223 года и святой Франциск, всегда с особенным трепетом преклонявшийся перед тайной детства Христова, вспоминал Вифлеем в скиту Фонте Коломбо. Там и сказал он Джованни Велита, терциарию знатного происхождения, своему другу и почитателю (а они были у него повсюду):

— Мессер Джованни, если ты поможешь мне, в этом году мы отпразднуем самое прекрасное Рождество, какое только можно представить себе.

— Я охотно помогу тебе, отец, — ответил тот.

— В одном из твоих лесов, — сказал Франциск, — окружающих скит Греччо, есть пещера, похожая на Вифлеемскую. Я хочу воссоздать Рождество и собственными глазами увидеть нищету, в которой Младенец Иисус вошел в мир лежал в яслях между осликом и волком. Я имею позволение Святого Отца воссоздать это во славу Рождества Христова.

— Я понял, — сказал Джованни. — Предоставь это мне, отец мой.

В рождественскую ночь на колокольнях Реатинской долины звонили еще громче, чем обычно, и жители округи, привлеченные невиданным празднованием, спешили по каменистым тропам из деревень, из замков и дальних хуторов в морозной, но ясной ночи; спешили, как Иудейские пастухи, почтить младенца.

А в это время из Фонте Коломбо, Поджо Бустоне, других мест шли колонны францисканцев с зажженными факелами, и любопытствуя, и восторгаясь, с литанией на устах. Когда они вошли в пещеру, приготовленную мессером Джованни Веллита, как замыслило вдохновение святого Франциска, то встали, словно замороженные. Вот ясли и солома, а выше — камень

для мессы, вот вол и ослик, но нет ни Младенца, ни Пречистой Девы, ни Иосифа, ни ангелов. Их заменил святой Франциск. В торжественном облачении дьякона читал он Евангелие столь дивным, чистым и мелодичным голосом, что все этой великой ночью подумали о горах Иудеи и о Славе Небесной. Потом он заговорил о рождении нищего Царя с таким чувством и жаром, что охваченная восторгом толпа почувствовала, будто ее отнесло на тринадцать веков назад, к началу нашего Искупления.

Ночь была праздничной, весь лес сиял и пел, и казалось, что Младенец Христос вернулся на землю. Одному человеку удалось увидеть Его. На соломе, пустовавшей оттого, что не было на ней Сына Человеческого, блаженный Франциск увидел новорожденного, такого белоснежного и холодного, словно он мертв. Он взял его, прижал к сердцу, согрел отеческим теплом, и младенец ожил, открыл глазки протянул ручки к бледному лицу Своего бедняка. А святой Франциск заговорил так, что все расплакались, и если голос его дрожал от слез, то слова его возродили в сознании людей Младенца Иисуса, словно он присутствовал среди них. Руки Франциска держали Его, глаза — видели, и сердце святого наполнилось любовью и благодарностью.

ТРУДНЫЕ БРАТЬЯ

Во время молитвы святой Франциск ощущал как бьется в нем самый источник радости, и, как свет создает цвета, этот лучезарный источник помогал ему созерцать творения Божьи. Но что достойного, если ты наслаждаешься видом прекрасных созданий, доблестных мужей? Еще в мирской своей жизни Франциск не мог поистине радоваться, не превзойдя самого себя; тем сильнее стало его чувство, когда он сделался рыцарем Христа и госпожи своей, Бедности, избрав своим символом крест. Из любви к кресту он научился испытывать радость от общения с людьми даже приносящими огорчения, но потом эти люди становились его друзьями, что давало ему глубокое удовлетворение.

Однажды он проходил через Имолу и попросил у епископа, чтобы тот, позволил ему проповедовать, епископ же, не испытывая доверия к этому странствующему мирянину, резко ответил:

— Я и сам проповедаю моему народу!

Святой Франциск, опустив голову, вышел от него, но через мгновение вернулся, и потерявший терпение епископ воскликнул:

— Чего тебе, брат?

— Отец, — ответил святой, — когда сына выгоняют в одну дверь, он возвращается в другую.

Порыв этот подстать брату Джинепро, сам же поступок был по-детски непосредственным, и побежденный епископ обнял Франциска, позволив ему и братьям его проповедовать, ибо он понял, что эти смиренные люди — святые.

Был еще и другой епископ, кто говорит, что из Терни, а кто — из Риети, который после проповеди Франциска обернулся к народу и сказал примерно так:

— Возблагодарим Бога за то, что Он воспользовался этим невеждой, этим ничтожным бедняком, дабы показать, как милосердна Церковь.

Даже для святого, который дал обет смирения, такой отзыв не был лестным, и потому Франциск, сильно возрадовавшись, бросился в ноги епископу: ведь тот яснее ясного указал, что его, а что — Божье, оставляя Богу одну лишь славу.

Он оставался спокойным даже тогда, когда его унижали низшие. Советы и предостережения он выслушивал от всех с радостью. Однажды он поднимался на Верну верхом на ослике — был слаб и не мог идти сам, и горец, хозяин осла спросил:

— Скажи, не ты ли тот Франциск из Ассизи, о котором говорят так много доброго?

— Я, — отвечал святой.

— Тогда старайся и в самом деле быть таким добрым, каким считают тебя люди. Ведь многие очень верят в тебя, ты же не должен обманывать тех, кто верит.

Святой Франциск не вознегодовал на такое предостережение и не подумал: «Что за дубина осмеливается давать мне советы!» Он соскочил с ослика, стал на колени перед крестьянином и поцеловал ему ноги, поблагодарив его за столь милостивое предостережение, и не возрадовался бы так сильно, если бы вместо назидания услышал слова хвалы. Он всегда радовался, если мог искоренить малые ростки гордыни.

БРАТЬЯ ПРОКАЖЕННЫЕ

Франциск не искал удовольствий в дружбе и молитве, но лишь пользовался ею, благодаря за нее Господа, но ради любви к Нему больше всего он стремился к прокаженным, издававшим смрадный запах и скрывавшимся от людей — к тем, кто ожесточился как псы из-за их страшной болезни. Он выделял их из числа других, ибо в их истерзанной плоти, в их отвергнутой жизни более, нежели в здоровых, видел смиренного Господа Иисуса Христа, отвергнутого за любовь к людям, подобно прокаженному.

В лепрозории, где работали братья, был больной, настолько измученный страданиями, что он оскорблял, проклинал их, издевался над ними, как

мог, словно в него вселился бес. Братья покорно переносили эти оскорбления, считая, что они искупают их грехи и укрепляют в них смирение, но проклятия терпеть не просто, и потому, они много раз пытались увещевать прокаженного, а затем ушли с такими словами: «Мы покидаем его. В него вселился бес». И все же они сперва спросили позволения у учителя, который жил тогда неподалеку. Франциску сказали о случившемся, и он пришел.

— Да дарует тебе Господь мира и покоя, дражайший брат мой, — с привычным приветствием обратился святой к прокаженному, но тот пришел в ярость:

— Как я могу быть спокоен, если Бог превратил меня в гниющую язву?

— Терпи, друг мой, — попытался успокоить его святой, — телесные недуги — здоровье души, если их переносят спокойно.

— Терпи, терпи! От советов тебя не убудет. А как прикажешь терпеть боль, что пожирает меня днем и ночью? Не от одной болезни я мучаюсь, и братья твои усиливают мои страдания, ибо не служат мне так, как должно.

Франциск понял, что этого человека образумить нелегко и употребил главную свою силу — силу молитвы; а потом вновь обратился к прокаженному:

— Сын мой, раз другие не устраивают тебя, я буду за тобой ухаживать.

— Хорошо. А можешь ты сделать что-нибудь лучше других?

— Я сделаю все, что ты захочешь, — покорно ответил святой. И тогда прокаженный сказал ему:

— Я хочу, чтобы ты вымыл меня, ведь я так сильно воняю, что и сам не могу выносить своего запаха.

Франциск тотчас же велел согреть много воды и опустить в нее душистые травы, потом раздел больного и осторожно начал мыть его, а один из братьев, подливал теплую, благоуханную воду.

Чтобы подавить тошноту, святой Франциск думал об Иисусе Христе. Промывая гниющие раны, он представил себе пять ран на теле Христовом и молился Ему: «Исцели его тело и душу, Господи!»

От прикосновения этих рук, которые скорее ласкали, чем мыли, прокаженный пришел в себя и сердце его устремилось навстречу человеку, унизившему себя, но не унизившего его. Впервые несчастный почувствовал, что его любят, и страдание его утихло, он забыл о боли. Словно по мановению этой материнской руки, с тела его исчезали зудевшие коросты и гнилые раны, а вместо телесных ран перед глазами его предстали раны души — надменность, гнев, возмущение против Бога, и многие грехи его юности, которые и привели к болезни. Тогда он заплакал и слезы падали в благоуханную воду, исцеляя тело его и душу.

«Чудо! Чудо!» — пробежал шепот по всему лепрозорию. Брат Франциск излечил и обратил к вере осатаневшего прокаженного, вымыв его в благоуханной

воде, того самого прокаженного, который поднял столько скандалов! Тогда святой Франциск поспешно удалился далеко в горы, чтобы возблагодарить Бога, ибо стремился к Его славе, а не к своей. Чего стоит людская слава, которая не обращена к глубинам человеческого сердца и бессильна сделать что-либо для нашего спасения? Нужно, чтобы нас похвалил лишь Он один.

Прошел месяц. Однажды Франциск молился, подобно птицам, среди деревьев, и вдруг перед ним предстала белая тень.

— Узнаешь меня? — спросил незнакомец.

— Кто ты? — спросил святой.

— Я тот прокаженный, которого Христос исцелил за твои благодеяния. Сегодня я иду в жизнь вечную, за что благодарю Бога и тебя. Да будут благословенны душа и тело твои, деяния и слова, и твой Орден!

Спасенная душа исчезла и сильно утешился Франциск. И все же, быть может, сердце его возрадовалось больше, когда он видел, как в борьбе с естеством исцелялась проказа телесная и душевная, захваченная волной его любви. Но любовь эту братья не сумели до конца постигнуть, и оттого им не удавалось ни лечить, ни обращать.

СОВЕРШЕННАЯ РАДОСТЬ

Погода была ужасная, вечер холодный, дорога из Перуджи в Порциунколу казалась нескончаемой, но весь этот путь должны были проделать брат Леоне и святой Франциск. Брат Леоне шел первым, святой — позади, их хлестали первые северные ветра, рясы их были изорваны, а от усталости и голода стужу совсем уж нельзя было перенести. Среди таких лишений лачуги у Санта Мария дельи Анджели казались королевскими покоями, и странникам придавали сил мысли о других братьях, которые ждали их, сберегали для них лучшие куски от ужина, сохраняли дрова, чтобы разжечь к их возвращению очаг, и, наверное говорили: «Бедняги, как перенесут они такую погоду? Когда придут? Не видно ли их на дороге?» Когда они вернутся, братья примут их в свои объятия с той нежностью, которая так свойственна живущим без семьи товарищам по избранию и судьбе.

Франциск хотел, чтобы рыцари его именно так и любили друг друга. Умалять их полное лишений странствие мыслями о мирском уюте казалось ему недостойным, однако он думал, что брат Леоне, овечка Божья, слишком страдает, и потому завел с ним беседу, которая была и размышлением, и наставлением, и молитвой.

— Брат Леоне...

— Я слушаю тебя.

— Напиши, что есть совершенная радость.

Обычно он говорил «напиши», потому что брат Леоне был его секретарем, но в ту минуту сказал так, потому что диктовал очень важную мысль, которая была частью его учения:

— Хотя во всех землях братья являют собою пример истинной святости и добродетели, напиши и особенно подчеркни, что не в этом совершенная радость.

Они продолжали путь в молчании, и вновь заговорил святой Франциск:

— Брат Леоне, даже если меньший брат получает от Бога такую благодать, как способность исцелять больных и совершать множество чудес, даже умеет воскрешать мертвых на четвертый день после смерти, напиши, что не в этом совершенная радость.

Некоторое время они молчали, затем святой Франциск еще громче заговорил:

— Брат Леоне, если меньший брат знает все языки, все науки и писания, и угадывает, и открывает нам будущее и тайны сознания человеческого, напиши, что не в этом совершенная радость.

Они помолчали. Брат Леоне стал забывать о холоде, погрузившись в размышления о словах учителя, и спрашивал себя, где же тогда искать совершенную радость, а святой Франциск сказал еще громче:

— О, брат Леоне, даже если меньший брат умеет так хорошо проповедовать, что от проповеди его все неверные обратятся в веру Христову, напиши, что и не в этом совершенная радость. Если прибудет гонец и объявит, что все парижские наставники стали членами Ордена, напиши: не совершенная это радость. Даже если из-за Альп придут все прелаты и архиепископы, а сам король Франции и король Англии войдут в Орден, напиши: не та это радость.

Выслушав мысли святого, брат Леоне не знал, что и подумать, и спросил:

— Отец, именем Божиим прошу тебя, скажи, в чем совершенная радость?

Тогда Франциск объяснил:

— Я приду в Санта Мария дельи Анджели вымокший, замерзший, голодный, в грязи; льдышки налипли на край моей рясы, в кровь изрезали мне ноги; и вот, я буду долго стучаться в дверь и звать привратника. Тогда придет брат привратник и спросит: «Кто там?»; и я отвечу: «Брат Франциск»; а он ответит: «Уходи, сейчас не время для странствий, ты не войдешь сюда». Но я стану стучать, и он в ярости выбежит наружу и вытолкает меня, осыпая бранью, с такими словами: «Уходи, ты прост и слаб умом, и не приходи к нам! Сейчас мы многочисленны, одарены многими способностями, и не нуждаемся мы в тебе»; а я все это вынесу, и почувствую любовь к нему в своем сердце и веселость в душе. Брат Леоне, напиши, что в этом — совершенная радость.

Безмолвно стоял брат Леоне и уже не чувствовал ни голода, ни холода, ни усталости, но одно лишь изумление.

Франциск заговорил вновь:

— А если затем, измученный голодом, застигнутый ночью, я все же буду настаивать: «Ради Бога, приюти меня хоть на эту ночь!»; и он ответит мне: «Нет, ступай в приют Кроцифери»; и выйдет, держа в руках дубинку, и, схватив меня за капюшон, бросит на землю, извалает в снегу, перебьет мне все суставы; а я терпеливо и с радостью снесу все это, думая о страданиях Христа, напиши, брат Леоне, что это и есть радость совершенная. А теперь выслушай главное. Изю всех божественных даров наилучший — способность побеждать самого себя и добровольно, с любовью к Христу, идти на страдания, переносить проклятия, бесчестья, нужду. За остальные дары Божьи мы не можем прославлять себя, они не наши, а Его, но можем прославить себя, неся крест лишений, ибо крест этот наш.

Эту беседу можно назвать одной из важнейших страниц всей христианской философии, ибо она возносит душу человеческую к высочайшим вершинам.

Она предполагает, что ученик уже преуспел ранее — ведь, перечисляя блага, которые могут привести к радости, святой Франциск не обмолвился о тех, к которым стремиться все человечество — о здоровье, богатстве, удовольствиях, славе, — но начал с избранных, благодатных даров — святости, мудрости, чудодействия, с обращения неверных. Потом, поднимаясь выше, он говорит о торжестве Ордена и его идеи, но все это, как несовершенное, исключал из того, что могло бы привести к радости, на поиски которой он поднимался по ступеням мученичества, начиная свой путь от тяжелейших физических страданий, голода, холода, утомления в зимнюю ночь, указывает на детали — кровотокающие от льдинок ноги — и достигает самого трудного — отречения братьев, непризнания его труда, открытого презрения тех, кого он благословил и любил. Воображение его останавливало на этом, и он открыл, что человек, способный преодолеть эти тяготы с любовью и терпением, должен обрести блаженство, ибо он наделен величайшим даром Божиим — побеждать самого себя.

Под этим рассуждением, прославляющим человека, подписались бы древние мудрецы, которые учили, что истинное наслаждение — в суровых испытаниях, но святой Франциск был христианином, а потому он глубже их. Чтобы исключить самолюбование, способное омрачить торжество, он прибавил, что невинный человек, который страдает но переносит муки с легкостью радуется не собственной силе, но тому, что он следует за распятым Христом.

Человек, способный радоваться тем больше, чем больше его угнетают, может ничего не бояться в жизни, и это — одно из важнейших наставлений святого Франциска. Но для того, чтобы постигнуть истинное его значение; необходимо помнить, что сила его и радость расцвели на кресте.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

СОВЕРШЕННАЯ СКОРБЬ

ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ СВЯТОГО ФРАНЦИСКА

В диалоге о совершенной радости св. Франциск со всей силой своего воображения представлял самые страшные невзгоды, которые могли бы побудить его предаться скорби, и пришел к выводу, что при желании все они преодолимы. Однако это не уничтожало в нем способности к страданию: он ощущал его с той же остротой и непосредственностью, что и радость. Если трель соловья вызывала у него желание петь, то вид ягненка, ведомого на казнь, заставлял его плакать; если учтивость незнакомца трогала его настолько, что побуждала добиться, чтобы этого незнакомца признали святым, то неприязненная мысль кого-нибудь из братьев холодным лезвием вонзалась ему в сердце. Недаром он инстинктивно искал общества людей наиболее деликатных и воспитанных. Он поразительно проникался чувством другого человека, сопереживание заполняло его, он плакал вместе с плачущими, и это соучастие — тоже вид страдания. В страдание переходил и восторг, который он испытывал, лицезрея красоту тварей Божьих. Начавши песню, он заканчивал безудержным плачем.

Проповедь перед многолюдным собранием, выговоры братьям, необходимость представлять строгим и жестоким, когда того требует справедливость, — все это стоило ему насилия над собственной природой. Он чувствовал душу приходящих к нему и обладал даром, отмечающим поэтов: преображался весь во всех. Утонченно тактичный и учтивый, как истинно благородный человек, он был не в состоянии даже изменить голос, если это могло кого-то уязвить; ему причиняли неудобство и боль разногласия, споры, противоречия, которые неизбежно сопровождали его апостольское делание.

Так, однажды богослов-доминиканец спросил святого Франциска, должен ли он порицать некоторых грешников, ибо Иезекииль говорит, что тот, кто не открывает нечестивцу глаза на его беззакония, сам дает ответ за его душу. Святой Франциск вначале смиренно попросил прощения за свою невежество, но когда богослов стал настаивать, ответил: «Если искать общий смысл этого отрывка, я разумею, что раб Божий должен гореть и сиять своею жизнью и святостью, чтобы светом примера и словами святой беседы обличить всех упорствующих во зле. И вот, его сияние и сияние его славы, откроют всем их беззакония». В этом ответе — человечность святого, который ставит себя ниже всех и предпочитает словам дела, в нем же — и природная доброта, противящаяся всему, что может оскорбить и обидеть.

Подобным же образом он ведет себя и с теми, кто противостоит его проповеди. Он никогда не стремится кого бы то ни было подавить. Он умалется и умолкает, потому что слова отдают желанием превзойти другого. Однажды кто-то из братьев сказал ему: «Отец, разве ты не видишь, что епископы не позволяют нам проповедовать, и бывает, в каком-нибудь селе-нии мы много дней сидим без дела, прежде чем сможем возглашать слово Божие? Не лучше ли будет, если ты попросишь папу пожаловать нам это право, что послужит к спасению многих душ?»

Святой Франциск ответил, что они его неправильно понимают: «Я хочу, чтобы прежде святое смирение и должное почтение помогли нам обратиться к прелатам, кои, увидев святую нашу жизнь и смиренное к ним почтение, попросят вас проповедовать и обращать народ. И так они скорее привлекут народ к проповеди, чем ваши привилегии, которые могли бы ввести вас в грех гордыни».

И не только по отношению к высшим и равным, но и к грешникам, бедным, неверным он приносил рыцарскую деликатность в смиренное милосердие святого.

Однажды вечером, по дороге в Порциунколу, он встретил одного из добрых братьев-санитаров лепрозория с прокаженным, из самых изъязвленных и безобразных. Брат Джакомо спокойно прогуливался с больным, словно с приятелем, и народ в ужасе разбежался, зажимая нос.

Святой Франциск, друг и врачеватель прокаженных, называвший их «братья-христиане», не забыл, однако, какое отвращение он к ним испытывал в юности. Обнять прокаженного означало для него тогда умереть для мира и почти перевернуть душу. И вот святой Франциск, заботясь о других, упрекнул слишком простого брата Джакомо: «Не стоило бы тебе выводить на прогулку этих христиан, потому что это не хорошо ни для тебя, ни для них». Но тут же он раскаялся в этих словах, ведь они могли унижить прокаженного. В качестве послушания святой положил себе кусочек с ним из одной миски. Со скрюченных пальцев несчастного в

миску падали капли крови и гноя. Стоявшие рядом братья плакали. Святой Франциск ел и улыбался, и от его мученичества сладостный мир входил в сердце.

Несмотря на столь обостренную чувствительность, святому Франциску удалось, как бесов прогнать все дурные печали: сожаление, ностальгию, хандру, неуверенность, бесконечные неприятные переживания, выпадающие на долю каждого «я», из которых мужчины и женщины создают драму, культ и предмет тщеславия. Он сумел искоренить не только скорби, происходящие от страстей, и другие глупые, бессмысленные скорби, но и особое упоение болью, жалость и нежное сочувствие к самому себе, которые, когда человек страдает, побуждают его считать, что страдает лишь он один на свете и что он имеет право на всеобщее сострадание. Святой Франциск смог извлечь из скорби радость. Но он это сделал не потому, что не хотел страдать, что было бы худшим видом эгоизма. Он сделал это потому, что личные переживания не заслуживают слез. Он берег свою скорбь для того, чтобы понимать других людей и сопереживать им.

БОЛЕЗНИ

Однако страдание не оставляло его в покое. Епитимьи, невзгоды, нищая жизнь, утомление от проповеднической деятельности (в день приходилось посещать по четыре-пять деревень), ночевки на голой земле и отвратительное питание, — все это отразилось на его здоровье, которое и без того не было богатырским. В Египте его состояние ухудшилось. Глаза, черные, нежные глаза, которые говорили о Боге, окаймились кровью из-за неизлечимой восточной болезни. Братья и кардиналы убедили его прибегнуть к лечению: они напомнили ему о долге по отношению к телу, братцу ослу, как он его называл, и Франциск покорно подверг себя врачеванию железом и огнем, причиняющему в сто раз более острую боль, чем сам недуг. И все-таки он никогда не жаловался. Больше того, в последние годы, когда от него оставались кожа да кости, на руках и ногах горели стигматы, прогрессировали болезни печени, селезенки, желудка, от которых целыми днями его рвало кровью, — он называл болезни своими сестрами. Один простодушный брат сказал ему: «Отец, умолите Господа, чтобы Он избавил вас от этих невыносимых болей и скорбей».

Но святой Франциск с презрением отверг этот совет (если презрение вообще могло поселиться в таком сердце), и закричал: «Если бы я не знал, что ты человек простоты доброй и чистой, я бы тебя возненавидел и не захотел бы видеть тебя никогда больше, ибо ты осмелился осудить Бога, когда говорил, что Он посылает мне скорби, превосходящие мои силы».

Несмотря на крайнюю слабость, он бросился с постели, сильно ударился всем своим обессиленным телом, потом поцеловал землю и воскликнул: «Благодарю Тебя, Господь и Бог мой, за все мои скорби, и дай мне их еще десяток, если Ты этого пожелаешь, ибо я этого весьма желаю, потому что творить Твою волю — мое нескончаемое утешение».

Болезни посылает сам Господь, и они были для святого Франциска доброй, но еще не совершенной скорбью: воля их принимает и преобразует в терпение, но в них остается некий фон материальности, плотской замутненности, присущий грубым, бесчувственным натурам.

ИСКУШЕНИЯ

Святому Франциску были знакомы и те духовные брани, которые зовутся искушениями. Его душа радовалась радостью чистых сердец и от любой скорби отражалась восторгом, как солнечный луч от зеркала. И эту душу два кошмарных года одолевала неотступная мысль: он боялся, что далек от Бога. Мысль эта так мучала святого Франциска, что нарушила его обычный душевный покой. Чтобы от нее освободиться, он молился, плакал, хлестал себя бичом, постился, скрывался от друзей. Более всего он сокрушался, что не может выглядеть радостным, хотя твердо хотел этого.

И вот наконец пришло утешение от Господа. Он молился в маленькой церкви Санта Мария Дельи Анджели и услышал голос:

— Если будешь иметь веру с горчичное зерно и скажешь этой горе: «Перейди отсюда туда», и будет по слову твоему.

— Что это за гора? — подумал святой Франциск.

Голос продолжал:

— Эта гора — твое искушение.

Словно тот, кто полагает, что болен, но по слову авторитетного врача вскакивает с постели, святой взбодрился и воскликнул:

— Значит, Господи, да будет так, как Ты сказал.

Так он избавился от кошмара и понял, что причина всех наших бед — недостаток веры.

Иногда дьявол испытывал его воспоминаниями о прошлой жизни, желанием вкусить мирских радостей. Однажды, зимней ночью в обители Сартеано, когда он пытался заснуть на камне и ветер, продувая келью, пронизывал его до костей, искуситель избрал для своего нападения тоску по семье. Он предложил столь живому воображению святого прекрасную просторную гостиную, горящий камин, ему улыбалась милая женщина, и стайка детей называла его папочкой.

— Спеши получить эти радости, если хочешь. Ты еще молод! — нашептывал бес.

Чтобы сразу же отогнать незванного гостя, Франциск упал на колени, снял верхнюю одежду и принялся хлестать себя веревкой, приговаривая:

— Брат осел, ряса принадлежит Ордену, душа — Богу. Пути назад нет для тебя.

Но нечистый не отставал:

— Можно принадлежать Богу и без твоих безумных выкрутасов. От доброго отца семейства пользы больше, чем от тебя.

— Ну что ж, сейчас я тебе дам семью, — подумал святой Франциск.

В нем еще оставалось что-то от озорного мальчишки, и вот он пошел во двор и принялся быстро-быстро лепить фигурки из снега. Всего он изготовил семь фигурок.

— Жены тебе захотелось? Вот пожалуйста, самая большая и есть твоя дражайшая половина. Детей хочется? Да вот их целых четверо, два мальчика и две девочки. Но семья получилась не маленькая, понадобятся слуги. Вот и они, лакей и горничная.

Франциск согрелся, занял руки и голову делом, в труде отвлекся от соблазнительных мыслей. При свете луны он разглядывал свое семейство из снега и рисовал в воображении ту суровую грань реальной жизни, которую дьявол предпочел от него утаить:

— А теперь, мой милый, поскорее одень их, ведь они умирают от холода. Ну а если тебе трудноато окружить попечением всех этих людей, посвяти себя одному Господу Богу, и Ему одному служи.

Эти рассуждения, холод и веселая возня со снегом прогнали дьявола. Святой в радостном настроении вернулся в келью и тут наткнулся на удивленный взгляд брата, с которым вместе спасался. Он покраснел, а потом с обычной своей простотой объяснил брату значение семи снежных фигурок.

Но дьявол, вытолканный в дверь возвращался в окно.

Как-то поздним вечером в Триви святой вошел в заброшенную церковь. Он решил провести здесь ночь и попросил своего спутника, брата Пачифико, оставить его одного, вернуться в больницу для прокаженных, а на следующее утро придти за ним в церковь. Святой Франциск очень дорожил свободой и ночами, которые посвящал беседам со Всевышним, но на сей раз в этой заброшенной церкви нечистый использовал против него весь свой арсенал мерзких видений. Чтобы избавиться от них, святой вышел из церкви, перекрестился и приказал дьяволу именем Божиим оставить его в покое. На рассвете брат Пачифико застал Франциска на коленях перед алтарем. Пачифико тоже стал молиться, но на хорах, и вот напротив Распятия он увидел райскую сферу и множество сияющих престолов. Один

из них был выше других и искрился самоцветами. И голос сказал ему: «Брат Пачифико, брат Пачифико, этот престол был Люциферов, а будет — смиренного Франциска».

Видение исчезло, и еще не пришедший в себя Пачифико приблизился к учителю и упал у его ног, как перед святым, сложив руки крестом на груди:

— Отец, отец, прости меня и моли Бога о мне.

Милосердно и мягко святой Франциск поднял его с колен. Брат Пачифико, все еще восхищенный в Боге, спросил его каким-то далеким голосом:

— Что ты о себе думаешь, брат?

— Ах, — отвечал без промедления Франциск, — мне кажется, что нет большего грешника на всем белом свете.

И Пачифико вновь услышал голос:

— Вот подтверждение виденного тобой. Место, что было отнято у Люцифера за его гордость, будет принадлежать этому человеку за его смирение.

Но в ожидании рая борьба предстояла жестокая и долгая.

Ужасным мукам подвергали его бесы однажды ночью в Риме, где он гостил у кардинала Леоне ди Санта Кроче, который был очень рад такому жильцу. Франциск занимал маленькую комнату, расположенную в уединенной башне. После мучительной ночи он сказал своему спутнику, брату Анджело Танкредо: «Быть может, Господь наказывает меня через палачей своих бесов за то, что пока я пользуюсь для удовольствия телесного гостеприимством монсиньора кардинала, одни мои братья ходят по миру, терпя голод и лишения, а другие живут в разрушенных обителях и в жалких хижинах. Уйдем отсюда, я не хочу подавать дурной пример. Другим будет легче нести свой крест, если они будут знать, что я страдаю, как они, и больше них». И они ушли.

Когда недуг вконец изнурял его, дьявол нашептывал: «Франциск, Франциск, Франциск, Бог прощает всех грешников, которые обращаются, но тот, кто убивает себя слишком строгим послушанием, не стяжает милосердия Господня вовек».

Так, разными средствами — нравственными нестроениями и физическими недомоганиями, соблазнительными мечтаниями, сомнениями, тревогами — его низшая воля противоборствовала его воле к святости, и в этой тесной стремнине Франциск страдал. Но гроза проходила, и он видел ее добрые плоды и даже замечал, что искушением испытываются цена и верность души, как войной испытывается солдат. А тот, кто не знает искушений — раб ненадежный, негодный к службе, побежденный до боя, которого Господь щадит, чтобы не подвергать риску смерти.

Франциск высказывал и более глубокую мысль: он говорил, что искушение — это обручальное кольцо, соединяющее душу с Богом. И в самом деле, союз с Богом приходит не в мире, а в борьбе, не когда мы считаем себя

хорошими, но когда наше ничтожество испытывается натиском инстинктов, и мы выходим победителями, когда любому удовольствию мы предпочитаем долг, а осязаемому удовлетворению — одобрение Незримого.

КРУГЛЫЙ СТОЛ УЖЕ БОЛЬШЕ НЕ КРУГЛЫЙ

Жестокой была внутренняя битва между земным «я» и духовным «я», но еще более тяжелой для мягкого сердца святого Франциска была внешняя битва за его идеалы. Количество рыцарей госпожи Бедности увеличилось с двенадцати (столько их было в Ривоторто) до нескольких тысяч, и все они не могли быть одного духа. Количество почти всегда понижает качество, численный рост ослабляет идею, а не укрепляет ее. И святой Франциск знал это. Когда он был еще на востоке с Пьетро Каттани, к нему, тайком от своих начальников, приехал из Италии один брат в миру. Он привез недобрые вести о положении в Ордене. Два викария позволили себе ужесточить правило Франциска о посте; брат Филипп испрашивал в Риме привилегии в защиту кларисс, группа братьев и мирян во главе с братом Джованни делла Каппелла, которые вовсе не хотели подчиняться руководству Франциска, решили основать новый Орден.

Все эти неприятные известия посыпались на святого, когда он готовился сесть за стол. Перед ним как раз оказалось мясное блюдо, а это противоречило новым предписаниям викариев его ордена, и Франциск спросил брата Пьетро со смирением, которое в ком-нибудь другом могло показаться иронией:

— Мессер Пьетро, что же нам делать?

— Ах, отец мой, — ответил добрый каноник, — будем делать то, что вы решите, потому что только вы властны приказывать, только вы — основатель Ордена.

— Ну раз так, — спокойно произнес святой Франциск, — подчинимся святому Евангелию и съедим то, что перед нами.

Он вернулся в Италию с братом Пьетро и братом Илией и обнаружил, что, действительно, многие братья изменили госпоже Бедности. В Болонье, где брат Бернардо оставил доброе семя своего смирения, другой брат, Пьетро да Стачча, рассудил, что и им, миноритам, подобает учиться, и принял в дар дом для студентов-богословов. Как только святой Франциск об этом узнал, он распорядился, чтобы все братья, включая больных, покинули дом, и только когда кардинал Уголино заявил, что дом принадлежит ему, Франциск разрешил им туда вернуться.

Неподалеку от Порциунколы, его любимой Порциунколы, викарий начал строить домик, в котором могли бы собираться братья для чтения

требника. Святой Франциск, услышав из кельи стук молотков, спросил, что это означает, а когда получил ответ, распорядился разрушить начатое здание, ибо не мог допустить, чтобы сама резиденция Бедности, жилище первой общины Ордена, призванное служить примером всем остальным, возводилось из камня и известки, в то время, как обиталищам братьев надлежало быть из дерева, из глины, из тростника — кельями, а не монастырскими зданиями.

Многие братья не соглашались с этим распоряжением учителя и в свою защиту говорили, что в этих местах построить хижину из дерева или из ивовых прутьев вовсе не дешевле, чем из камня, ведь дерево здесь дороже камня. Святой Франциск, чтобы не вступать в спор с теми, кто не хотел его понять, напоминал, что они должны, по крайней мере, принимать только в долг построенные для них церкви и пребывать в них только как гости, паломники и чужестранцы.

Удручал его и дух светской науки, то безудержное стремление к знаниям и книгам, которое все более распространялось среди братьев, тогда как сам он, чем более тяжкими становились его болезни, и чем выше он поднимался по пути к святости, тем меньше внимания он уделял чтению книг, пусть даже священных, дабы изучать Христа Распятого: он приходил к тому, что настоящее знание сродни простоте и приобретается в делах, а не в книгах.

Он не одобрял и некоторых излишеств в рационе братьев. Однажды на Пасху в обители Греччо был устроен небольшой пир в честь праздника и визита брата-министра¹. Когда святой Франциск немного позже других спустился из своей кельи, он увидел стол, накрытый белой скатертью и стеклянные бокалы. Войти он не стал, но вскоре сидящие за обедом братья услышали из-за приоткрытой двери жалобный голос:

— Ради Господа Бога нашего подайте милостыню бедному больному страннику.

Министр ответил:

— Брат, нас здесь немало и все мы тоже бедны, и живем подаянием. Но ради любви к Господу, к которой ты взываешь, мы тебе уделим часть собранной милостыни.

По завершении этого краткого слова странник вошел в трапезную, и братья сразу же узнали под плащем пилигрима своего учителя. Сконфуженный министр протянул ему свою миску и хлеб. Франциск сел у очага, поставил миску в золу и, прихлебывая, заговорил как бы сам с собою. Что же до братьев, то они уже не осмеливались открыть рот даже, чтобы доесть обед.

¹ Вторая после генерала Ордена ступень в иерархии Ордена.

— Ну вот, — говорил он, — теперь я сижу, как настоящий брат-минорит. Но когда я вижу накрытый и украшенный подобным образом стол, я не узнаю в нем стола нищих, которые ходят по домам, прося подаяния. Нам все же надлежит следовать примеру смирения и бедности Иисуса Христа, потому что к этому мы были призваны, что и исповедовали перед Богом и людьми. То же и с нашими столами: если братья приглашают нищего, нужно, чтобы он сидел на равных и рядом с ними, а не так, чтобы нищий располагался на земле, а братья — на высоком месте.

Так он вел себя с несогласными братьями всегда: смирение, добрый пример, проповедь конкретных дел, страдание. Он видел злоупотребления, но знал только один способ борьбы с ними: принимать их на себя, т. е. быть вдвойне строгим по отношению к себе, еще тверже соблюдать правило, еще больше каяться. Цель была двойная: искупление и воспитание. Обладая душой мистика и искателя приключений, испытывая нужду в преданности и тайно желая сочувствия, неся в сердце разрушительный дар поэта и скрывающую созерцательность, он не мог вводить в строгие рамки высвобождаемые им силы.

У него был талант поэта, но не было организаторских способностей, он имел волшебное чутье учителя, но не обладал энергией приора и аббата. Полная неспособность к подобным практическим делам увеличивалась и из-за его утонченной воспитанности, глубочайшего смирения, которое всегда диктовало ему искать не первое, а последнее место и не слишком полагаться на собственные силы, и, наконец, из-за болезней, все более частых и серьезных. Эти причины и побудили его в 1220 году отказаться от должности генерала Ордена на собрании капитула в Сан Микеле. Вместо себя он предложил Пьетро Каттани и сказал собравшейся братии: «Я теперь для вас умер, но вот наш брат Пьетро Каттани, и все мы должны ему подчиняться».

И первым преклонил перед ним колени и обещал слушаться и почтить. Затем святой Франциск встал и поручил заботам Господа свое монашеское семейство. Братья плакали, словно этот уход означал близкую смерть учителя. Действительно, Франциск хотел умереть для власти еще до гроба, но эта добровольная смерть созидалась отчасти и усилиями его непослушных братьев, и в этом ее подспудный драматический смысл.

Одному из братьев, который сокрушался о его отречении, он сказал: «Сын мой, я люблю братьев, как могу, но, если бы они следовали за мною, я возлюбил бы их еще больше и не отошел бы от них».

Впрочем, он никогда не гневался на тех, кто ему противоречил или обижал его: он молился и забывал. Бывало и так, сознавая свое истинное значение и преданность огромного числа братьев, оставшихся верными госпоже Бедности, он ощущал собственное могущество: «Если бы я захотел,

Господь заставил бы всех братьев бояться меня так, как не боятся ни одного власть имущего на свете!»

«Если бы я захотел!» Но он не хотел этого. Он предпочитал оставаться «меньшим». Человеколюбие и святость сорботали его желанию быть «меньшим», давая ему и муку и радость.

А тем временем его Круглый Стол разделялся на два крыла, правое и левое, гвардию защитников госпожи Бедности и паладинов здравого смысла, безумцев и мудрецов. В глубине души блаженный Франциск стоял на стороне безумцев.

РЫЦАРИ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Но все братья его Ордена были одновременно и львами, и овцами Господними. Для Франциска идеал рыцаря совмещал наибольшую силу с наивысшей мягкостью, но в реальной жизни его окружали совсем другие люди. С 1212 года заметной фигурой среди его последователей стал Илия Бомбароне из Бевилю, что рядом с Ассизи, сын болонского купца. Из обойщика и детского учителя Псалтыри ему удалось, благодаря способностям, стать студентом Болонского университета — перед тем, как войти в Орден. Здесь он с самого начала обнаружил немалую энергию, умение разбираться в практических вопросах, широту и конструктивность суждений. Все это понравилось святому Франциску, ведь он всегда был готов восхищаться достоинствами других людей, особенно теми, которых не находил в себе, и вот в 1217 году брат Илия Бомбароне назначается главой экспедиции в Святую Землю. В 1221 году умирает Пьетро Каттани, безупречный и верный рыцарь первого часа, пожилой каноник, которого святой Франциск всегда из уважения называл «мессер» и который сохранил к своему молодому наставнику почтительное отношение сына. Брат Илия избирается генералом Ордена именно потому, что Франциск признавал за ним дар руководителя.

Брат Илия очень любил учителя, но рядом с ним он всегда был, как человек рядом со святым. Франциск жил верой, Илия разумом; Франциск хотел завоевывать людей одною любовью, Илия — грандиозными свершениями и великолепными богослужениями, которые должны были поражать воображение; Франциск рассчитывал всегда только на промысел Господень, Илия — и на собственные силы; Франциск внутренним зрением проникал в души и события и решал все вопросы, исходя из вечных критериев и не заботясь о земных последствиях, как например, это было с первыми миссиями за границу, окончившимися полным провалом, хотя сама идея этих миссий просто гениальна; Илия видел мирян и братьев

такими, какими они представляли в данный конкретный миг и не удовлетворялся исключительно сверхъестественными решениями.

Здравый смысл сразу же помог ему распознать трудности, вставшие на пути к совершенной бедности, к которой стремился Франциск. Так Илия оказался на стороне братьев-раскольников. Большинство из них было министрами (т. е. главами общин и провинций, уже по своему положению принимающими участие в борьбе и облеченными ответственностью). Все они выступали против братьев, абсолютно верных духу наставника сверх всякого «разумения человеческого».

Представители каждого крыла имелись везде, где были минориты. Примирить их было очень нелегко, поскольку наиболее ревностные сторонники той или иной точки зрения отстаивали свою непогрешимость с таким фанатизмом, что не боялись даже восставать против гвардианов². Брат Илия спросил у святого Франциска, как должно поступать с непослушными братьями, и святой Франциск ответил письмом, которое нельзя перечитывать без волнения, потому что лучше всякого документа оно свидетельствует о том, как святой умел любить и насколько его сердце было близко к сердцу Христову.

В начале послания Франциск говорит, что Илии надлежит радоваться неприятностям и благодарить Бога за посылаемые удары, откуда бы они не исходили, как за знак особого благоволения. Далее он пишет: «Люби тех, кто так с тобою поступает и не жалеет для них ничего, кроме того, что Господь даст тебе, и люби этих христиан именно с желанием, чтобы они стали добрее. Пусть это для твоего сердца будет важнее, чем сама жизнь отшельническая. Как раз по этому признаку я хочу узнать, любишь ли ты Господа и меня, раба Его и твоего, т. е. сделаешь ли так, что не будет на свете брата, согрешившего самыми страшными прегрешениями, который бы увидев твои глаза и испросив у тебя прощения за эти прегрешения, ушел и не получил его. И даже, если он не просит о прощении, ты сам спроси у него, хочет ли он быть прощенным. И если потом он придет к тебе еще тысячу раз, люби его больше, чем меня, дабы приблизить его к Богу, и всегда жалеет его».

Педагогика наказания не знает более глубокой страницы, чем эта. И все же, несмотря на эту величайшую доброту, несмотря на эту любовь, которой светились его глаза при виде покаяния и которая побуждала его раскрыть объятия и предложить грешникам неиспрошенное ими прощение, — несмотря на все это, его правило казалось многим слишком строгим. Когда стало известно, что он удалился в скит Фонте Коломбо с братьями Леоне и Боницио, чтобы составить новое правило, большая группа министров

² Низшая иерархическая ступень в организации Ордена.

явилась к брату Илии, верховному викарию. Они заявили: «Мы слышали, что сей отец Франциск пишет новое правило. Мы опасаемся, что он его сделает слишком суровым, и мы не сможем его соблюдать. И поэтому мы хотим, чтобы ты к нему пошел и сказал, что мы не хотим подчиняться этому правилу, и чтобы он его составлял для себя, а не для нас».

Брат Илия ответил, что один он не пойдет, и тогда все они отправились в Фонте Коломбо. «Чего хотят эти братья?» — спросил святой Франциск, когда они позвали его. И брат Илия ответил без особых церемоний: «Эти министры узнали, что ты пишешь новое правило и боятся, как бы ты не сделал его слишком суровым. Они говорят и свидетельствуют, что не хотят быть обязанными соблюдать его, и что ты волен составлять его для себя, но не для них».

Святой Франциск был само смирение, но при этом нападении в нем всколыхнулось его боговдохновенное «я», и, подняв глаза к небу, он призвал своего Вдохновителя и Защитника криком, в котором запечатлелась вся боль от того, что ему не поверили: «Господи, разве я не говорил Тебе, что они мне не поверят?» Казалось, голос ответил с небес: «Ничего нет твоего, Франциск, в правиле, все там Мое, и Я хочу, чтобы оно соблюдалось буквально, буквально, без поправок, без поправок, без поправок».

Рыцари здравого смысла поняли, что с героизмом не спорят, и что правило божественно героическое. Или следовать ему, или выходить из Ордена!

Они понимали это там, находясь под влиянием личности святого Франциска, но, когда оказались далеко, человеческая слабость, под грузом практических сложностей, потянула их вниз. И вот что произошло. Правило, надиктованное в скиту в коротких перерывах между молитвами при соблюдении поста на хлебе и воде, было доверено брату Илии, но когда через несколько дней святой Франциск попросил правило, генерал Ордена ответил, ничтоже сумняшеся, что потерял его!

Здравый смысл порой допускает такие небрежности.

МУЧЕНИЧЕСТВО ВОЛИ

Оппозиция в Ордене состояла из самых образованных братьев, которые, привлекая для своих рассуждений логику, более других были склонны находить в учении Франциска слабости человеческого плана. Но они не замечали, что, идя до конца по этому пути, неизбежно придут к полному отрицанию критикуемого учения, поскольку оно вовсе было лишено логики в привычном для мира сего понимании.

Эти ученые братья со времен Собора соломенных хижин просили кардинала Уголино, чтобы он убедил Франциска прислушаться к их советам,

подчиниться их руководству и немного изучить правила св. Бенедикта, бл. Августина, св. Бернарда. Не слишком ли самонадеянно он полагался только на личное вдохновение?

По этому поводу кардинал с почтением нанес визит своему любимцу. Тот ничего не отвечая, взял его за руку и с импульсивностью, которая была ему свойственна от природы (он мог отдаваться ей, ибо его дух никогда не отрывался от Бога), подвел высокого гостя к братьям, собравшимся на капитул. Затем святой Франциск заговорил: «Братья мои, братья мои, Господь позвал меня на путь простоты и смирения, и этот путь Он воистину показал мне самому и тем, кто хочет верить и подражать мне. Не говорите мне ни о каком правиле, ни св. Бенедикта, ни св. Августина, ни св. Бернарда, ни о какой-то жизни или образе жизни, кроме того, который Господь в Своем милосердии показал и даровал мне. И сказал мне Господь, чтобы я стал новым союзом в этом мире, и не восхотел вести нас по иному пути, кроме пути такой науки».

В глубине души наряду с человеческой деликатностью и смирением святого, зрела и становилась все более крепкой и прекрасной, как алмаз, его уверенность в своей миссии. Когда же эта миссия ставилась под сомнение, он находил в себе силы вновь вставать, словно вдохновляемый самим Богом. Людям он не уступил бы и малой толики прав госпожи Бедности, но когда Церковь в лице кардинала Уголино дала ему понять, что было бы разумно несколько смягчить строгость предписаний, он склонил голову и позволил, чтобы из окончательного варианта правила, составленного в 1223 году и одобренного папой Гонорием III, был исключен тот стих Евангелия, который был откровением, основанием, опорой всей его жизни: «Ничего не берите с собою, ни золота, ни серебра, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха».

Где ты, далекий февральский рассвет, когда Евангелие Порциунколы слушали, как глас Божий? Тогда, в церкви Сан Николо, вместе с Бернардо да Квинтавалле и Пьетро Каттани они читали наугад из Евангелия, чтобы заложить фундамент нового Ордена. И ведь первые ученики следовали каждому его слову, и не было недовольных за маленьким Круглым Столом в Ривоторто. Что ж, теперь время героев миновало, и его дети говорят, что тот идеал был безумием. Может быть, никогда не приходилось основателю Ордена пить чашу, горшучу, чем эта.

Его идеалу подрезали крылья, и святой Франциск нашел прибежище в своей самой надежной крепости, Господе, и в Господе он обрел уверенность в святости, небесном заступничестве и бессмертии Ордена. Теперь он считал, что может приносить пользу братьям только примером и молитвой, а слово и прямое руководство должны оставаться в прошлом. Левое крыло Круглого Стола способствовало ослаблению его тесной внутренней связи с

братьями. Дух несогласия, который он ощущал или предчувствовал на монашеских собраниях, усиливал в нем внутреннюю дрожь и готовность понести побои: именно эти чувства, продиктованные натурой и смирением, он испытывал, прежде чем заговорить. Но он не замечал, что обаяние его личности уничтожает все раздоры, что эта тайная боязнь враждебного отношения освещает его лицо детской робостью, столь редкой даже у истинно добрых людей и придающей его совершенству особую прелесть. Впрочем, все это наблюдали другие; у него в душе оставалась боль.

Если кто-нибудь из братьев говорил ему, что он должен вернуться к руководству Орденом, святой Франциск отвечал: «Братья имеют правило, они поклялись соблюдать его, и я, как и они, поклялся его соблюдать. Так что они знают, что должны делать и чего должны избегать, а мне остается только наставлять их делами».

Так он отходил от своего детища, а поскольку его идеи кристаллизировались в правиле, он подчинялся правилу, как высшей воле, к которой собственная воля уже не имеет никакого отношения.

С другой стороны, министры и другие раскольники выполняли свою особую роль, отстаивая права здравого смысла. Противодействие, угнетающее душу святого Франциска, было необходимо, чтобы придать историческую значимость идеалу, который в ином случае мог промелькнуть, не оставив следа. И если его идеал выжил, несмотря на сопротивление, если, более того, он приновился к противодействию, в результате чего явился на свет шедевр человеколюбия и святости — правило миноритов, — то произошло это благодаря мученичеству воли, которое святой Франциск претерпел, прежде чем заслужить стигматы.

СКОРБЬ СВЯТОГО

Разногласия среди братьев и расслоение идеала были источником скорби, возвышенной скорби, но святой Франциск терпел ее, не сосредотачиваясь на ней и даже отбрасывая ее с помощью Божьей. Однако в иную скорбь он углублялся непрестанно: это было покаяние в совершенных грехах и во всех, даже крошечных недостатках, в коих он себя уличал. Неверность Богу страшно удручала его.

Но покаяние само по себе не исчерпывало его способности к страданию, ибо, в конечном счете, немощи свои, как и все прочее, Франциск отдавал полностью во власть милосердия Божьего. Не было в нем жалости к себе, свойственной людям, которые молясь, думают всегда только о себе, и уповают на то, чтобы ощутить прощение, мир и особое расположение Вышнего.

Другая скорбь заполняла его с тех пор, как Распятый говорил с ним в Сан Дамиано. Эту скорбь очень немногие могут понять: мало кому удается освободиться от самого себя, мало кто живет верой и переживает Евангелие, как живую реальность. Речь идет о скорби по страстям Христовым. Святой Франциск о них размышлял непрестанно и испытывал такую боль, что хотел стать Им, пострадать, как Он, а поскольку сделать этого не мог, пытался подражать ему в смирении, терпении, любви к ближнему. Мысль о Распятом, его главная мысль, заставляла его плакать открыто, так обильно, что он выходил из усиленной молитвы с распухшими и окровавленными глазами. Когда в ходе лечения болезни, принесенной из Святой Земли, врач запретил ему плакать, святой Франциск сказал: «Зрением обладают и люди, и мошки, но мы — люди и не должны терять способность видеть свет вечный. Зрение не дается духу для пользы телесной, напротив, оно дано телу силой духа и для пользы духовной. Я бы желал скорее потерять глаза телесные, чем воздержаться от плача, ибо плач очищает око духовное и позволяет ему лицезреть Господа».

Это был плач любви к Богу, это была скорбь по скорби Христовой. Как же пришел он к этой скорби, которую нам так трудно осмыслить? Подчиняя и почти уничтожая все эгоистические чувства, даже те, что заслуживают оправдания, творение помогало ему убеждаться в доброте Бога и Его особой нежности к нему, потому что прекрасные вещи свидетельствовали: «Господь тебя любит», а неприятные вещи вопрошали: «А ты любишь Гопода? Если любишь Его, сумей потерпеть нас, мы здесь, чтобы тебя испытывать». Но, главное, его привело к этой необычайной скорби то, что он желал и просил любви Божьей. Святой Франциск осознавал все величие дара любви Божьей настолько глубоко, что менялся в лице, когда об этом даре при нем заговаривали, и о чем бы его не попросили во имя той любви, он тут же выполнял просьбу. Гнаться за призрачным счастьем, принимая видимое благо за абсолютное, — мучительный удел всех людей; чувствовать больше, чем можно выразить — мучительный удел поэта; гореть желанием стать совершенным и познать Бога — мучительный удел святого; любить, не будучи любимым — мучительный удел Христа.

Как истинно любящий человек, святой Франциск хотел страдать страданиями любимого.

Святой Франциск особо почитал св. Михаила Архангела, и в его честь он соблюдал особый пост, сопровождаемый молитвой, с пятнадцатого августа до двадцать девятого сентября, на которое и приходится праздник св. Михаила Архангела. В 1224 году, когда, постоянно продвигаясь вперед по пути святости, он достиг такой высоты, что его тело и душа жили только с Богом, и величайшая скорбь для него отождествлялась с совершенной радостью, когда, устранившись даже от дел Ордена, он думал уже лишь о подготовке к смерти, он решил провести праздник Успения и пост св. Михаила на Верне, дикой горе, подаренной благочестивым графом Орландо. Он избрал трех спутников: брата Массео, брата Анджело и брата Лео-не; назначил гвардианом и старшим брата Массео, самого сведущего в практических делах, и сказал: «В этом походе мы будем соблюдать обычай, т. е. читать положенные молитвы, говорить о Боге или хранить молчание, и не будем думать о еде, питье и сне. И только когда придет время позаботиться о ночлеге, мы вкусим немного хлеба, остановимся и отдохнем в том месте, которое Господь для нас приготовит».

Братья, привыкшие к такого рода путешествиям, приняли предложение учителя, перекрестились и отправились в путь. В первый вечер все было хорошо, они нашли приют в обители у братьев, но во второй они, усталые и голодные, попали под дождь и укрылись в заброшенной церкви. Здесь трое братьев сразу же уснули, но наставник продолжал бодрствовать. Бесы мучали его самыми разнообразными искушениями и скорбями, а он стойко переносил это нападение и благодарил Бога, потому что считал, что Господь показывает Свое особое благоволение, когда хорошенько наказывает Своего раба в этом мире, дабы он не понес наказания в мире ином.

На рассвете Франциск вышел из церкви, зашел в лес и погрузился в молитву. Он искал Господа Иисуса Христа и обращался к нему из глубины сердца — то как к судье, то как к отцу, то как к другу. Спутники святого, проснувшись, услышали, как он плачет о страстях Христовых и горячо молится о грешниках. Все больше братья убеждались в том, что душа наставника живет намного ближе к невидимому Богу, чем к ним.

Тропинка, ведущая вверх, становилась все круче и извилистей, и святой Франциск падал от слабости. Они нашли для него осла, которого привел горец, с душою очерствевшей, как его скалы. По дороге, отчасти от тяжелого подъема, отчасти из-за жары, горца охватила безумная жажда, и он запричитал, что умрет, если не напьется. Святой Франциск, который не мог спокойно видеть даже страданий паука, слез с осла, встал на колени, простер руки к небу и не сдвинулся с места, пока не почувствовал снизошедшей благодати. Тогда он сказал горцу: «Беги вниз, к той скале, и там

найдешь воду живую, которую Господь, по милосердию Своему, исторг из камня». Жаждающий горец побежал вниз и, окуная губы в ключевую воду, почувствовал, как иная волна омывает его душу. Это была благодать Божья и доброта святого Франциска, доброта, исторгающая слезы из каменных сердец.

Недалеко от вершины святой Франциск захотел немного отдохнуть под большим дубом. Он смотрел на ветви дерева, черные на фоне густой листвы, на прекрасный вид далеко внизу, с души его спадала тяжесть, и вот, множество самых различных птиц прилетело к нему. Они садились ему на голову, на руки, на плечи, на живот, на ноги, щебеча, пища, свистя и чирикавая, словно решили устроить ему настоящий праздник. «Ты посмотри, ты посмотри только!» — повторяли братья, повторял проводник. Святой Франциск, весь светящийся радостью от такого проявления любви пернатых друзей, заметил: «Дорогие мои братья, думаю, что Господу нашему Иисусу Христу угодно, чтобы мы поселились на этой уединенной горе, потому что наши сестрицы птицы так радуются нашему приходу».

Впрочем, не только птицам захотелось поприветствовать святого. На следующий же день после того, как добрая весть о восхождении на Верну незабываемого отца Франциска с тремя товарищами достигла ушей графа Орlando, он со своими оруженосцами и крестьянами отправился из замка на гору с хорошим запасом провизии. Когда он достиг вершины, братья пребывали в молитве. Святой Франциск встал и пошел навстречу гостям с той сердечной и благородной радостью, которую близость Бога с каждым днем делала все привлекательнее, и поблагодарил графа за дарованную гору, столь подходящую для молитвы, за посещение и за еду. Граф Орlando достал бы звезду с неба, чтобы только его дорогому отцу Франциску было удобнее и уютнее, но святой ни в чем не нуждался, он попросил лишь построить для него келейку у прекрасного бука, стоящего невдалеке от хижины братьев. Келья была ему нужна для уединенной молитвы.

Люди графа незамедлительно возвели ее, а затем, поскольку гостям пора было собираться в обратный путь, святой Франциск обратился к ним с короткой проповедью и благословил их. Смеркалось, путь предстоял далекий, а мессер Орlando все никак не мог оторваться от любимого отца. Но в конце концов он понял, что пришло время уходить, и на прощание сказал: «Братья мои дорогие, я не хочу, чтобы на этой дикой горе земные заботы отвлекали вас от дел духовных, и поэтому прошу сейчас раз и навсегда, чтобы вы посылали ко мне, как только будете иметь нужду в чем-либо, а если вы поступите иначе, мне будет очень тяжело».

Граф и его спутники спускались с горы, обмениваясь впечатлениями о праведности братьев, а Франциск, тем временем, собрал троих любимых чад для беседы. Его тоже взволновали эти дары Провидения, и он предостерегал

братьев от измены госпоже Бедности, ибо только в награду за их верность идеалу бедности мир предстал щедрым. Напоследок он сказал: «Я вижу, что скоро умру, и хочу собраться с мыслями и оплакать перед Богом свои грехи. Брат Леоне, когда сочтет нужным, будет приносить мне немного хлеба и воды. Не пускайте ко мне ни одного мирянина, что бы его сюда ни привело. Отвечайте вы вместо меня».

Затем он благословил их и удалился в келью под буком.

НАЧИНАЕТСЯ ПОСТ СВ. МИХАИЛА АРХАНГЕЛА

По прошествии праздника Успения святой Франциск, словно предчувствуя такую степень близости к Богу, которая не терпит никакого отвращения, стал искать еще более уединенного и укрытого места, чтобы провести там пост св. Михаила Архангела подобно тому, как птица, побуждаемая инстинктом, ищет для своего гнезда любви самые отвесные скаты крыш, самые укромные отверстия, самые густые и высокие ветви.

Он выбрал место на горе, глядящее на полдень, столь далекое от хижины братьев, что голос брата Леоне, даже если тот кричал громко, сюда не долетал. Добраться до того места можно было только перебросив мостик через устрашающе глубокую расщелину. В этом пустынном месте, где никто не мог его увидеть или услышать, Франциску, по его просьбе, выстроили келью.

Затем он попрощался с братьями: «Не приходите и не пускайте ко мне никого. Ты же, брат Леоне, будешь приходить один раз в день, не чаще, и приносить немного хлеба и воды; в другой раз приходи ночью, в час начала заутрени. Когда подойдешь к мостику, скажи: «Domine, labia mea aperies»³, и если я отвечу тебе другими словами псалма, перебирайся через мостик, заходи в келью, и мы прочитаем вместе утренние молитвы. Если не услышишь в ответ ничего, тут же возвращайся назад». Он благословил их и остался один.

Но одиночество не было исполнено сладости. В начале присутствие Бога не ощущалось, а вот нечистый навевался со своими страшными призраками и странными опасными выходками. Однажды, когда Франциск стоял на молитве рядом с ужасной пропастью, ему показалось, что кто-то подтолкнул его вниз. Скала была совершенно гладкая, и он не знал за что зацепиться, но, действуя наудачу и поручив себя Господу, он прижался руками, лицом и всем телом к камню, и камень расступился, словно был из воска, и принял его в себя, так, что Франциск оказался как бы в нише. Так он спасся.

³ Господи, уста мои отверзи.

Но иные горести не давали ему покоя. Долгими часами, за которые не раз сладость молитвы оборачивалась тоской, он думал не столько о мире юности, сколько о том религиозном сообществе, которое он создал и теперь оставлял; он вспоминал о своем Круглом Столе, что перестал быть круглым, о новых рыцарях, которые не верили госпоже Бедности, размышлял о том, что станет с Орденом, когда его личное влияние прекратится. «Господи, — молился святой Франциск, — что же будет после моей смерти с Твоей бедной семьей, заботу о которой Ты в Своей благодати поручил мне, грешному? Кто утешит их? Кто защитит? Кто о них будет молиться?»

Господь послал ему в утешение ангела с чудесными вестями о будущем Ордена, которому не суждено исчезнуть до самого Судного дня, и в котором никогда не переведутся монахи святой жизни. (Так говорят «Цветочки»).

Шли дни, ослабевшее от поста тело и душа, уставшая от раздумий и плача, требовали хотя бы небольшого отдыха, и святой Франциск стал молитвенно размышлять о рае, бесконечной славе и ликовании блаженных. Он умолял Бога показать ему хотя бы краешек этого блаженства. И тогда в солнечном ореоле ему явился ангел. В левой руке он держал скрипку, в правой — смычок. Святой Франциск в изумлении смотрел на него, и ангел один раз провел смычком по струнам, один единственный раз. Это была одна нота, но настолько божественная, что Франциск на время утратил способность что-либо ощущать в этом мире. Если бы ангел сделал еще одно движение смычком, душа святого отделилась бы от тела из-за невыносимой сладости, ведь мы, люди, так устроены, что, невероятно стойко перенося любую боль, от удовольствия сразу же размягчаемся и ломаемся.

Кроме таких сверхъестественных утешений, Франциск получал и самые обыкновенные: к нему прилетали птицы, особенно часто — сокол, у которого было гнездо рядом с кельей. Каждое утро на рассвете сокол пел и стучался крыльями в дверь кельи: так он будил святого.

А когда святой Франциск чувствовал себя плохо или не спал, сокол будил его позже, словно знал, что ему необходим более продолжительный отдых. Так высшие и низшие создания славили человека, которому суждено было получить от Господа величайший знак любви.

ГОСПОДЬ ПРОСИТ У БЛАЖЕННОГО ФРАНЦИСКА ТРИ ДАРА

В поисках высшего блага прошли бурные дни и бесплодные, и вот настал благословенный миг: Франциск нашел золотую жилу созерцания в двух вопросах, которые не дают покоя философам во всем мире, которым мучается и будет мучиться всякий рассуждающий ум, которые представляют

собой два предела, непреодолимых для нашей мысли и нашего поведения: «Кто ты, Господи, и кто я?»

Стоя на коленях посреди утесов и деревьев, воздев лицо и руки к небу, святой Франциск вопрошал: «Кто Ты, сладчайший Господь и Бог мой? Кто я, презренный червь и никчемный раб Твой?»

И Господь, ответа Которого не могут дожидаться многие гордые философы, ответил смиренному Франциску в лесной тишине Верны, ответил не по рассуждению (ибо рассуждение — удел человека), но по озарению. Всевышний осветил для Франциска ярчайшим факелом бездну божественного величия и скорбный провал человеческого ничтожества. Потом факел остановился, увеличился, принял форму неопалимой купины, явившейся Моисею, и из этого пламени был глас Господень к Франциску: «Я хочу получить от тебя три дара».

Три дара? Три вещи? Да оставались ли они еще у него, бедняка, три вещи? Может быть, да, как раз три и оставались, но что в них Господу? Однако он ответил без промедления с детской простотой: «Господь мой, я весь Твой; Ты ведь знаешь, что у меня есть только веревка, ряса и исподнее, и все это тоже Твое. Что же могу я предложить или подарить Твоему Величию?»

Добрый Господь, должно быть, рассмеялся в кусте горящем: Франциск не знал, какими богатствами владел. Божественный голос продолжал: «Поищи у себя в подоле и подари мне то, что найдешь».

Святой посмотрел туда и нашел три золотых шарика, и все три отдал Господу, который объяснил, что они означают три добродетели, послушание, нищету и целомудрие, и что он, Франциск, обладает ими полностью.

Пока блаженный Франциск беседовал с Богом, брат Леоне, как обычно, в час начала заутрени подошел к мостику над пропастью и произнес: «Domine, labia mea aperies». Наставник, восхищенный в Боге, ничего не отвечал. Тогда брат Леоне нарушил приказание учителя и перешел мостик, потому что боялся, что наставнику плохо или что с ним случилось какое-то несчастье. Брат Леоне вошел в келью: она была пуста. Он искал тщательно, среди деревьев при свете луны, и в конце концов обнаружил Франциска, объятых восторгом, и услышал вопрос «Кто Ты и кто я?», и увидел как бы ярчайший факел над головой, и как он берет что-то три раза из подола рясы и протягивает кому-то, и как пламя, вращаясь поднимается к небу. Брат Леоне в радости от созерцания таких чудес тихо-тихо возвращался к себе в келью, но святой Франциск услышал шорох листьев у него под ногами и велел ему остановиться. Брат Леоне повиновался, но скорее хотел бы провалиться сквозь землю, чем ждать, пока подойдет святой Франциск, ведь он предполагал, что учитель сердится на его непослушание. А вся-то

его забота была в том, чтобы проследить за действиями наставника незаметно и так не потерять его доверие и возможность с ним общаться. Бедный брат Леоне, чрезмерная любовь не позволяла ему понять сердце святого Франциска.

— Кто ты? — спросил святой Франциск. Темнота, слезы, молитвенный экстаз, который еще не вполне оставил его, — все это почти лишило его зрения.

Молоденький брат, весь дрожа, отвечал:

— Я — брат Леоне, отец мой.

По голосу святой Франциск понял, в каком ужасном смятении его любимый ученик, и сразу же ободрил его, назвав по имени, которое сам ему дал:

— Зачем ты пришел сюда, брат-овечка? Разве я не сказал тебе, чтобы ты не следил за мною? Скажи мне ради святого послушания, видел ли ты и слышал ли ты что-нибудь?

Брат Леоне рассказал обо всем, что видел и слышал, а потом на коленях попросил прощения, плача о своем непослушании. Затем он спросил учителя, в чем же скрытый смысл этого видения. Святой Франциск рассудил, что Господь уже наполовину открыл брату Леоне его тайну, и поверил ему все остальное, и от этого доверия хорошо стало на душе и у учителя, и у ученика.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

С первых дней пребывания на Верне святого Франциска поражали громадные расщелины в плоти горы. Но в молитве ему открылось, что эти гигантские раны в скалах и судорожные разломы в камнях образовались во время страстей Христовых, когда, по Евангелию, «камни расселись». Это откровение глубоко взволновало святого Франциска. Он еще не знал, что этой горе, расколовшейся в миг смерти Богочеловека, было суждено стать горой мистического распятия избранника Божия — его самого, но он решил пребывать здесь в самом строгом уединении, ибо полагал постыдным, чтобы его сердце оставалось безразличным там, где даже скалы рассекались в сомучении Христу.

Мысль о страстях все более овладевала им по мере приближения четырнадцатого сентября, праздника Креста Господня. Неясное предчувствие говорило ему, что некая тайна должна свершиться, и он сказал об этом брату Леоне: «Позаботься обо мне, ибо через несколько дней Господь сотворит дела столь великие и чудесные на этой горе, что весь мир придет в изумление».

Внезапно он вновь оказался во власти того предощущения величия, которое заставляло его предаваться грезам в юности и вело его с одной вершины на другую: с земной вершины благородства и дружеских пирушек на вершину покаяния, а оттуда — на вершину апостольского служения. А куда же теперь хотел привести его Господь? Чего Он добивался от него? Что еще ему оставалось совершить? Он ощущал в себе готовность перенести любую пытку, лишь бы исполнить волю небесного Отца. Но в чем же была эта воля? Как и семнадцать лет назад в Ассизи, Франциск задал свой вопрос Евангелию.

Пока брат Леоне служил Заутреню, и его голос сливался с щебетом птиц, святой встал на колени в своей келейке, помолился, а потом попросил друга и духовника взять в свои посвященные Богу руки Евангелие и раскрыть его во имя пресвятой Троицы. В первый раз ему выпала глава о страстях Христовых, во второй раз книга раскрылась на том же месте. Это же повторилось и в третий раз. Воля Господня была совершенно ясна: во всех делах своей жизни он следовал за Христом, теперь ему надлежало пойти за Ним на Голгофу и соединиться с Ним в страстях перед тем, как умереть. Итак, он должен был подготовиться к страданию: вот высочайшая вершина, слава, превосходящая всякую иную славу. В этой мысли его утвердило явление ангела, который озарил своим светом его келью тринадцатого сентября. Ангел сказал: «Я послан тебе в утешение, чтобы ты приготовился со смирением и с терпением принять то, что Господь от тебя захочет».

«Я готов», — ответил святой Франциск.

СОВЕРШЕННАЯ СКОРБЬ

Было раннее утро четырнадцатого сентября, праздника Воздвижения Креста Господня. Святой Франциск молился с каким-то новым пылом, как в молодости, когда он ожидал чего-то очень важного. Он всегда бесконечно любил крест Господень, начертал его на своей накидке, когда отказался от отца и от мира, запечатлел его в сердце и распял себя покаянием. Но всего этого ему не было достаточно. В этот час последней чистоты уже нельзя было найти в мире сем достаточного основания для скорби, и святой молился так: «О, Господь мой, Иисус Христос, о двух милостях прошу тебя перед смертью: первая — почувствовать душою и телом, насколько это возможно, ту скорбь, которую Ты, сладчайший Иисус, претерпел в час Твоей лютой страсти; вторая — ощутить сердцем, насколько возможно, ту необычайную любовь, которою так горела твоя душа, что Ты по Своей воле принял столь страшные муки за нас, грешных».

Истинная любовь приносит любящим такое полное взаимопроникновение тела и духа, что позволяет страдать от одних и тех же невзгод и наслаждаться одними и теми же радостями, словно двое — одно существо. Особенно это касается страданий другого. Можно отказаться разделять удовольствия, но не скорби любимого.

Святой Франциск просил о том, чтобы любить и страдать, как Господь, а поскольку он не представлял себе любви без действия и страдания, после того, как он пошел за Христом, после того, как он воссоздал в своих ощущениях Рождество, ему оставалось воссоздать в ощущениях Распятие. И столь горячо он желал этого, и столь пылал этой мыслью, что Господь разделил с ним, как с другом, всю Свою любовь и всю Свою скорбь: Он распял его, как Сам был распят. Из глубины ослепительно сияющих небес к Франциску спустился серафим о шести огненных крыльях. Два крыла соединялись на голове и простирались вниз, два других покрывали все тело, и еще два были раскрыты в полете. И в этой божественной птице молнией блистал Иисус. Святой созерцал необыкновенное явление, и в его сердце поднимались вместе счастье от лицезрения Господа и скорбь от того, что он видел Его распятым. Тем временем чудесный жар снесдал его душу и проникал в тело, отзываясь острой пульсирующей болью в ногах, руках, ребрах, и голос говорил ему: «Знаешь ли ты, что Я с тобой сделал? Я даровал тебе стигматы, зримые знаки Моей страстей, дабы ты был Моим хоругвеносцем».

Крылатый серафим исчез, ушла боль.

Прошло немало времени, прежде чем святой Франциск пришел в себя и почувствовал, что его руки мокры, а из-под ребер с левой стороны груди стекает горячая струйка. Он посмотрел: это была кровь. Он попытался встать — но не удержался на ногах. Он сидел на земле, и деревья приветливо простирали над ним густую зеленую корону. Он посмотрел на руки, на ноги и увидел, что они пронзены гвоздями, черными, будто из железа, с большими круглыми шляпками, вколоченными в ладони и ступни. Он распахнул рясу и оглядел левую сторону груди, где боль проникала в самое сердце, и нашел там рану, словно от удара копьем, открытую, красную и кровоточащую. Это и были стигматы, о которых говорил серафим. Значит его мольбы были услышаны! Любовь превратила его в Любимого, потому что человек становится тем, кого любит.

Пока продолжалось явление серафима Франциску, сверкающий свет озарял вершину Верны и освещал горы и долины далеко вокруг. Пастухи у своих стад недоумевали, что же это за сияние там, наверху, не похожее на пожар. Погонщики мулов, которые по дороге в Романью ночевали в домах на берегу, увидели в окнах свет и решили, что настал день, запрягли и нагрузили своих животных. Каково же было их изумление, когда уже

проехав какое-то расстояние, они увидели, как эта необычайно яркая заря погасла, и настоящий коралловый рассвет занимается на востоке.

Гора пылала духовным огнем, отблеском великого чуда.

Но святой Франциск этого не заметил.

ПЕЧАЛЬ БРАТА ЛЕОНЕ

Святой Франциск угасал и облик его преображался в этом испытании любви к Богу. Он хотел бы скрыть ниспосланное испытание, потому что в своем смирении он почти боялся открыть всем необыкновенное чудо, но разве это было возможно, если кровь из раны оставляла следы на рясе, если ноги не выдерживали ни соприкосновения с землей, ни веса тела?

Ему пришлось заговорить. Он собрал троих верных братьев и рассказал им о чуде, но без всяких подробностей, словно оно произошло с другим человеком. Когда же один из братьев напомнил, что Господь одаряет его милостями не только ради него самого, но и для назидания другим людям, Франциск поведал подробнее о чуде четырнадцатого сентября и открыл часть откровений серафима: обещание, что после смерти он сможет каждый год, в день собственной кончины, спускаться в чистилище, как Иисус спускался в лимб, и забирать оттуда души братьев трех его Орденов и души преданных ему людей. Братья слушали, и благоговейное почтение перерастало почти в преклонение. Брату Леоне, самому чистому, самому простому, самому верному выпала честь и счастье ухаживать за ним. Только ему святой Франциск разрешил рассматривать и перевязывать раны, только он смывал кровь, накладывал чистые тряпочки с корпией, менял каждый день безыскусные повязки на ранах, чтобы поднять на ноги мученика, который телом сильно страдал.

Впрочем, с вечера четверга до утра субботы святой Франциск не желал смягчать боль каким бы то ни было лечением — в память о страстях Христовых; и это несмотря на то, что за два дня, пока повязка не менялась, она настолько пропитывалась кровью и прилипала к ране, что, когда брат Леоне отдирает ее, он должен был вцепляться в грудь брата Леоне, чтобы сдерживать крик.

А брат Леоне, ощущая прикосновение святых рук наставника, чуть не падал без чувств от необыкновенного блаженства. Казалось, чудо любви, подобно огню, переносится от души к душе.

Святой Франциск страдал, но был счастлив. Он не хотел и не мог больше ничего просить; он превозносил, славил, благодарил. В то время, как он мог бы вырасти в собственных глазах, получив необычайную привилегию, которая уподобляла его самому Христу, он смирялся до того, чтобы

вовсе исчезнуть — раствориться в Боге и полностью забыть себя. Но забывая о себе, он не забывал о других, и это было самое верное свидетельство его союза с Иисусом Христом.

В те дни он заметил, что брат Леоне находится в очень мрачном настроении. Печаль, дьявольская болезнь, привела его сердце к унынию: быть может, перед лицом святости наставника он чувствовал себя слишком ничтожным, может быть боялся, что эта недостижимая святость отдалит от него учителя, возможно, ему не давала покоя испепеляющая ревность смиренных, когда они видят слишком великим, прославленным, всеобщим предмет своего поклонения. Вполне возможно, он думал, что если бы мог получить еще одно доказательство любви наставника, особое благословение, не из тех устных, которые подхватываются на лету всеми, а письменное, чтобы можно было хранить его, перечитывать, держать у сердца, — получи он такое благословение, печаль несомненно, оставила бы его.

Святой Франциск разглядел все это. Он никогда не заботился о том, чтобы что-то записать, вплоть до того, что не желал появления документальных свидетельств ни о даре на Верне, ни об отпущении грехов в Порциунколе, он мог твердо рассчитывать, что ему поверят на слово, но ради спокойствия ближайшего ученика, за несколько дней до праздника св. Михаила Архангела, он попросил: «Брат Леоне, принеси бумагу, перо и чернильницу, ибо я хочу записать хвалы Господу, которые уже обращал к Нему в молитве сердца».

Пронзенная рука с трудом удерживала перо, и закругленными, неровными буквами он начертил:

«Ты един свят, Господь Бог, творящий чудеса. Ты силен. Ты велик. Ты Всевышний. Ты Царь всемогущий. Ты Отец Святой, Царь неба и земли. Ты Един в Трех Лицах, Господь и Бог всеблагий. Ты благо, все благо, высшее благо, Господь Бог живой и истинный. Ты — милость и любовь. Ты — уверенность. Ты — покой. Ты — ликование и радость. Ты — справедливость и умеренность. Ты — полное богатство. Ты — красота. Ты — кротость. Ты — хранитель. Ты — сторож и защитник. Ты — крепость. Ты — утешение. Ты — надежда наша. Ты — наша вера. Ты — наше великое наслаждение. Ты — наша вечная жизнь, великий и всеславный Господь, Бог всемогущий, милостивый Спаситель».

Мог ли он дать ученику большее доказательство любви, чем ввести его в тайное тайных сердца, поверить то, что говорил Господу?

Нет более личных и не предназначенных для чужих ушей слов, чем слова молитвы. Неужели не было достаточно этого высшего доверия?

Нет, этого было мало. С тех пор, как святой Франциск носил на сердце рану Христову, он еще глубже, чем прежде, узнал сердца человеческие, и понял, что брату Леоне нужно слово обращенное к нему лично. а эта молитва

ко Господу только бы утвердила его в мучительном заблуждении: «Ну вот, он так любит Бога, что для меня места не остается».

И тогда святой Франциск перевернул лист и принялся вновь медленно писать раненой рукой:

«Да благословит и сохранит тебя Господь. Да явит Он тебе Свое лицо и да будет к тебе милостив. Да обратит Он к тебе Свой лик и даст тебе мир».

Древнее библейское благословение было наилучшим пожеланием, которое мог дать лишь святой Франциск, это была своего рода вершина благословляющей мольбы: охрана, милость, мир. И еще, чтобы Господь явил ему Свое лицо, и больше того — чтобы Он посмотрел на него, обратив к нему Свой лик.

Можно ли было сказать больше? О, да! Не хватало обращения и подписи, без которых это благословение могло быть послано кем угодно кому угодно.

Глубоко понимая суть истинной любви, святой Франциск совместил обращение и подпись. Он написал имя друга, а вместо своего имени поставил особый символ. Вот, что он сделал: окунул гусиное перо в кармин и вывел в нижней части листа большую Т (tau), древнюю букву, которая переводится с еврейского как «символ» и для древних писателей означала крест. Под Т он обозначил абрис горы. Получился своего рода окровавленный, обезглавленный крест, символизирующий его самого, Франциска: подобно Господу нашему он был распят и возродился к жизни в духе после того, как отсек голову, т. е. свои мирские мечтания, и зарыл ее под крестом, в скале покаяния.

Потом черными чернилами он написал: «Брат Леоне, да благословит Господь тебя».

Теперь уже не оставалось сомнений в адресате сладостного послания, и это заключительное «тебя» без обиняков говорило о намерениях автора. И не только это. Слово «Леоне», между «е» и «о», разделялось надвое красным стволем Тау, и это должно было, вероятно, показать, что Франциск, действительно, хотел жить в душе друга, но не столько по своим человеческим достоинствам, сколько ради той новой жизни, к которой Господь вознес его, одарив стигматами. Итак, подписью Святого стал крест, но крест усеченный, потому что он не осмеливался уподобить свой крест Христову. И этим крестом он скрепил, как печатью, бессмертие их дружбы.

СОВЕРШЕННАЯ ЛЮБОВЬ В СОВЕРШЕННОЙ СКОРБИ

После тридцатого сентября святой Франциск положил себе вернуться в Санта Мария дельи Анджели с братом Леоне, а братьев Анджело и Массео оставить на Верне. Расставание было тяжким. Святой страдал, покидая эту

гору, ведь она стала его Голгофой. Он чувствовал, что сюда уже не вернется. Братья, которые должны были и впредь пребывать на вершине, плакали и умоляли его благословить их и показать им свои благословенные раны. Он выполнил их просьбу и попрощался с каждым по имени с бесконечной нежностью. «Прощай, прощай, прощай⁴, брат Массео! Прощай, прощай, брат Анджело. Оставайтесь с миром, дорогие мои дети! Да благословит вас Бог, дорогие мои! Прощайте, я покидаю вас, но оставляю вам мое сердце. Я уйду с братом Овечкой Божьей, уйду в Санта Мария дельи Анджели и сюда больше не вернусь. Я отправляюсь в путь; прощайте, прощайте все! Прощай, гора! Прощай, прощай, гора Альверна! Прощай, гора Монте дельи Анджели! Прощай, милый мой брат Сокол, благодарю тебя за твое милосердие. Прощай, прощай, прощай, прощай, камень, что принял меня в себя, и бес был посрамлен, — мы уже не увидимся. Прощай, Санта Мария дельи Анджели (так называлась и небольшая церквушка в Верне), поручаю Тебе этих моих детей, Матерь Слова вечного!»

Пока святой Франциск со слезами на глазах попрощался с людьми и неодушевленной тварью, не забывая никого и ничего, братья плакали и чувствовали, что у них разрывается сердце, словно они вот-вот осиротеют.

На ослике святой спустился с горы, заехал в Кьюзи, чтобы попрощаться с дорогим графом Орландо, и двинулся по направлению к Борго Сан Сеполькро, но, когда он оказался на высокой точке, с которой в последний раз мог посмотреть на Верну, остановил осла, слез и преклонил колени на дороге, устремив глаза на вершину своего распятия, после чего попрощался с ней словами псалма: «Прощай, гора богатая, гора обильная, на которой Бог благоволил обитать. Прощай, гора Альверна! Да благословит тебя Бог-Отец, Бог-Сын и Бог Дух Святой. Оставайся с миром, больше мы тебя не увидим».

Так он завершил этот необыкновенный пост св. Михаила Архангела 1224 года, который стал для него вехой стремительного восхождения. От вопроса первых дней: «Кто Ты и кто я?», обнаруживающего отдаленное и бесконечно низшее положение души по отношению к Богу, он поднимается к вопросу личному, стремящемуся максимально сократить дистанцию: «Дай мне любить, как Ты возлюбил и страдать, как Ты страдал». Получив просимое, этот человек не исполняется гордыни, но самоустраивается в благодарственном преклонении, чтобы отдать эту победу одному Господу и разразиться пением хвалы, которое и есть совершенная молитва без тени мысли о себе.

Кажется, что, достигнув такой духовной высоты, святой Франциск уже неподвластен земным скорбям, но вот он оставляет Верну и душераздирающее прощание стоит ему горьких слез, потому что он предчувствует свою

⁴ Итальянское слово «прощай» — «addio» — здесь употреблено в изначальной, древней форме «a Dio» — букв. «к Богу», «поручаю тебя Богу», «с Богом».

смерть; он плачет так, словно его сердце не в силах оторваться от всей твари: людей, животных, растений, скал, и сумеет найти мир, только вновь обретя их в Боге.

Если задумаешься о том, что этот вопль проникновенной человечности исходит от человека, который должен был, в сущности, уже не испытывать интереса к делам мира сего, поскольку почти вкусил райского блаженства, то следует сделать вывод: и в самом деле, настоящая любовь к созданиям, состоящим из тела и души приходит к тем, кто любит Бога, и чем больше человек походит на Иисуса Христа, тем больше он умирает от любви. А если еще подумать и о том, что сквозь пронзительную муку стигматов святой Франциск начертал для брата Леоне священную поэму о дружбе и обратился к Верне с лирической песнью прощания, то мы придем к выводу, что в совершенной скорби он достиг совершенной любви, из чего следует, что совершенная скорбь совпадает с совершенной любовью.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ГИМН ЖИЗНИ И СМЕРТИ

ЖАЖДА БОЛЬШЕГО

Бег тем стремительней, чем ближе к цели. В последние годы жизни святой Франциск, желая, чтобы его призыв к любви и покаянию был услышан как можно дальше, и чувствуя в то же время, как силы покидают его, взялся за перо и бумагу и написал несколько писем, напоминающих послания святых апостолов. Сознание универсализма его миссии брало верх над смирением, диктуя ему слова напутствия не только братьям Ордена, но и всем верующим, представителям власти, самим служителям церкви. При этом святой Франциск оставался столь смиренным, что не полагался на собственные слова, но использовал насколько возможно слова Евангелия, словно бы взял на себя роль посланца, глашатая, не имеющего иной цели, как объявить волю своего господина.

Когда он обращается «ко всем христианам в миру и в церкви, и во всем мире» как раб и слуга всех, с величайшим почтением и с небесной вестью о «подлинном мире и непреходящей милости в Боге», то излагает основные моменты веры и Евангелия, оставляя за собой только выбор; но выбор этот отражает главные черты его исповедания, которое все зиждется на двух тайнах божественной любви — Творении и Исполнении.

В этом письме он говорит преимущественно о спасении, возвращаясь к рождению Христову, таинству Евхаристии, долгу исповеди, причастия, покаяния, необходимости славить Бога, любви к ближнему.

Его духовные пристрастия обнаруживают себя на каждом шагу в коротких комментариях, где он осуждает «мудрствование плоти», призывая к простоте, смирению, чистоте помыслов; где утверждает, что повелевающий

должен быть как слуга, и поставленный старшим должен быть как младший; где смиренно советует: «Возлюбим ближнего как самих себя, а если кто не хочет и не может любить его как себя, пусть хотя бы не делает ему зла, а постарается делать добро» (трогательная уступка эгоистической природе человека); где, наконец, призывает к нищете духа, живейшим образом повествуя о нераскаившемся грешнике.

В прочих письмах, два из которых обращены к духовным братьям, одно — к священнослужителям и одно — к властителям народов, содержатся два основных совета: открыто хвалить и благодарить Бога, и превыше всего любить и почитать таинство Евхаристии. Это заботит его особенно: «В каждой вашей проповеди напоминайте, что никто не может спастись, не принимая святейшего Тела и Крови Господней», — говорит он братьям. «Советую вам, синьоры мои, отложить всякое другое дело и заботу и с радостью причаститься святейшего Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа», — призывает он представителей власти.

Невероятная чуткость его любви приводит его к особому преклонению перед словом, ибо посредством слова хлеб и вино преобразуются в Тело и Кровь Господни. Он страдает, когда святое имя и слово Христа оказываются в неподобающем для них месте, падают на землю, попираются ногами. Возлюбив бедность, он не скупится для Господа, ставшего в нищете Своей простым хлебом. Он обращается к нерачительным священникам:

«Взгляните, как бедны эти сосуды и покровы, призванные хранить Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа». И к братьям: «Просите смиренно служителей церкви, чтобы превыше всего почитали таинство Евхаристии. Ларцы, ковчег и все, что нужно для причастия, должно блюсти как величайшие сокровища. И если где-нибудь святейшее Тело Господа храниться бедно или плохо, найдите ему место по возможности достойное, берегите его, выносите его с благоговением и подавайте другим с деликатностью».

После стигматов сомучение Христу еще более усилилось. Теперь, когда он страдал, как сам Господь его, теперь, когда и он был пригвожден, когда и его сердце было пронзено на самом деле, он понял, что значит искупление; понял всю меру страдания и искупительной радости Богочеловека, понял цену душ и как тяжело Христу терять их, несмотря на свою жертву. Ему казалось, что он ничего не сделал для Него, он горел желанием любить Его, служить Ему как в самом начале, и, вернувшись в Санта Мария дельи Анджели, снова принялся ухаживать за прокаженными, возобновил проповеди в соседних деревнях, возобновил телесные подвиги, хотя и так уже походил на тень.

И все же это бедное тело не роптало, но, напротив, было столь согласно с духом, что рвалось участвовать в самых непосильных трудах. Ничто не могло помешать Франциску, когда он совершал подвиги во славу Божию,

и страдания уже не были для него муками, но нежными сестрами во Христе. Он чувствовал себя полным сил и как полководец, воодушевленный наградой Господа своего, полагал себе день ото дня все большие свершения, несравнимые с прежними.

Слух о чуде святых стигматов успел распространиться, и народ шел издалека, чтобы посмотреть на святого. Он же, как мог, прятал их: натягивая рукава до самых кончиков пальцев, старался избегать ходьбы; никогда не говорил о них, скрывал даже откровения, полученные от Бога, ибо понимал, что не должен открываться всем, и крайне беден тот, чье сокровище — на поверхности. Он препоручил заботу о себе четверем возлюбленным братьям: Леоне, Анджело Танкреди, Руфино и Бернардо, которые, следуя строжайшему указанию брата Илии и кардинала Уголино, снабжали его всем необходимым, дабы смягчить последствия налагаемой им на себя аскезы, и оберегали его от навязчивого внимания толпы.

Несмотря на невероятную силу духа, тело таяло на глазах. Брат Илия, встретив Франциска в Фолиньо, все понял. И, под впечатлением от этой встречи с учителем, увидел потом во сне седого старца в белой одежде священника, возвестившего ему: «Иди и скажи брату Франциску, что вот уже восемнадцать лет, как он покинул мир, чтобы последовать за Христом, и два года еще будет оставаться в этой жизни, прежде чем перейдет в жизнь иную».

ГИМН ЖИЗНИ

Была женщина, достойная разделить славу учителя; женщина, которая не говорила, не просила, не показывалась даже, но чье духовное присутствие было для Франциска быть может более ощутимым, чем присутствие брата Леоне и других братьев, окружавших его с утра до вечера. Имя этой женщины — Клара. Франциск, который ничего не забывал, попросил проводить себя в обитель Сан Дамиано. Там впервые заговорило с ним Распятие; туда он сам теперь возвращался распятым; там разрастался сад взлелеянных им душ (цветочки, поросль духовная — говорила Клара); туда должен он донести полученную благодать. Святой Франциск велел построить себе хижинку рядом с монастырем. Чувствовал он себя очень плохо. Помимо общего истощения, помимо пяти незаживающих ран, вот уже почти шестьдесят дней его бедные глаза не переносили света, так что он не мог теперь смотреть на солнце и огонь, доставлявшие ему столько радости. К тому же хижинка подвергалась постоянным набегам мышей, которые по ночам не давали ему сомкнуть глаз, а днем нагло воровали у него со стола последние крохи.

«Дьяволы, дьяволы завистливые», — говорили, крестясь, братья, а Клара, сокрушаясь в сердце, с удвоенным рвением принималась молиться за учителя и готовила бинты, корпию, припарки для ран, специальные мягкие сандалии для его израненных ног. Но муки его усилились настолько, что святой Франциск, несмотря на огромное желание пострадать, проникся к себе жалостью и попросил: «Господи, помоги мне терпеливо переносить недуги мои!»

И был ему голос, ответивший, что страдания его завоюют ему сокровище более прекрасное, чем все сокровища земли, и чтобы переносил он их в стойкости, уверенный в ожидающем его рае. Это обещание так обрадовало его, что на следующее утро он сказал братьям: «Вассал был бы вне себя от радости, если бы император пожаловал ему свое владение. Как же благодарить мне Господа моего, пообещавшего Свое Царство мне, недостойному рабу Своему, покуда живущему и облеченному плотью?»

Благодарность, непрестанно и щедро цветущая в его душе, подтолкнула его написать новый гимн творениям Господа, и именно тем, которые служат нам каждый день, и, пользуясь которыми, мы часто оскорбляем Бога вместо того, чтобы благодарить его. Сидя на траве, под открытым небом, в мягкой тени олив, таких же нищих и блаженных как он сам, святой задумался на миг и начал нараспев, импровизируя:

Высокий, добрый, всемогущий Боже,
Тебе хвала, и слава, и все благословение:

Благословенны, Господи, с Тобой Твои созданья
особенно и прежде всех брат Солнце,
что греет нас и веселит Тебе во славу.

Прекрасный, лучезарный, в светлом нимбе —
Тебя он, Высочайший, отражение.

Твои, о Господи, сестра Луна и сестры Звезды —
Ты создал в небе их пресветлых, драгоценных.

Благословен будь и за брата Ветра,
за Дождь, и Ясный день, и всякую погоду,
какой даруешь Твоим тварям пропитанье.

Благословен будь за сестрицу нашу Воду,
что так щедра, смиренна, драгоценна и невинна.

За брата нашего Огня благословен будь, Боже,
которым освещаешь ночь беззвездну,
а он прекрасный, радостный и сильный.

Благословен будь, Господи, за мать нашу Землю,
что кормит и растит нас,
дает плоды, и пестрые цветы, и травы.

Гимн этот, годами зревший в сознании святого, сложился сразу, на одном дыхании, и сразу понравился, и признанный король стихотворцев брат Пачифико записал его. Святой Франциск сам научил ему своих товарищей, так как хотел, чтобы они пели его после проповедей и в качестве платы просили у слушателей не денег, но истинного покаяния.

Нужно заметить, что святой Франциск пел обычно на провансальском наречии. Это был язык рыцарских дворов, язык его матери, его прошлого. В своей внутренней музыкальности, язык этот таил для него воспоминания обо всем, что было любимо им прежним и что не умерло, но изменило форму — так сам он заменял слова и понятия в песни, заимствованной у трубадуров.

Ничто как музыка не удерживает прошлое и настоящее, сожаление и надежду, и только ее духовной безграничности позволено выразить то, что недоступно любому другому виду искусства. В музыке можно сказать все, даже то, что не дается мыслям и чувствам, и кто имеет уши слышать — услышит.

Провансальская песнь, таким образом, стала для Франциска последним эхом прошлого.

Кроме того, он писал и диктовал на латыни — на этом языке церкви, законов, университетов, документов, канцелярий и могильных плит. Но в Сан Дамиано, у подножия Субазियो, перед лицом Аппенин, и провансальского и латыни было ему уже не достаточно.

После стигматов он совершенно преобразился. Ветхий человек был распят и умер навсегда. Новый человек ощущал новый поток лирического вдохновения, рвущийся наружу из глубины страданья. Так молодое вино разрывает старые мехи. Он снова был возле Сан Дамиано, маленького храма своей молитвы и своих трудов, своего первого призвания и последнего утешения, храма святой Бедности и святой Клары.

Недостижимо далеко была теперь его нежная матушка, давшая ему сердце поэта, и совсем близко была великая праведница, та, что накинув на патрицианскую головку покров вечной бедности, дала его жизни неисчерпаемый запас веры; рядом были его духовные дщери, совсем не знавшие провансальского и очень мало — латынь. В Сан Дамиано, рядом с

обителью святых сестер, он мог петь не иначе, как на языке святых сестер — на итальянском.

Эти соображения не приходили в голову святому Франциску, а если и приходили, то он не прислушивался к ним, потому что был святым. Но исподволь они совершали свою работу в его человеческом сердце, став подоплекой иных — благородных, сознательных, желанных доводов, которые заставили излиться Гимн брату Солнцу. Доводы эти были такие: он мог сказать нечто новое и хотел, чтобы его поняли все; это «нечто» было его концепцией жизни, эпилогом его жизни, изложением некой проповеди, оставшейся в сердцах, но не на бумаге. Между тем сердца эгоистичны и легко искажают, бумага же более надежна и способна сохранить.

Итак, он хотел «сложить новый гимн творениям Господа, Ему во славу, нам во утешенье, и ближнему в наставленье», хотел, чтобы «товарищи его читали либо пели его после проповедей, дабы ободрить сердца людей и привести их к радости в духе». Мертвые языки и язык ученых не мог служить этой цели, как не мог и живой язык соседнего народа, изящный язык придворных и трубадуров. Тут нужен был свой родной язык. Латынь, как скажет позднее Данте, мало кому явит свои преимущества, народный язык, напротив, послужит многим.

Орлятам нужен был язык орлят, язык народа, который в течение стольких веков после падения Римской империи совершал подвиги, не воспевая их, и любил, не доверяя свою любовь романической прозе. Язык народной латыни был нов, как и человек, которому предстояло сказать новое слово.

Новым в гимне Франциска была любовь к Богу и его твореньям. Языческий мир любил только творенье и любовь его была насквозь чувственной; ветхозаветный мир любил Бога, но любовью рабской; христианский мир до Франциска любил Бога уже вполне по-сыновнему, но пренебрегал созданными его, боялся их как искушения, закрывая глаза, дабы не прельститься ими; этот мир еще не прочел в Евангелии оправдания природы, заключенного во взгляде и благословляющем жесте Христа. Святой Франциск родился поэтом и видел внутреннюю красоту вещей, даже самых простых, попадающихся нам на глаза каждую минуту, и не замечаемых людьми суетными, далекими от поэзии. Но Франциск идет по пути святости и потому в творениях ищет Творца. Если он читает книгу природы сквозь призму Евангелия, как еще никто до него не читал, то потому, что на каждой странице находит Творца и то и дело останавливается, чтобы воскликнуть: «Как ты благ, о Господи!»

С высоты божественной любви он снова возвращается к твореньям, испытывая к ним самую трогательную нежность; он созерцает их, восхищается ими, ласкает их глазами, словно говорит огню, воде, звездам, травам:

«Вы не знаете, какие вы прекрасные создания! Но коли так, я говорю вам это! Вы заслуживаете восхищенья — и я даю вам его. У вас нет сознания — у меня оно есть, и за вас я восхваляю и благодарю Того, Кто создал вас, как создал меня, ибо вы мои братья и сестры в Нем».

«Братья и сестры!» Чтобы так, совершенно по-новому обратиться к низшим созданиям, нужно было проникнуть в тайну их жизни, нужно было сломать противопоставление природы и Бога, материи и духа, столь ревностно защищаемое катарами и другими ересями. При этом нужно было не впасть и в ошибку предшествующих веков, отождествлявших творение с Богом; нужно было подойти к тварному миру с тем чувством человеческого соучастия, которое свойственно поэтам, и с тем чувством соучастия божественного, которое присуще святым и, по мысли великого философа, предполагает человеческое, но превосходит его настолько, насколько бесконечность превосходит конечное.

Этот гимн жизни тем более ценен, что написан при самых печальных жизненных обстоятельствах, человеком больным, страдающим от ран, почти ослепшим, тающим на глазах, в бедности, которой утрастился бы и нищий. Книга Иова, прославленного своим терпением, в сравнении показалась бы ропотом. Но Иов не знал Иисуса Христа и был еще человеком Ветхого Завета.

Между тем Гимн брату Солнцу стал первым литературным триумфом языка и народа в новом идеале святого.

ГИМН МУЗЫКЕ

Брат Илия пустил в ход весь свой авторитет викария, чтобы убедить святого Франциска отправиться в Риети, куда в ту пору Гонорий III перенес папский двор. Договорившись с кардиналом Уголино, он настоял, чтобы Франциск полечил своего «брата осла» и прежде всего глаза.

Кардинал, по великой нежности своей к святому, написал ему, приглашая к себе в Риети, где жили лучшие глазные врачи, и Франциск охотно согласился: ослепительно зеленая Риетская долина с ее скитами Фонте Коломбо, Поджио Бустоне, Греччо, возвышавшимися среди лесов, напоминала ему Верну и сообщала особую сладость его молитвам. В Сан Дамиано ему удалось все же почувствовать некоторое облегчение, и Клара, которая не проповедовала, но побуждала к проповеди, не писала стихов, но вдохновляла, Клара, не покидавшая теперь монастырского двора, приготовила учителю особые сандалии для его пронзенных ног, позволяющие снова пуститься по дорогам мира.

Святой Франциск, получив письмо от кардинала, задержался с тем, чтобы подать ей и сестрам свое утешение, ободрил ее на прощание святыми речами и верхом на своем ослике, сопровождаемый верными товарищами

направился в Риети. Аббатиса провожала его глазами, пока он не исчез среди олив, потом опустилась на колени перед распятием.

Святой Франциск молчал; стоило ему заговорить и ученики непременно сохранили бы его слова, как хранили теперь каждое его высказывание, почитая за ангельское и пророческое.

Это молчаливое прощание с цитаделью Бедности было столь же мучительным, как и прощание с Верной, если правда, что самое большое страдание — то, о котором не говорят вслух.

В Риети его ожидали как мессию, и навстречу ему вышло такое множество народу, что Франциск не захотел войти в город, но остановился в церкви Сан Фабиано, находившейся в двух милях от городских ворот. Но и сюда люди шли толпами, так что священник, оказавший святому достойный прием, стал уже думать, что такая честь будет стоить ему слишком дорого, ибо верующие, спеша под благословение, изрядно обработали его виноградник, беззастенчиво обрывая грозди и топчя его ногами.

— Дражайший отец, — обратился к нему Франциск, читавший чужие мысли, — сколько мер вина дает тебе этот виноградник в год наибольшего урожая?

— Мер двенадцать, — отвечал тот, покраснев от смущения, потому что его слишком хорошо поняли. Тогда Франциск сказал:

— Прошу тебя, отец, разреши мне пробыть у тебя несколько дней, ибо я нахожу здесь для себя великое успокоение, и из любви к Богу и ко мне, бедняку, позволь всякому, кто захочет, рвать гроздь твоего виноградника; и я обещаю тебе от имени Господа нашего Иисуса Христа, что в этом году он принесет тебе двадцать мер.

Так и вышло. Скуповатый священник уверовал; и как ни мал был урожай, но вина получилось ровно двадцать мер, притом отличного.

В Риети святой Франциск нашел в кардинале Уголино, в прелатах курии, врачах, во всем народе такую преданную любовь, которая, казалось, должна была помочь ему справиться с болезнью. Но не помогла. У него была больная печень, селезенка, желудок; глаза болели и слезились; стигматы обескровливали его.

По мере того, как глаза утрачивали радость зрения, святой Франциск все больше тянулся к музыке. С молодости привык он выражать в пении то, что не вмещалось в слова и искажалось ими, и теперь, облекшись во Христа, просил у музыки выражения невыразимого.

Однажды в Риети позвал он брата Пачифико, поэта и музыканта, и сказал ему:

— Брат, согласись, что музыкальные инструменты, коих предназначение в том, чтобы славить Бога, стали служить суете и часто становятся инструментами греха. Люди перестали понимать божественные тайны. Но если хочешь

доставить мне удовольствие, одолжи где-нибудь лютню и утешь хорошей музыкой брата моего тела, в коем не осталось уже ни одной части, свободной от боли.

Брат Пачифико, испугавшись людской молвы, выступил на этот раз кавалером здравого смысла и ответил:

— Отец, что скажут люди, услышав, как я играю, будто какой-нибудь трубадур? Меня могут обвинить в легкомыслии.

— Забудем об этом, — тут же отозвался Франциск, всегда шедший другим навстречу. — От многого стоит отказаться, дабы не вызывать смущение умов.

Радея о благочестии, брат Пачифико отказался на этот раз от милосердия и наказал тем самым себя, ибо не понял того, что Франциск назвал «божественными тайнами», не понял, что чем больше человек живет Богом, тем больше он человек и тем больше способен наслаждаться первоизданной чистотой всех вещей. Святой Франциск, по деликатности и милосердию своему отказавшийся от музыки, был, напротив, вознагражден.

На следующую ночь звуки цитры пришли скрасить ему жестокою бессонницу, едва он приступил к созерцанию. Похоже было, что кто-то ходил под окном, наигрывая мелодию столь дивную, что всякое страдание должно было отступить при одном ее звуке. Никого не было видно, но музыка продолжала звучать в тишине ночи, то отступая, то приближаясь и казалась живым обещанием того высшего мира, где все, что любят и о чем грезят здесь, является реальностью.

Кто был этот таинственный игрок на цитре? Ангел? Человек? А может не ангел, не человек, а сама насквозь музыкальная душа святого Франциска? Последние месяцы его жизни суть не что иное как музыка.

ГИМН БРАТУ ТЕЛУ

Святой Франциск провел эту зиму между скитом святого Елевтерия и скитом Фонте Коломбо, отказываясь хоть как-нибудь защитит себя от холода. Не желая надевать вторую рясу, он согласился на утеплительные заплатки на груди и на плечах при условии, чтобы они были снаружи и достаточно выделялись, дабы все видели его слабость в отступлении от правила. Но даже мизерные уступки больному телу не давали покоя его совести.

— Не кажется ли тебе, — спросил он у своего духовника брата Леоне, — что ты слишком многое прощаешь моему телу?

И брат Леоне, по вдохновению Божьему отвечал:

— Скажи мне, всегда ли плоть твоя была послушна твоей воле?

— Да, — признался святой Франциск, — могу засвидетельствовать, что тело мое меня слушалось, что не боялось трудов, усталости, болезней и всегда исполняло мою волю, сразу повинувшись каждому моему приказу; что я и тело мое были всегда в согласии и дружно служили Господу Богу.

Ответ этот весьма примечателен для 1226 года. Какой-нибудь дуалист так бы не сказал. Но брат Леоне не даром был его учеником. На этот раз он воспользовался аргументами учителя, всегда радевшего о больных, чтобы защитить здоровье его самого.

— Ты несправедлив к своему телу, — начал он. — Разве так обращаются с верным другом? Не хорошо отвечать злом на добро, тем более если благодетель твой терпит нужду. Как мог бы ты служить Господу твоему без помощи тела?

— Верно, сын мой, ты прав!

— Несправедливо, — продолжал брат Леоне, — покидать в беде столь верного друга. Не бери, отец, этого греха на душу.

Святой Франциск покорно поблагодарил товарища, рассеявшего его сомнения, и обратился к своему телу со словами:

— Радуйся, брат тело, и прости меня. Отныне я охотно буду исполнять твои желания и помогать тебе в твоих невзгодах.

Не примешалась ли к этим словам ирония по поводу уступки, сделанной так поздно? Как бы там ни было, диалог этот, уже мало что значивший для здоровья Франциска, важен для нас, поскольку показывает, что он не относился к телу как к врагу, даже когда обходился с ним сурово, и незадолго до смерти признал его братские заслуги.

ГИМН ПРОЩЕНИЯ И ПОКАЯНИЯ

Кардинал Уголино и брат Илия понимали: Франциску, чтобы перезимовать, нужен мягкий климат, и в поисках места поближе остановились на Сиене.

Но и в прекрасном городе Мадонны, от самых ворот открывающем посетителям свое огромное сердце, святой не получил облегчения. Напротив, он был там на волоске от смерти, когда кровь пошла у него горлом. Тогда он изъявил желание вернуться в Ассизи. Но путешествие было теперь совсем не таким простым делом, как раньше, когда босиком и без сумы прошел он всю Италию и Святую Землю. Теперь толпы народа ожидали его, выходили ему навстречу, преследовали его, оспаривали его друг у друга. Теперь каждый городок, в котором он останавливался, благоговейно надеялся, что он останется умирать в его стенах и что именно его стенам достанется честь охранять мощи святого. Теперь не только преклонение

веры, но и средневековые предрассудки становились испытанием для его святости.

Чтобы оградить его от волнений и опасностей, брат Илия приказал сопровождавшим братьям удлинить путь и идти самыми безлюдными и, увы, самыми плохими дорогами — через Челле, Губбио и Ночеру. В Сатриано, на территории Ночеры к братьям присоединились арбалетчики, посланные Ассизской коммуной, дабы охранять избранника Божьего, возвращавшегося в свой город, чтобы умереть. Епископ хотел видеть его своим гостем.

По прошествии двадцати лет епископ Гвидо сохранил гордый и запальчивый нрав своей зрелой поры. Таким же был он, когда принял юношу, расставшегося с одеждой ради любви к Богу, а теперь Франциск застал его в состоянии войны с подестой, мессером Берлинджеро ди Якопо. Причиной послужил один из тех конфликтов между властью светской и властью духовной, что так легко вспыхивали в тесном мирке коммуны. Епископ прибегнул к оружию духовному, отлучив подесту; подеста — к оружию экономическому, поставив епископа перед угрозой голода, то есть запретив своим подчиненным что бы то ни было продавать или покупать у него, вообще заключать с ним любые сделки. Бойкот, сказали бы сегодня. Горожане оказались между двух огней: общение с подестой грозило им отлучением; общение же с епископом — штрафами и репрессиями.

Эта безрадостная ситуация была чревата настоящей войной партий и могла обернуться для Ассизи бедствием. Святой Франциск, всю жизнь выступавший миротворцем, должен был немедленно что-то предпринять для спасения города, и способ, им выбранный, оказался достойным человека, который семнадцатью годами раньше сумел воздействовать на кардиналов исключительно словом любви.

— Какой позор для нас, служителей Господа, что епископ и подеста враждуют между собой, — говорит он братьям, подумав о том, сколь прекрасным было бы прощение, если бы стороны примирились. Более прекрасным, более достойным воспевания, более славным для Бога, чем красота его творений, ибо свободная воля выше природы.

И тут же, подчинясь внезапному вдохновению, добавляет еще несколько строк к Гимну брату Солнцу:

Благословен будь, Боже,
за тех, кто милостью Твоей прощает,
кто немощи выносит и страданья.
Блажен, кто с ближним пребывает в мире,
Тобою щедро,
Великий Боже, будет он утешен.

После чего позвал он одного из братьев и сказал ему:

— Пойди к подесте и передай ему от меня, чтобы взял он с собой консулов, магнатов и прочих, кого сможет привести и шел к епископу.

Затем обратился к товарищам своим, искусным в пении:

— Идите, встаньте перед епископом и подестой и другими, которые там будут, и не говорите проповедей, но пойте, как только можете лучше, Гимн брату Солнцу. Верую, что песнь эта их умилюстит и поможет им стать друзьями как прежде.

Братья, наклонив головы и скрестив руки на груди, повиновались из благоговения к учителю; другие на их месте сочли бы крайней наивностью эту попытку примирить упрямых и озлобленных противников идиллической песенкой. Однако мессер Берлинджеро, у которого вследствие отлучения совесть была нечиста, и который очень любил блаженного Франциска, принял приглашение. Гвидо, из уважения к знатному гостю и еще потому, что подеста, отправившись к нему, сделал первый шаг к примирению, согласился также. Таким образом на епископском дворе оказались друг напротив друга епископ с клиром в лиловых мантиях — и подеста с воинством и министрами. У ворот булавоносцы, прислужники, клирики сдерживали любопытствующую толпу. Епископ и подеста держались высокомерно, всем своим видом говоря: «Я не уступлю. Тут речь идет о моем достоинстве». Стронники той и другой стороны, замкнутые, хмурые, неприступные, бросали друг на друга испепеляющие взгляды. Когда двое братьев Франциска появились во дворе, все подумали: сейчас наверняка начнется проповедь о смерти и страшном суде. Вместо этого один из братьев сказал:

— Блаженный Франциск, уже будучи больным, сочинил гимн творениям во славу Господу и в назидание ближнему. Ныне прошу вас выслушать его со всем вниманием.

Кое-кто усмехнулся в усы, словно говоря: «Шутовство!» Но по мере того, как песнь разворачивалась перед ними, широкая и плавная, как горизонт их родной Умбрии, и, возвращая им смиренный язык их матушек с его выговором, знакомым сердцу с самого детства, переходила от гимна Всевышнему, чье имя никто не достоин произносить, к гимну его прекрасным и неценимым творениям — эти суровые сердца оттаивали. Подеста поднялся и слушал, сложив руки на груди, восхищенный. Братья пели, и при этом перечислении бескорыстных и щедрых даров высокомерный епископ поневоле задумался о милости Создателя, посылающего солнце и неправедным; подеста же размышлял о том, как нелепы его попытки взять врага измором перед щедростью земли и божественным Провидением. Когда же потом, словно тихие ангелы, возникли дотоле никем не слыханные стихи о прощении и следом стихи о страдании, напомнившие об умирающем святом, который не просил о мире во имя Бога, но внушал его сердцам с

помощью музыки, примиряющей без упрёка, поэзии, лишенной риторики, и доброты, лишенной назидательности, — тогда все уже расположились к примирению и подеста сказал:

— Истинно говорю вам, что не только прощаю господину епископу, которого хочу и должен почитать своим господином, но если бы кто-нибудь убил брата моего или сына, простил бы и ему также.

В подтверждение своих слов он встал на колени перед Гвидо, восклицая:

— Я готов удовлетворить любую просьбу вашу ради любви к Господу нашему Иисусу Христу и рабу его блаженному Франциску.

Епископ поднял его и смиренно ответил:

— Я также нуждаюсь в твоём прощении, ибо по натуре гневлив, в то время как сан мой требует от меня смирения.

И они обнялись, как старые друзья, а все присутствующие признали это чудом блаженного Франциска.

Так оно и было. Усмиритель волков и на краю смерти исполнил свою миссию, успокоив ассизских орлят с помощью единственной песни.

ГИМН СМЕРТИ

Водянка, обнаружившаяся у него несколько месяцев назад, еще усугубилась: распухли живот, ноги. Но святой Франциск оставался безмятежен. Однажды, когда к нему пришел мессер Бонджованни, опытный врач из Ареццо, он спросил его:

— Что думаешь ты, Бенивеньате, об этом моем недуге?

Он назвал его Бенивеньате, потому что не хотел звать благим ни отца, ни учителя, никого из людей, памятуя о словах Христа, что никто не благ как только один Бог.

Мессер Бенивеньате хотел обойтись уклончивой фразой, которая утешила бы больного и в то же время не скомпрометировала бы науку.

— Не печалься, добрый брат, Бог милостив и ты поправишься.

Но святой Франциск был не из тех больных, которым нужна жалостливая ложь:

— Скажи мне правду. Моя душа не настолько труслива, чтобы бояться смерти, ибо благодаря Святому Духу я так слился с Богом, что жизнь и смерть для меня одинаково приятны.

Мессер Бенивеньате понял, что сильный не нуждается в иллюзиях и на этот раз прогноз его был абсолютно точен:

— Говоря по науке, отец Франциск, болезнь твоя неизлечима и думаю, что либо к концу сентября, либо в начале октября ты умрешь.

Святой улыбнулся и, подняв глаза и простерев руки к небу, голосом полным совершенной радости приветствовал и эту костявую гостью словами любви: «Добро пожаловать, сестра моя Смерть!»

После приговора врача один ревностный брат прочел Франциску маленькую проповедь о жизненных испытаниях, о райских блаженствах, открываемых смертью, и о том, как важно умереть достойно. В связи с этим он вежливо заметил учителю, что как в жизни тот всегда был зеркалом святости, так до последнего момента должен сохранять достоинство святого в назидание нынешнему и будущему поколениям.

По правде сказать, Франциск не нуждался в подобных наставлениях, но принял их с радостью, как подтверждающие предсказание врача; а музыкальная его натура не нашла лучшего способа подготовиться к смерти, чем пение. Он сказал своему советчику:

— Если Богу угодно, чтобы я скоро умер, позови ко мне брата Анджело и брата Леоне, чтобы спели мне о сестре Смерти.

Явились благородный рыцарь и овечка Божия, два возлюбленных брата Святого поэта, и, обливаясь слезами, принялись петь Гимн брату Солнцу. Когда они дошли до последнего стиха, святой Франциск сам продолжил:

Благословен будь, Боже,
ради сестры нашей телесной — смерти,
от коей убежать никто не в силах.

Несчастен, кто уйдет отягощен грехами.
Блажен, кто до конца жил по Твоим заветам,
тому благая смерть зла причинить не может.
Хвалите, славьте Бога моего, благодарите
и со смирением Ему служите.

Теперь, с этими последними стихами, гимн творениям оказался действительно завершенным. Ибо в первых девяти стихах, сложенных в Сан Дамиано, воспевается только красота природы, в которой чистые глаза поэта не видят ни страдания, ни смерти. Но уже в десятом, добавленном после примирения епископа с подестой, он поднимается до созерцания высшей моральной красоты, говоря о прощении ради любви к Богу и о безропотной стойкости в болезни и несчастье. Наконец, в последних стихах он подходит к самой темной из всех тайн, от которой не уйти никому из живущих — к смерти. Образ черепа с зияющими глазницами не представляется ему. Смерть видится ему сестрой, а сестра для Франциска есть самое нежное и самое целомудренное из всех имен женщины. Думая о смерти, он думает не о страшном суде, но, упомянув о несчастье тех, кто

умирает во грехе, провидит блаженство того, кто перед смертью был послушен воле Божьей.

Святой Франциск всегда заботился о том, чтобы не быть в тягость, но, напротив, дарить радость другим, ибо постоянная радость есть уже половина святости. Потому он теперь часто побуждал товарищей своих петь гимн творениям, и не только днем, но и ночью, и не только для поднятия своего и их духа, но также в утешение стражникам, которых коммуна прислала охранять епископский двор, дабы никто не смог похитить святого, живого или мертвого. Он знал, как бывает нужна музыка трудовому и ратному люду.

Но рыцари здравого смысла находили это смешным. Брат Илия, который всегда думал о впечатлении, хотел, чтобы смерть учителя была эстетичной, но на старый манер, в духе традиционного благочестия, и потому все это пение казалось ему неприличным. Он, мечтавший о том, чтобы подчинить правилу все и вся, был возмущен этим произволом умирающего: менестрель, и тот наверное, умирал бы тише. Смерть это вещь серьезная, печальная, это преддверие суда, это врата вечности — разве в ожидании такого поют?

А если люди подумают, что «беднячок» Франциск в конце жизни повредился в рассудке, что станет тогда со всей его славой, какое будущее ожидает тогда Орден? И вот, собравшись с духом, он заметил больному:

— Дражайший отец, меня утешает и ободряет твоя радость, но хотя горожане здесь и почитают тебя как святого, все же, зная, как тяжела твоя болезнь, и слыша днем и ночью это пение, могут сказать: что же это он так радуется, когда должен думать о смерти?

Выслушав это осторожное замечание, святой Франциск сказал:

— Благодаря Богу я давно уже и днем и ночью думаю о своем конце. Но с тех пор, как тебе в Фолиньо было видение, и ты доверил мне, что некто предсказал мне еще только два года жизни, с тех пор я никогда не прекращаю размышлять о смерти.

Что же касается мнения людей, на этот раз святой Франциск не уступил, как в случае с братом Пачифико, и горячо ответил:

— Предоставь мне радоваться моему Господу, моим песням и моей болезни. По милости Духа Святого я настолько слился с Господом моим, что теперь могу веселиться и радоваться в Нем, Высочайшем!

Но здравый смысл не мог понять этого нового героизма радостной смерти.

ГИМН ПРОШЛОМУ И БУДУЩЕМУ

Пока братья пели, святой Франциск вспоминал, молился, размышлял, делился с товарищами воспоминаниями, наставляя их; а брат Леоне преданно записывал. Как на закате все солнце дня разливается по небу, так и воспоминания перед смертью. Франциск угасал так же неспешно и спокойно, как октябрьские закаты в горах Умбрии.

Сумбур юности не вспоминается ему. Памятное прошлое начинается для него с тех пор, как Господь призвал его к покаянию. И то он снова видит перед собой прокаженного и вспоминает объятие, преобразившее всю прежнюю горечь в блаженство; то видит каменщика, встреченного у Сан Дамиано и позже в Порциунколе, того самого, что испытывал благоговейный восторг перед всеми церквами, ибо в них находил живого Христа, и преклонялся перед католическими священниками, ибо видел в них Всевышнего Сына Божьего и почитал их как носителей божественного откровения и подателей Святых тайн, как тех, кто единственные могут обращаться хлеб и вино в Тело и Кровь Господни.

Медленно текут часы болезни, и Франциск вспоминает первых братьев, посланных ему Богом, первые месяцы «Круглого Стола», свои колебания в выборе Правила, кодекс нового рыцарства, неожиданно просто обретенный в Евангелии, изложенный в словах простых и ясных и закрепленный папой Иннокентием III. Томительны часы болезни в епископском дворце, охраняемом, как тюрьма. Мучительна постель для того, кто хочет спать на земле и камнях, тесна комната для того, кто привык жить среди холмов и долин. И Франциск вспоминает своих первых верных рыцарей, тех двенадцать, что отдавали бедным все что имели, довольствуясь одной единственной рясой, латанной изнутри, и снаружи, когда того требовал холод, а также поясом и исподним. И ничего другого им было не надо. Вспоминает, как они служили в церквах, потому что не имели своей молельни, и прибирались там — мели и чистили — и охотно ночевали в покинутых часовнях, и были никому неизвестны и служили всем.

Лениво текут часы в епископском дворце, а Франциск хотел бы потрудиться, как трудился не покладая рук в Ривоторто, в Порциунколе, в Карчери, как трудились товарищи его не затем, чтобы заработать, но затем, чтобы подать добрый пример; радуясь, когда, не получив вознаграждения, вынуждены бывали прибегать к трапезе Господней, прося милостыню у дверей храмов, встречая ближнего приветствием, которому научил их сам Господь:

— Бог да подаст тебе мир!

Так вспоминает блаженный Франциск в неподвижности своей болезни, и воспоминание становится гимном благодарности Всевышнему, предоставив-

шему рабу Своему идти собственным путем, а не путем мира. Но прошлое, представляясь ему теперь в радужном свете, наводит его на размышления о настоящем: круг разомкнулся, госпожа Бедность забыта, рыцари Христа стали рыцарями здравого смысла. И вот из последних сил поднимается он на ложе и завещает братьям, как прямым своим наследникам, чтоб не покидали возлюбленную госпожу его, чтоб любили ее преданно, никогда не владели ни жилищами, ни церквями, не жили нигде иначе как странниками и пилигримами, не принимали почестей, не пользовались привилегиями; велит им повиноваться старшим, соблюдать правило, подчиняться церкви, не изменять слову; велит... Но что можно повелеть? Разве не существует нечто, что действует сильнее всякого наставления? И тогда он повторяет им благодатные слова, которые продиктовал в Сиене, будучи при смерти, Бенедикту да Прато.

«Пиши, как благословляю я всех братьев моих, которые есть и будут в Ордене до конца времен. И так как из-за болезни и слабости не могу говорить, в этих трех словах выражаю всем нынешним и будущим братьям свою волю: чтобы, всегда помня обо мне, о моем благословении и моем завещании, любили друг друга, как я любил их и люблю; чтобы всегда любили и почитали госпожу нашу Святую Бедность; и чтобы всегда были верными подданными прелатов и служителей святой матери Церкви».

Он больше не оглядывается на прошлое, он смотрит вперед и видит мужчин и женщин, стекающихся отовсюду, чтобы пополнить три его Ордена, — бедных и богатых, неграмотных и ученых, власть имущих и подвластных; каждый век приносит новую волну душ, каждое поколение — это весна, обновляющая листья и цвет великого дерева. Святой видит этих чад своих, которые будут любить его на земле, не видя его, последуют за ним, не слыша его голоса, изберут его идеал, хоть и не умея до конца осуществить его, — и благословляет их.

«Кто последует правилу моему, с тем будет на небе благословение высочайшего Отца и на земле благословение возлюбленного Сына его, а также Дух Святой и все силы небесные и все святые».

Но вот великое его смирение вновь овладевает им перед лицом этого безграничного будущего. И он говорит:

«Я, брат Франциск, самый маленький среди вас и ваш раб, насколько позволено мне, полностью подтверждаю это святейшее благословение».

Поскольку пение продолжалось, брат Илия счел, что общение с мирянами идет не на пользу братьям и предложил отправиться в Санта Мария дельи Анджели.

— Я согласен и буду рад, — отвечал святой Франциск, — но вам придется нести меня, потому что идти я не смогу.

Братья положили его на носилки и вышли с епископского двора, окруженные отрядом городской милиции и преследуемые огромной толпой, желавшей видеть и сопровождать святого Франциска.

Когда дошли они до больницы для прокаженных, где он когда-то начал служить Богу, разделяя страдание ближнего, Франциск сказал:

— Положите носилки на землю и поверните меня лицом к городу.

Он почти не видел, и нужно было, чтобы другие указали ему, в каком направлении находится Ассизи.

Он приподнялся немного и, обратился к городу, чей маленький и гордый силуэт выделялся на фоне Субазии своими башнями, колокольнями и зубчатыми стенами, благословил его многими благословениями, как если бы город этот никогда не приносил ему ничего, кроме радости. Вспомнил ли он, смутно и сладко, матушку, родительский дом, друзей, первых товарищей, Клару дельи Оффредуччи, проповеди, унижения, триумфы? Проникался ли, не видя, красотой открывавшейся дали, однажды поведавшей ему о Боге, этой Сполетской долины, от которой никогда бы не отлучил себя и ничего прекрасней которой не видел во всем мире, долины, подарившей ему призвание и Прощение?

Если бы сейчас ему пришлось покинуть родину, как когда-то он покинул Верну, страдание его было бы непереносимым. И в его благословениях Ассизи слышатся тоска от неминуемой разлуки и сладость воспоминания.

«Господи, если прежде этот город был местом язычников, то теперь по милости Твоей Ты избрал его, определив ему стать приютом тех, которые призваны познать Тебя, и восславить Твое святое Имя и подать всему христианскому миру пример святой жизни, правдивейшего учения и евангельского совершенства. Прошу Тебя, Господи, милостивейший наш Отче, не поминать неблагодарность нашу, но помнить о милости, которую Ты оказал Ассизи, дабы он стал приютом тех, кто знают Тебя. И они возвеличат благословенное Имя Твое в веках.

И да будет с тобой благословение Божье, святой город, ибо многие души спасутся ради тебя и многие служители Господа обретутся в тебе, и многие будут избраны для жизни вечной».

Братья и горожане плакали, а небо, и горы, и долина, и оливы вокруг, и одинокие кипарисы, казалось, перенимали выражение его лица, интонации

его голоса и очарование, идущее от всего его облика, от внутренней красоты и благодатной силы утешения, которые теперь навсегда останутся с ним. Все то, что родная земля дала своему поэту и святому, теперь воздавалось ей стократно; все, что сегодня есть неповторимого в Ассизи, происходит от его жизни и его благословения.

ГИМН ДРУЖБЕ

Брат Илия поистине угадал желание блаженного Франциска, переведя его в Порциунколу. То было его любимое место, и он горячо рекомендовал его братьям как благословенное Мадонной. Больного поместили в лучшую келью, больничную, где братья присматривали за ним и видели, как он угасает день ото дня. Отецкая нежность Франциска стала еще заметнее перед смертью. Еще в Ассизи, в епископском дворце, он благословил своих чад, близких и далеких, начав с брата Илии, который как викарий представлял их всех. Всякие идейные разногласия исчезали для Святого перед лицом вечности: он чувствовал, что брат Илия, хотя и не понимал, но любил его, и за эту любовь был ему благодарен. Он понимал также, что его любовь, его дело, его идеал будут восприниматься по-разному, ибо слишком разнятся люди и эпохи, но что любое восприятие может быть во благо, если идет от чистого сердца. И так же как сам он во всем подражал Иисусу Христу, так и труды его должны были отражать универсальность Церкви, которая принимает в свое лоно разные течения, оставаясь в духе своем единой.

В тот день, возложив руку на голову брата, стоящего на коленях у его одра, он спросил:

— Кто встал под благословение мое? — и, услышав в ответ: — Брат Илия, — сразу же отозвался:

— Такова и моя воля, — и добавил:

— Благословляю тебя во всем, сын мой, и как в твое правление Всевышний умножил число моих братьев и чад, так в твоём лице я благословляю теперь их всех.

В словах святого Франциска слышалось признание немалых заслуг брата Илии как организатора и управляющего Орденом. С любовью и смирением он продолжал:

— Благословляю тебя насколько могу и сверх того, а чего не могу я, пусть сделает для тебя Тот, Который может все. Да зачтутся тебе Богом труды твои и да будешь ты причислен к праведникам на небесах.

Блаженный Франциск, казалось, заранее ходатайствовал за брата Илию на суде Божьем, и надо сказать, что впоследствии, когда Илия покинет

Орден и, следуя своей предприимчивой и экспансивной натуре, встанет на сторону отлученного Фридриха II, это ходатайство ему пригодится. Но были и другие друзья, которым Франциск должен был дать благословение. Он думал о брате Бернардо, первом рыцаре «Круглого Стола», который был предан ему всем сердцем и постоянно совершенствовался на пути к святости, так что Франциск, заключив с ним договор, что при встречах будет сурово укорять его за его недостатки, стал избегать этих встреч, дабы не проявить к нему непочтения.

Он думал о своем первенце, и однажды, получив маленькое лакомство для утешения брата тела, вспомнил, что оно нравилось Бернардо, и сказал: — Это нужно отдать брату Бернардо. Позовите его.

Пришел Бернардо и, растроганный и ободренный таким вниманием к себе умирающего учителя, попросил его о милости, гораздо более значительной:

— Отец, я прошу, чтобы ты благословил меня и дал мне доказательство твоей любви, ибо если ты выразишь свои отеческие чувства ко мне, полагаю, что сам Господь и все братья станут любить меня больше.

И Бернардо, как и Леоне, как и большинство учеников его, хотел, чтобы ему было отдано предпочтение: такова ненасытность человеческого «я». Но Франциск еще никогда и никому не отказывал в любви, ее хватало для всех, и для каждого она была особенной. В ответ на просьбу друга, он тут же протянул руку для благословения, но, будучи слепым, возложил ее на голову брата Эджидио. Он понял ошибку; «Это голова не брата Бернардо»; тогда брат Бернардо приблизился к нему.

— Да благословит тебя Отец Небесный, — сказал святой Франциск, возлагая руку на голову брата Бернардо, — ибо ты первоизбранник этого Ордена и податель евангельского примера следования Христу в Его бедности. Ты не только отдал все свое бедным из любви ко Христу, но и самого себя отдал Ему, вступив в Орден жертвой кротости. Да будет на тебе благословение от Господа нашего Иисуса Христа и от меня, бедняка, раба Его, благословение во веки веков, будешь ли ты идти, стоять, бодрствовать, спать, жить или умирать. И пусть, кто бы ни стоял впредь во главе Ордена, почитает Бернардо как меня самого.

Никогда не забудет этого драгоценного благословения брат Бернардо, и во всех будущих искушениях оно послужит ему надежным щитом. Между тем, блаженный Франциск, приближаясь к смерти, думал об отсутствующих. В эти последние часы, когда все чувства овеяны святостью, сердце его обращалось к двум дорогим для него женщинам, единственным, на которых устремлял он свои невинные глаза. Мадонна Джакомины деи Сеттесоли в своей обители на Эсквилино скорее всего не знала, как тяжела болезнь учителя. Полупогасшие глаза Франциска видели ее такой, какой он

всегда ее знал: сильной и хрупкой, энергичной и осторожной, мужественной и полной материнской любви. Он снова слышал ее ободряющие слова, вспоминал ее заботу, ее усердие, одежды, сотканные и сшитые ее руками, сладкие миндальные лепешки, которые она пекла. Надо было в последний раз благословить подругу и ученицу, которая подарила ему цветок христианской милости и которую можно было назвать матерью его Третьего Ордена. И вот он обратился к брату Леоне:

— Мадонна Якопа де'Сеттесоли, дражайшая и преданнейшая сестра нашего Ордена, слишком огорчилась бы, узнав о моей смерти и не попросившись со мной. Посему иди и принеси бумагу, перо и чернильницу и пиши, что я скажу тебе.

Тот поспешил исполнить указание, и Франциск начал диктовать:

— Мадонне Якопе, рабе Божьей, брат Франциск, бедняк и раб Христов, желает здоровья в Боге и слияния со Святым Духом.

Да будет тебе известно, дражайшая, что благословенный Христос в милости Своей предупредил меня о скором моем конце. Посему, если хочешь застать меня живым, получив это письмо, встань и иди в Санта Мария дельи Анджели. Если придешь позднее субботы, то уже не сможешь застать меня в этой жизни. И прихвати с собою власяное полотно, чтобы обернуть мое тело, и свечи на могилу. Прошу, чтобы ты принесла также лепешки, какими потчевала меня во время моей болезни, в Риме.

Внезапно святой Франциск перестал диктовать и сказал брату Леоне, чтобы он сохранил письмо и не посылал его, ибо оно более не понадобится. Братья хотели было узнать причину этой остановки, но в это время слышался стук в монастырские ворота. Вошел один из братьев, покрасневший от радости:

— Отец, мадонна Якопа здесь с двумя своими чадами и большой группой всадников.

Следует ли впустить ее? Можно ли допустить к тебе в келью? — спросил кто-то с сомнением, так как по правилу женщины в монастырь не допускались. Но святой Франциск, которому всякий формализм был чужд, не задумываясь воскликнул:

— Для «брата Якопы», которая, движимая верой и преданностью, проделала для меня столь длительный путь, все двери открыты.

Мадонна Джакомина входит в монастырский двор и сразу же направляется в больничную келью, радуясь, что застала учителя в живых. Она принесла с собой все — пепельного цвета полотно, плащаницу, свечи и даже лепешки, ибо Господь открыл ей во сне желание умирающего; а также другие весьма ценные вещи, о которых она не говорит, дабы не перечить госпоже Бедности. Святой Франциск ободрен ее появлением, пробует угощение, улыбается, благословляет ее. Благородная женщина становится на

колени у ног его и, увидев стигматы, целует их, плача, с преданностью столь великой, что братьям невольно подумалось о Магдалине у ног распятого Христа.

Но и другая женщина неизменно присутствовала в сердце блаженного Франциска: Клара. Клара, сама тяжело больная, просила его пройти мимо Сан Дамиано, направляясь из Ассизи в Порциунколу; просила его разрешения придти навестить его, несмотря на свою болезнь; но ни то, ни другое не оказалось возможным. Если брату Якопе дарована была горькая радость утешить учителя в его последние часы, то затворница Сан Дамиано мучилась, умирая вместе с ним, и мучилась сильнее его, ибо в то время, как Франциск пел свои хвалы сестре Смерти, Клара плакала, сокрушаясь, что не может повидать своего наставника и утешителя, единственного друга своего после Бога. Святой, который все чувствовал, послал ей в письме свое благословение, прощая все отступления от правил, если таковые были. Брату посыльному он сказал:

— Иди и скажи сестре Кларе, чтобы она не печалилась, если теперь не может меня увидеть, но истинно знала, что прежде чем она покинет этот мир, и она сама и сестры ее увидят меня и будут утешены.

Кларе оставалось смириться и довольствоваться этим доказательством любви. Ибо назначение женщины не всегда одно и то же. Кто-то сеет и кто-то собирает, кто-то вдохновляет и кто-то распоряжается, кто-то советует и кто-то служит, кому-то роль Марии и кому-то роль Марты. Клара, избрав благую часть, должна была оставаться вдалеке. Ее место — почетнее, и ее скорбь — выше. Ее судьба — быть избранной учителем и быть удаленной от него.

ГИМН ГОСПОЖЕ БЕДНОСТИ

В течении двух лет, от стигматов до последней своей болезни, т. е. с сентября 1224 по сентябрь 1226, блаженный Франциск превозносил в гимнах и благословениях все то, что так любил в жизни и что было даровано ему Богом. Теперь ему оставалось особо восславить ту, которую он любил превыше всего и которую называл не сестрой даже, а невестой. Даже пользуясь относительными привилегиями, навязанными ему болезнью, он оставался преданнейшим слугой госпожи Бедности, принимая все заботы о себе только ради послушания и как милостыню. Он всегда выбирал для себя что поменьше и похуже, и даже в епископском дворце носил власяницу и — дабы скрыть шрамы на висках — прикрывал голову шапочкой из грубейшего полотна, которое не защищало, а только раздражало кожу. Но все это входило в его обычные отношения с госпожой Бедностью, между

тем перед смертью надлежало восславить ее, как того требовала любовь. Узнав, что жить ему осталось не много дней, он решил повторить венчальный обряд двадцатилетней давности и, как когда-то нагим уходил от отца, нагим хотел теперь уйти из жизни. Он приказал раздеть себя и положить на землю. Обратив лицо к небу и прикрывая рукой рану с левой стороны груди, он обратился к братьям, которые хоть и плакали, но тоже испытывали в ту минуту необыкновенный подъем духа:

— Братья, я исполнил свой долг. Вас же да наставит Христос.

Приор, угадав желание Святого, поспешил взять рясу, исподнее и полотняную шапочку и сказал:

— Даю тебе взаимы это облачение и ради святого послушания запрещаю тебе передавать его другим, ибо оно не есть твоя собственность.

Святой Франциск, радуясь такому официальному признанию своего союза с бедностью, дал себя одеть, восхваляя Бога; затем утешил братьев благими речами, препоручив им еще раз свою невесту, и попросил, чтобы после смерти положили его опять нагим на землю и оставили лежать ровно столько, сколько нужно, чтобы пройти ровным шагом расстояние в милю.

На рассвете второго октября, в пятницу, после мучительной ночи, он сел на своем жестком ложе, велел принести хлеба, благословил его, приказал разделить его на столько частей, сколько было присутствующих и роздал своими израненными руками по кусочку каждому в память о вечере Господней и в знак того, что он, как и Учитель, любил своих чад до самой смерти и готов был умереть за них, и хотел бы что-нибудь отнять от себя, чтобы передать им. Теперь все было исполнено. В субботу ему стало хуже, и к вечеру, чувствуя, что умирает, он запел псалом, начинающийся словами: *Vocem meam ad Dominum clamavi* — «К тебе, Господи, воззвал», и продолжал петь, пока сестра Смерть не забрала у него голос.

ПОДРУГИ

В Порциунколе была ночь, и караульные дремали, подложив под голову камни и чурбачки, неподалеку от кельи святого. Вдруг один из них заметил:

— Слышите, птицы щебечут? Как на рассвете.

— Жаворонки, — отозвался другой.

— Какие жаворонки в этот час? В полдень поднимаются они высоко в небо и поют солнцу. Жаворонки это ведь не совы и не филины.

И все же над хижинкой святого действительно кружила стайка жаворонков, щебеча не то радостно, не то печально. Эти маленькие звонкоголосые

птички, подружки Франциска, которым он всегда радовался как вестникам добра, первыми праздновали его счастливый переход к жизни вечной.

Между тем сестра Якопа вся в слезах отстаивала свое право обрывать благословенное тело, доказывая, что была чудесно призвана Богом. Викарий, видя ее скорбь, сам положил ей на руки тело Святого, так похожего в ту минуту на распятого Христа. Громко причитая, она поцеловала его, потом приподняла край одежды, чтобы разглядеть рану. Стигматы были теперь видны во всей их потрясающей реальности: с темными сплюснутыми головками гвоздей, с язвами на ладонях и ступнях столь большими, что между «гвоздем» и плотью оставался зазор наподобие кольца. Не переставая плакать, благородная римлянка облекла святого в скромное одеяние, которое он сам для себя выбрал, после чего, так как испытание уже закончилось и начиналась слава, подложила под голову учителя изумительную красную подушечку с вышитыми по кругу золотыми львами и орлами и посоветовала братьям открыть двери, чтобы народ мог видеть святого и чудесные стигматы. Свечи, принесенные ею, ярко горели, делая келью заметной с большого расстояния и словно призывая селян и горожан в последний раз собраться вокруг святого. Вся ночь прошла в пении псалмов, хвалах и молитвах, а над кровлей кружились жаворонки, словно сплетая венки из воздуха и песен, и звезды сверкали, как будто на небе был большой праздник. По долине, по холмам и горам пронесся слух: «Святой умер!», и народ толпами стал стекаться в Порциунколу, и колокола звонили.

Слух достиг и обители Сан Дамиано, и скорбь монахинь была велика. «Больше его не увидим», — думали сестры, едва сдерживая слезы, сокрушаясь, что им, дочерям его, было отказано в последнем отчете благословении. Но святой Франциск должен был сдержать на небесах свое обещание. И вот на утро похоронная процессия отходит от Санта Мария дельи Анджели, но вместо того, чтобы сразу двинуться к городу, пересекает долину и направляется по дороге, ведущей к Сан Дамиано. Это уже не великие похороны, но великое торжество.

Весь Ассизи здесь: духовенство, консулы, подеста, магнаты, лучники, алебардчики, всадники, обступившие гроб как величайшую святыню, и огромная толпа простого народа, шествующая за ним с пением псалмов, под звуки труб и звон колоколов. Все несут горящие свечи и ветви оливы.

Монахини не выходят; огромный кортеж останавливается у маленького церковного кладбища, братья переносят гроб в потемневшую от времени церковку, где Распятие, когда-то говорившее с Франциском смотрит в полумраке черными глазами Христа, снимают решетку, возле которой сестры получают причастие, и кладут Святого так, чтобы они, собравшиеся у окошечка, словно стайка жаворонков, могли видеть и целовать его. Аббатиса

устанавливает очередь и, в то время как все плачут и с громкими причитаниями вспоминают незаменного отца своего, приближается к этому лицу, улыбающемуся на царской подушке мадонны Джакомины, к телу, завитому в пелены из желтого восточного шелка, расшитые попугаями, цветами и фантастическими животными, прекраснейшие пелены, принесенные Джакоминой, — и не плачет бедная мадонна Клара. Не плачет, потому что сердце ее окаменело; но, подчиняясь ясной и дерзкой мысли, посетившей ее, высвобождает из-под роскошных пелен правую руку учителя и, знакомым движением поднеся ее к губам для поцелуя, пытается зубами извлечь из нее мистический гвоздь. Но вынуть его невозможно. Клара вынуждена смириться и довольствоваться двумя платочками, обогретыми кровью учителя, которыми она промокнула его священные раны.

Клара не плачет, но на ее алебастровом лице с фиолетовыми крыльями теней застыло выражение той решимости, которую дает только смерть любимого человека и которая равносильна клятве. «Учитель мой, отец мой, второй после Бога, — думает Клара, вглядываясь в его бледное лицо, невыразимо прекрасное в смерти, — учитель мой, которого несут в Ассизи, обряженного в золотые парчи, я знаю заповедь твою и буду защищать ее до самой смерти, ото всех, я заменю тебя невесте твоей Святейшей Бедности».

Гроб убран, решетка закрывается, процессия снова движется вверх по склону холма, сопровождаемая пением, трубами и колокольным звоном; и пока сестры воркуют, жалобно, как голубки, Клара, одна, на коленях, говорит с Богом и с учителем.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ГИМН СВЯТОЙ КЛАРЕ

ХЛЕБ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ

Кларе было немногим более тридцати, когда святой Франциск умер. Сколько еще лет предстояло «цветочку» в отсутствии садовника! Но стебель окреп и уже никогда не отклонится в сторону. Смерть еще больше освятила идеал бедности, в котором Клара так сходилась с учителем, и то, как она жила этим идеалом и как умела постоять за него, доказывает, как она понимала и любила Франциска.

В 1228 году папа Григорий IX, находясь в Ассизи по случаю канонизации Франциска, нередко навещал святую Клару. В ней он ощущал дух своего великого друга и находил то мистическое видение жизни, ту мудрую ясность и простоту, которые могут быть только у святых. Святой Отец задавал вопросы с единственной целью слышать ее и старался не выказать своего восхищения, дабы не оскорбить смирение той, которую числил среди великих учителей и наставников духа. Однажды, когда они вместе рассуждали о божественных предметах, Клара, никогда не забывавшая о нуждах своих сестер, приказала приготовить стол со скромной монастырской трапезой — сухим хлебом. И, став на колени перед папой, попросила, чтоб он благословил его. Но святой отец ответил:

— Сестра Клара, вернейшая из верных, я хочу, чтобы ты сама благословила этот хлеб и сотворила над ним знамение Креста Христова, которому ты всецело предала себя.

Клара в смирении своем попыталась воспротивиться:

— Простите меня, святейший Отец, но я всего лишь презренная женщина и была бы достойна слишком большого укора, если бы в присутствии наместника Христова дерзнула сотворить такое благословение.

Тогда папа сказал:

— Чтобы это не было вменено тебе в гордыню, повелеваю тебе во имя святого послушания сотворить над этими хлебами знамение Креста и благословить их во имя Божье.

Клара, как дочь послушания, не стала возражать и, произнеся слова благословения, сотворила над хлебом крестное знамение. О чем думала и что чувствовала она, совершая это священное действо?

Должно быть, горение ее духа передавалось вещам, потому что на каждом хлебе явственно проступило словно вырезанное изображение креста, как бы подтверждая ее благословение. Григорий IX и присутствовавшие при сем прелаты унесли с собой каждый по хлебу на память об этом чуде и о святости сестры Клары. Чудо с освященным хлебом стало зримым доказательством известной истины: все, что мы делаем с любовью, хранит на себе отпечаток этой любви, а так как Клара унаследовала свою любовь от самого Господа, то от каждого ее слова и жеста священный образ креста мог запечатлеться на вещах, сотворенных ее руками, и в душах, соприкоснувшихся с ней.

ИДИ С МИРОМ

Прошло двадцать семь лет после смерти Франциска; двадцать семь лет Клара одна хранила себя и сестер в строгой бедности перед лицом пап, не в меру щедрых Генеральных Министров, других монастырей Второго Ордена, менее преданных святому Франциску, не изменяя обету, вопреки слабости тела, таявшего день ото дня. Двадцать пять лет телесных подвигов, изнурительных трудов, страстного служения Господу — внутреннее пламя должно было рано или поздно разрушить алебастр.

В конце апреля — начале мая 1253 года Иннокентий IV прибыл в обитель Сан Дамиано, чтобы навестить ее. Больная приняла оказанную ей честь с величайшим смирением и, поцеловав руку, протянутую ей первосвященником, попросила дозволения припасть к его ногам. Иннокентий IV, с простотой, достойной места и окружавших его францисканок, встал на скамеечку у изголовья Клары, с тем чтобы она смогла осуществить свое благородное желание. Потом она попросила отпустить ей все грехи, на что растроганный папа промолвил:

— Хотел бы я так же нуждаться в прощении, как ты!

Проходят дни, состояние Клары ухудшается, и, как некогда отец Франциск, диктует она свое завещание, где благодарность, которая есть цветок смирения и чистейший источник любви, оживляет каждое слово: благодарность Господу и тут же следом — святому Франциску. Жизнь для

Клары начинается с того дня, когда она узнала его; предшествующие годы для нее не существуют, словно выпав из сознания:

«После того, как Высочайший Отец небесный сподобил меня своей милости и просветил мое сердце, дабы следовала примеру и правилу блаженного отца святого Франциска, я, вместе с сестрами моими, обещала ему добровольное послушание... Святой отец Франциск был нашей опорой, единственным утешением и единственной силой нашей после Бога... Движимый любовью, он обязался сам лично или через посредство своего Ордена проявлять о нас заботу и попечение как о сестрах своих».

Он основал их обитель в Сан Дамиано, написал для них правило жизни, дабы пребывали стойкими в святой бедности, и собственным примером, а также в речах и письмах своих, призывал следовать ему.

Со скромностью, которая тем более драгоценна, что не сознает себя, святая Клара скрывает свои труды, словно нет у нее иной воли, чем воля святого Франциска, и старается не прибегать к иному примеру, иному правилу, иным словам, нежели его самого, как будто боясь, что ее собственные могут умалить или затемнить их. Из этой переполняющей ее благодарности рождается преданная любовь к идеалу учителя — бедности. Бедность — второй не менее важный мотив ее завещания. Бедность — это наследство, которое святая оставляет своим духовным детям.

Проходят дни. Клара угасает, и в скромной келье все время сменяются люди. Вокруг ее одра собираются немногие сотоварищи святого Франциска, пережившие его: Джинепро, Леоне, Анджело Танкредо; приходит из Монтичелли возлюбленная ее сестра Агнесса, которую управление новым монастырем на годы удалило от ее Клары, от ее Сан Дамиано; приходят священники, прелаты, кардиналы. Сестры плачут. Агнесса не может совладать со своим горем, брат Леоне, всей душой преданный Франциску и потом Кларе, один из первых Младших братьев, «овечка божья», плачет, целуя постель умирающей. Клара же, как самая сильная, утешает всех:

— Не унывайте: Бог милостив, и скоро будете утешены. И ты, моя дражайшая Агнесса, не плачь: я оставляю этот век, потому что так угодно Всевышнему; вскоре и ты, во исполнение твоего желания, последуешь за мной и придешь к Богу.

Утешительница не нуждается в утешениях ближних, как бы ни страдало ее обессиленное тело. Брату Ринальдо, духовнику, призывающему ее к терпению перед лицом великого страдания, она отважно отвечает:

— С тех пор как через раба Божьего святого Франциска познала я милость Господа моего Иисуса Христа, никакое великое страдание, никакой подвиг, никакая болезнь не были мне в тягость.

В этих словах заключен секрет ее святости.

Жизнь для нее это Иисус Христос, воспринятый через святого Франциска, и на смертном одре она еще раз благодарит земного учителя, указавшего ей путь к божественному. В то же время это ее последние слова, обращенные к памяти Святого; в последние дни даже он исчезает из ее сознания, чтобы уступить место единственному Богу. «Цветочек» ищет солнце и находит его без помощи садовника. Странные слова сходят с ее мертвелых уст:

— Иди с миром, ибо будут тебе хорошие провожатые, ибо Тот, Кто создавал тебя, уберег тебя от славы и, когда создал тебя, вдохнул в тебя Дух Святой, и потом глядел за тобой, как мать за маленьким сыночком.

Сестра Анастасия наклоняется над ней:

— С кем Вы говорите, мадонна?

— Говорю с душой моей благословенной.

Удивительная уверенность чистого сознания! В конце жизни, когда прошлое выстраивается в своей непреложной и несокрушимой реальности, в час угрызений совести и страхов, она со смирением и уверенностью может сказать себе: «Иди с миром!» И не потому, что безупречна, а потому, что бесконечна доброта Бога, Которому она радостно передала себя как дитя матери. Ее смерть не вписывается в мариолог.

«Благословен будь, Господи, Ты, Который создал меня».

Это и называется встречать смерть песней. Клара не отдавала себе в том отчет, потому что была слишком поглощена Богом, но это не она говорила себе «Иди с миром», не она обещала «хороших провожатых», не она ободряла свою благословенную душу; это дух святого Франциска говорил в ней.

И все же чего-то еще не хватало, чтобы уход ее был вполне счастливым. Нужно было, чтобы правило строжайшей бедности, написанное ею самой для Сан Дамиано было подтверждено папой и, таким образом, надежно защищено от послабляющего влияния других монастырей.

Ей нужно было знать наверняка, что ее воля не будет искажена и дойдет до ее духовных дочерей подкреплённая авторитетом церкви.

Она хотела перед смертью увидеть этот документ своими глазами. «Один раз увидеть и приложить к устам, а на следующий день можно умереть...»

И было так, как она пожелала. Девятого августа Иннокентий IV подтвердил письмом («Solet annuere Sedes Apostolica...») Правило бедности; десятого августа один из монахов доставил письмо в Сан Дамиано и Клара смогла приложиться к нему устами; одиннадцатого вечером святая отошла к Богу, безмятежная, под плач сестер, брата Леоне, брата Анджело и брата Джиннепро; двенадцатого легкие останки ее были перенесены торжественной процессией из Сан Дамиано в церковь Святого Георгия в Ассизи, где она

была похоронена в крипте, с драгоценным Правилем своим на сердце, как воин, завернутый в свое знамя. Правило это было воплощением идеала святого Франциска.

ЕЕ ПИСЬМА

Жизнь святой Клары, хотя и не выходящая за рамки Ассизи и на протяжении почти сорока двух лет обители Сан Дамиано, вызвала восхищение и широкий отклик в Италии и за ее пределами. Другие женщины, увлеченные францисканским идеалом, подражали ей, другие монастыри возникали по типу Сан Дамиано, причем их основательницы всегда прямо или косвенно обращались к ней как к матери и наставнице.

Одной из самых пламенных последовательниц была блаженная Агнесса из Праги. Ей, дочери короля Богемии, помолвленной против своей воли сначала с Болеславом Силезским, затем с Генрихом Шведским и позже с Фридрихом II, казалось, на роду было написано воссесть на троне, но, чувствуя влечение к жизни религиозной, она всякий раз избегала неугодного ей супружества с помощью Божьей и папы. Обретя наконец свободу в своем монастыре в Праге, она пишет Кларе, спрашивая ее духовных наставлений. Клара отвечает. Четирем ее письмам суждено было сохраниться до наших дней. Первое, датированное 1234 годом, начинается весьма церемонно, словно дочь графа и графини ди Коккорано выказывает пиетет перед «мадонной Агнессой, дочерью достоправного и могучего короля Богемии». Но высокое происхождение подчеркивается здесь лишь для того, чтобы напомнить о родстве более высоком, о величайшей чести быть невестой Христа и разделить с ним его бедность. Святая Клара превозносит бедность и девственность, дабы Агнесса оценила их бесконечную ценность, и заканчивает призывом ревностно и стойко служить Богу и, не впадая в гордыню, совершенствоваться, продвигаясь от добродетели к добродетели. Второе письмо, написанное между 1234 и 1235 годами, наставляет на тех же принципах стойкости и совершенствования и являет удивительную целеустремленность духа:

«Бережно сохраняя все, что достигнуто тобой; что делаешь, делай хорошо; никогда не останавливайся, но поспешай, с легкой поступью тех, кто боится, что даже пыль дороги может задержать их продвижение вперед; продвигайся уверенно и в радости по пути, избранному тобой, не поддаваясь и не уступая никому, кто хотел бы отвлечь тебя от цели и воспрепятствовать твоему бегу».

Третье письмо, 1238 года, приглашает к еще большему единению с Богом и толкует о благородстве души, которая принимает и хранит в себе

Господа, ставшего ради Своей любви младенцем и мужем страданий. Четвертое еще раз призывает размышлять о жизни и страдании Иисуса Христа и, изобилуя реминисценциями из Библии, проникнуто величайшим почтением к добродетели и девственности и в то же время живым материнским чувством, изливающимся наружу в мистическом порыве.

Нетрудно заметить, как от письма к письму возрастает нежность Клары к Агнессе, словно душа ее потихоньку раскрывается навстречу любви и преклонению далекой принцессы, ставшей ей дочерью в святом Франциске. «Прощай, дражайшая сестра...» Так заканчивается второе письмо.

«Деве, которую почитаю во Христе более всякой другой и которую в любви моей ставлю выше всех смертных, сестре моей Агнессе...» Так начинается третье.

«Той, которая есть вторая половина моей души, святилище любви божественной. Агнесса, королева светлая, мать моя возлюбленная и дочь моя, дражайшая среди всех... О мать моя и дочь моя, супруга Царя всех веков, не удивляйся, если пишу тебе не так часто, как моя душа и твоя желали бы, и будь уверена, что пламенная любовь, которую питаю к тебе, никогда не угасала ни в малой степени. Как любила тебя родная мать, знай, так и я люблю тебя... Помни о матери твоей и думай о том, что светлый образ твой запечатлен в самой глубине моего сердца, потому что ты для меня дражайшая среди всех».

Это строки из четвертого письма. Из них и других видно, как умела любить святая Клара: не забывая о королевском происхождении Агнессы, но гораздо более ценя в ней, невесте Христовой, ее божественное родство; соединяя высоту мистического переживания с чисто человеческой нежностью и непосредственностью. Четыре эти письма — первое о девственности и бедности, второе о совершенствовании, третье о божественной любви, четвертое о созерцании — рисуют нам облик великой Аббатисы в ее ревностном служении бедности, в ее жизни одновременно деятельной и созерцающей, в ее страстной и стремительной любви; облик той, что преодолела величайшие препятствия и кинулась вдогонку учителю своему.

И каким быстрым ни был ее бег, ей все казалось, что она не поспевает.

На первый взгляд жизнь святой Клары, начиная с Вербного воскресенья 1211 и кончая одиннадцатым августа 1253 года, столь ярко озарена примером учителя и столь неуклонно следует его пути, что ее можно было бы определить одним словом — преданность. Но, при ближайшем рассмотрении, стебель ветвится, «цветочек» оказывается то фиалкой, то розой, то лилией, то пассифлорой; в деве проглядывает и ребенок и женщина. Святая Клара была чистой, смиренной, бедной; и очень благодарной в своем смирении, и счастливой в своей чистоте и бедности. Внутренняя жизнь ее имеет радостный тембр того колокольчика, которым она приглашала сестер к заутренней. Но святая Клара была и женщиной, которая, едва познав евангельское совершенство, пожелала овладеть им полностью и следовать ему всю свою жизнь, не зная колебаний; она была женщиной, которая, не изменив смиренному послушанию, не уступила властителям, защищая бедность; не уступила врагам, защищая монастырь и родину; не уступила болезни, строго соблюдая молитвы, посты и бдения; не уступила смерти, пока не добилась, чтобы завещание Франциска ее духовным дочерям было подтверждено Римом; не уступила страху суда — и умерла радостно, уверенная в себе и в Боге.

С одной стороны, ее жизнь есть свидетельство того влияния, которое только может оказать учитель на женскую душу, с другой — пример того, как женская душа может воплотить, защитить и передать идеал самого учителя, восприняв от него его мужественность и передав взамен собственную нежность. По правде говоря, юная Оффредуччи уже знала Христа и в своей чистоте непременно последовала бы за ним, но, не повстречай она «беднячка» Франциска, духовный путь ее был бы иным. Святой Франциск никогда не говорил, что значила для него святая Клара, предоставив судить об этом своим биографам. Святая Клара в течении всей жизни не уставала повторять, чем был святой Франциск для нее. Называя себя «его цветочком», она очень точно выражает свою потребность в нем, свою позицию по отношению к нему, свою женскую душу, которая нуждается в поддержке, но хочет сама находить ее, приравливая ее к себе. Клара хочет, чтобы ее жизнь, как и ее завещание, была одним гимном благодарности Святому, который открыл ей Христа; хочет оставаться в тени, чтобы подвиг учителя высветился в полной мере. Но, несмотря на свое самоуничужение и именно в силу своей преданности Франциску, Клара имеет свое неповторимое лицо.

Основанный ею Орден отличается от Бенедиктинского своим устремлением к бедности, от Кармелитского — приверженностью к труду, и от позднейших конгрегаций — тем, что сочетает активную деятельность с созерцанием при условии бедности и строгого затворничества.

Для святого Франциска и его братьев бедность означала свободу. Выбрасывая суму, посох, сандалии, они обретают крылья. Никому так ярко мило за милей не светят благосклонные звезды, как бедняку, не имеющему гроша за душой; никому так не вкусна вода, так не сладки ягоды кустарников, так не белы и не гладки камни дороги, как страннику, давно забывшему прелесть накрытого стола. Нищета есть свобода: весь мир принадлежит этим божьим скитальцам, которые куда бы не шли, везде чувствуют себя как дома и кочуют по всему свету из края в край с легкостью птиц. Нищета есть свобода. Любое ремесло хорошо, чтобы заработать кусок хлеба: можно чинить сковороды, латать башмаки, колоть дрова, носить воду, быть ризничным сторожем, метельщиком, могильщиком: все одинаково хорошо. А когда хлеб нельзя заработать в поте лица своего, тогда они просят милостыню, ибо нищество Христа ради не хуже трудов праведных, и смирение просящего равноценно щедрости подающего. Но Кларе бедность не сулила свободы. Ей и ее сестрам не разрешалось просить подаяние. Не было для них огромного мира, чтобы радоваться ему, ни горных вершин, ни лесов, ни морских заливов; не было дорог с их пылью и грязью, но также с солнцем, ветром и звездами; не было хождения из города в город, связанного с лишениями и тяготами, но также с благодатным бременем всякий раз новой работы, позволяющей сводить концы с концами и, повинувшись скучной необходимостью, кормить, поить и одевать свое тело. Для них, бросивших якорь у подножия Субазии, существовала лишь помощь христианского соучастия, которую Провидению угодно было иногда посылать им.

Но внешняя нищета — лишь отражение нищеты внутренней, нищеты сердца, от которой происходит смиренное послушание и целомудренная любовь, одним словом — святость; и в служении Франциска его идеальной Невесте заключается глубокая пронизательность человека, увидевшего в ней собрание всех других монашеских добродетелей. Быть нищим сердцем — значит испытывать желание свободы, любви, славы, земного счастья и преодолевать его, как преодолевают голод, холод, жажду, лишения, ибо душа просыпается каждое утро с требованиями еще более высокими и непомерными, чем требования тела.

Молитва и труд, бедность и тишина уединения определяют особый характер второго францисканского Ордена. Зажженную свечу не прячут под сосудом. Маленькая обитель Сан Дамиано светила необыкновенно далеко. «Клара жила в затворе, но жизнь ее была известна всем; Клара молчала, но слава ее была громкой; она не покидала кельи, но весь город слышал ее проповедь», — говорится в булле Александра IV по случаю ее канонизации.

Данте, с присущей ему интуицией, посвящает песнь святому Франциску и терцину святой Кларе, словно из уважения к стыдливой скромности «цветочка», но эти три строки стоят многого:

Perfetta vita ed alto merito inciela
donna più su, mi disse, alla cui norma
nel vostro mondo giù si veste e vela.¹

Высокая жизнь Клары оставила по себе невыразимую благодать, которая до сих пор разлита в окрестностях Субазии и Сполетской долины. Имя ее слышится в звоне ассизских колоколов, и звук его чище серебра, и колокола передают его друг другу от «Карчери» до «Анджели», торжественно возглашая, что женщина, не ведающая отрешенности и молчаливости кларисс, не может быть истинной францисканкой, и не может быть истинным францисканцем тот, кто не постиг подлинного значения женственности.

САН ДАМИАНО

В скале базилики, носящей ее имя, под сводом освещенным свечами и электрическими лампочками, неподвижная и строгая, спит великая Аббатиса.

Но корни «цветочка» остались там, куда перенес его садовник. Сердце святой Клары в обители Святого Дамиана, перестроенной для нее и ее сестер руками самого Франциска. Сердце ее в бедном монастыре, где гордыня и пыл умбрийской крови разбились об алмаз бедности; на тесных хорах, где молилась и слушала учителя; в темной трапезной, где когда-то освятила и поделила хлебы; в садике, где услышала и повторила гимн брату Солнцу; голой, как амбар, келье с потолком, опирающимся на стропила, и оконцами, из которых виден маленький, сырой и прохладный монастырский двор и силуэт Субазии, глядящего на него с высоты своего величия. Клара и сегодня еще стоит на пороге Сан Дамиано, как предстала когда-то сарацинам, прижимая к сердцу величайшее свое достояние — Святые дары. А там, где Клара, там и дорогой сердцу Франциска идеал бедности. И вполне объяснимо, что Сан Дамиано является сегодня не только чудотворным святилищем, куда идут просить о выздоровлении, об избавлении от напастей, об исполнении земных желаний, но тем благословенным местом, где искалеченные сердца заново обретают себя и ослепшие души заново обретают Солнце.

¹ Жену высокой жизни и деяний, —
она в ответ, — покоит вышний град.
Те, кто ее не бросил одеяний...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Однажды, когда святой Франциск, находясь в Порциунколе, выходил из леса после молитвы, брат Массео, бывший высокого о себе мнения, пошел ему навстречу и неожиданно спросил:

— Почему за тобой? Почему за тобой? Почему за тобой?

— Что ты имеешь в виду? — ответил Франциск.

— Я спрашиваю, почему все идут за тобой вослед, и всякий, кажется, хотел бы видеть тебя и слышать тебя, и повиноваться тебе? Ты не красив, и не великой учености, и не из знатного рода, так почему же все идут за тобой?

Святой Франциск, обрадовавшись этому тройному «комплименту», поднял лицо к небу и долгое время стоял молча, потом встал на колени, воздал хвалу и благодарность Богу, и, наконец, обернувшись к брату Массео, сказал:

— Хочешь знать почему за мной? Хочешь знать почему за мной? Хочешь знать, почему все идут за мной вослед? Потому что очи Бога Всевышнего не увидели среди грешников более низкого, более недостойного, более грешного, чем я; и для свершения тех чудесных деяний, которые Он замыслил совершить, Он выбрал именно меня, дабы смутилась знатность, величие, сила, красота и мудрость мира, и дабы знали люди, что всякая добродетель и всякое благо от Него, а не от твари.

В этом знаменитом диалоге брат Массео, не отличаясь особой тонкостью, не может понять, в чем состоит дар святого Франциска, а святой Франциск в смирении своем не ставит себе в заслугу дары, полученные от Бога. Начать с того, что Всевышний создал его поэтом в том смысле, который вкладывали в это слово древние греки, понимавшие поэзию как действие. Святой Франциск любил поэзию не как чтение, но как мысль, как чувство, как страдание, как то, что вспышками озаряет быстротечность бытия; он любил не ту поэзию, которая остается на бумаге, но ту, которой живут — трудясь, жертвуя, борясь, умирая. Поэтому вместо того, чтобы петь хвалы бедности, он предпочел раздеться донага и быть бедным; вместо того, чтобы воспевать милосердие, предпочел ухаживать за прокаженными и замерзать от холода, отдав одежду нищему; вместо того, чтобы громко восхищаться цветами и птицами, горами и лесами, предпочел жить среди них и стать для них своим. Но, даже превратив свою жизнь в поэзию, он не успокаивается. Истинная поэзия неисчерпаема и, не находя для себя выхода в одном только действии, начинает искать иных более высоких путей.

Святой Франциск обладал именно этой, истинной поэзией, но, дабы он избежал порока большинства заметных поэтов, которые в силу своей божественной неуспокоенности ищут во всех творениях бесконечное и

бесконечно надрывают себе сердце, Господь принес ему еще один неоценимый дар, влюбив его в Себя. Любовь к Богу возвращает его к евангельской бедности, воспринятой в духе Римской церкви, и приводит его к полному подражанию Христу, невиданному, пожалуй, со времен апостолов.

После обручения с госпожой Бедностью слово «мой», это главное слово ненасытного желания, высокомерного обладания и эгоистической любви, неприменимо для него ни к какой вещи и ни к какому существу; но и о себе, применительно к кому бы то ни было, он никогда не скажет «твой», ибо слово это выражает крайнюю степень самоотречения.

Такая отрешенность могла привести святого Франциска к тому дуализму духа и материи, который отличает еретиков его эпохи, но поэтическая его натура снова обращает его к земной красоте, а огромная любовь к Создателю напоминает ему об обязанности восхищаться ею как созданием Божьим. Не по-христиански — презирать эту жизнь, чтобы облегчить себе отречение от нее; но и не легко любить жизнь и не быть поработленным ею, ведь желание это цепь, удерживающая нас в нашем рабстве. Святой Франциск разбивает эту цепь, связав себя с бедностью. Он ухитряется любить создания Божьи не только с благоговением верующего, но и с чистой радостью эстета, поняв, что жажда обладания мешает созерцать красоту. Таким образом, пока мы обсуждаем проблему Любви Божественной и любовью земных, проблему Единого и многих, святой Франциск решает ее, открыв для себя бедность любви, т.е. любовь, лишённую эгоизма желания. Благодаря его любви к Богу, это откровение сообщается душам, тянущимся к нему и расходится все более широкими кругами, подхваченное мужами, призванными к апостольскому служению, девами, посвятившими себя Господу, людьми близкими к нему и весьма далекими. В результате возникают три совершенно самостоятельных Ордена. Первый ставит свои скиты посреди мира и посредством примера, проповеди и просто духовного общения делает монашеские добродетели доступными всему народу: знати и беднякам, торговцам и ученым, воинам и крестьянам. Второй требует от монахинь той же абсолютной бедности и участия в жизни мира, но уже в условиях затвора и посредством искупительной молитвы. Третий требует от всех христиан подчинения тем же принципам бедности, целомудрия и послушания в той степени, в какой это совместимо с их гражданскими обязанностями, и призван способствовать достижению справедливости, мира и милосердия в обществе.

В атмосферу оцепенения и страха, характерную для его времени, святой Франциск привносит непосредственно воспринятый дух Евангелия; отсюда Рождественское чудо в Греччо, смягчившее сердца, скованные страхом Антихриста; отсюда стигматы, вновь пробудившие благоговение перед Страстями Христовыми; отсюда возрожденный им культ Богородицы как великой заступницы рода человеческого.

Но святой Франциск принес с собой и свой дар поэта; отсюда новая проповедь, заимствующая содержание у жизни и язык у народа; отсюда гимны, написанные на народном языке и влившие в старую веру новую струю радости; отсюда понятно, почему столь не популярные в мире самоотречение, покаяние, аскетизм предстают теперь в своей героической красоте, воплощая дорогие миру идеалы любви и рыцарства.

Любовь к Богу, ставшая для него всей жизнью, позволяет ему видеть добро во всех творениях, видеть мужественных и надежных подруг в женщинах, даже не связанных с ним узами родства. Эта любовь позволяет ему создать Гимн брату Солнцу и воспитать двух таких подвижниц духа, как святая Клара и Джакомина деи Сеттесоли. Из его новой счастливой концепции природы и женщины выйдут два новых направления в литературе — народное «хвалебных песен» и аристократическое «сладостного нового стиля»; выйдут новая живопись, представители которой (как Франциск мог сам убедиться) пишут распятого Христа с умирающих, Христа младенца — с детей, Мадонну — с девушек и женщин, святых — с монахов и простых верующих, Святую Землю — с первого попавшегося пейзажа и Рай — с майских садов в цвету.

Любовь к Богу заставляет его находить радость во всем, особенно же в совершенном страдании, и приводит его к выводу, что жизнь прекрасна и тем прекраснее, чем она мучительней; эта любовь заставляет его обнять смерть как сестру, и если поэты до него говорили, что любовь есть смерть, то святой Франциск говорит, что смерть есть любовь, и Данте поймет его, и поймут его все те, кто не нашел любви в этой жизни, и, умирая, предчувствует скорую с ней встречу.

Будучи порождением божественной любви, наследие святого Франциска сохраняет свою живую силу и по прошествии семи веков. Живы три его Ордена, которые тихо, без помпы, как и подобает Младшим братьям, совершают свою работу в обществе, воспитывая милосердие в простоте и бедности. Живы миссии, в то время как крестовые походы давно отошли в небытие.

Исповедуя любовь к ближнему и родство в духе, Франциск с уважением относился к власти, собственности, иерархии, различая обязанности тех, кто посвятил себя апостольскому служению, и тех, кому назначено жить в семье и обществе; и его концепция жизни имеет непреходящую ценность евангельских истин, воспринятых Римом. Его отношение к знанию как к средству, но не как к цели, позднее будет воспринято как откровение. Политические и нравственные последствия Возрождения показали, что для формирования народного характера, для спасения наций одних только науки и искусства не достаточно. Верной оказалась мысль святого Франциска о том, что лучше быть Роландом и Оливье, чем писать о них, и что

человек, который только учился, но не любил, не трудился, не страдал ради других, остается в час испытания с пустыми руками, да и сам пуст, как колос без зерна.

Его концепция страдания и смерти, разрешаемых любовью, и сегодня, как и много веков назад, оказывается наиболее утешительной. Лучшей не нашла ни одна философия. И сегодня тот, кто по-настоящему осознал его идеалы, может повторить вслед за святой Klarой, что познавшему Иисуса Христа через святого Франциска никакая боль, никакое испытание, никакая жертва не могут быть в тягость.

Любовь к Богу дала святому Франциску ту силу утешения, которая и через семь веков заставляет мир, по выражению Массео, идти за ним вслед. И если при жизни своей он был повсюду: в палатах и хижинах, в престольных храмах и скромных приходских церквях, на площадях и в поле, привлекая к Богу все новые и новые души силой своей ненавязчивой любви, то и сегодня он любим многими и по-разному. Кто не любит его за аскетизм, любит за поэзию; кто не понимает его как святого, восхищается им как исправителем нравов и всеобщим благодетелем; кто не разделяет в целом его концепции жизни, тот благодарен ему за «совершенную радость».

Так расходится по миру наследие святого Франциска, собираясь воедино только в лоне Церкви, и наследие это для сегодняшней Италии есть молитва, действие и бедность. Бедность, понимаемая как самоотречение. Бедность — как отказ от любых материальных благ ради двух величайших духовных ценностей: любви и свободы сынов Божьих.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ В ТЕ ВРЕМЕНА

ОРЕЛ	3
ОРЛЯТА	5
КРЕСТ	7
УЧИТЕЛИ И УЧЕНИКИ	9
ТРУБАДУРЫ	10
КАРЛ ВЕЛИКИЙ И КОРОЛЬ АРТУР	13
ЕРЕТИКИ	14
ВЕРУЮЩИЕ	16
АНТИХРИСТ	18
DE PROFUNDIS	20
ПРОРОК ИЗ КАЛАБРИИ	22
ОЖИДАНИЕ	23

ГЛАВА ВТОРАЯ МЕЖДУ МИРОМ И БОГОМ

УМБРИЯ	25
АССИЗИ	26
ДОМАШНИЙ ОЧАГ	28
РАДОСТЬ ЖИЗНИ	29
ДОБЛЕСТЬ И ДОБРОТА	30
ГОД В ТЕМНИЦЕ	31
СЛАВА	32
ЛЮБОВЬ	34
ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С БЕДНОСТЬЮ	35
ПРОКАЖЕННЫЙ	38

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ГОСПОЖА МОЯ БЕДНОСТЬ

РАСПЯТИЕ	39
ОТЕЦ И СЫН	40
МАТЬ	42
ЕПИСКОП ГВИДО	43
БРАКОСОЧЕТАНИЕ С ГОСПОЖЕЙ БЕДНОСТЬЮ	44
ГЛАШАТАЙ ВЕЛИКОГО ЦАРЯ	45
КАМНИ	46
МИСКА	47
МАСЛО	48
ПОРЦИУНКОЛА	49
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ГОСПОЖА МОЯ БЕДНОСТЬ!	50
ЧЕМ МИЛА ЖЕНА	57
С КАЖДЫМ ДНЕМ ОН ЛЮБИЛ ВСЕ БОЛЬШЕ	53

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ **РЫЦАРИ ГОСПОЖИ БЕДНОСТИ**

<i>ПЬЕТРО КАТТАНИ И БЕРНАРДО ДА КВИНТАВАЛЛЕ</i>	55
<i>ОБРАЩЕНИЕ ЭДЖИДИО И СИЛЬВЕСТРО</i>	58
<i>ПЕРВОЕ СТРАНСТВИЕ БРАТА ЭДЖИДИО</i>	59
<i>МЕНЬШИЕ БРАТЬЯ</i>	59
<i>БЛАГОРОДНЫЙ ТРУД</i>	60
<i>БЛАГОРОДСТВО МИЛОСТЫНИ</i>	62
<i>БЕДНОСТЬ И СВОБОДА</i>	63
<i>СТРАНСТВУЮЩИЕ РЫЦАРИ</i>	64
<i>ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С БРАТОМ БЕРНАРДО ВО ФЛОРЕНЦИИ</i>	65
<i>ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С БРАТОМ БЕРНАРДО В БОЛОНЬЕ</i>	66
<i>КРУГЛЫЙ СТОЛ</i>	67
<i>РИМ</i>	69
<i>ПРИТЧА О ЦАРСКОЙ ЛЮБВИ</i>	70
<i>РИВОТОРТО</i>	71
<i>КОДЕКС НОВЫХ РЫЦАРЕЙ</i>	73
<i>ГОСПОЖА БЕДНОСТЬ И УЧЕНИЕ</i>	75
<i>СОБОР СОЛОМЕННЫХ ХИЖИН</i>	77
<i>УЧИТЕЛЬ</i>	78

ГЛАВА ПЯТАЯ **БЕДНЫЕ ДАМЫ**

<i>ВЕЛИКИЙ ПОСТ 1221 ГОДА</i>	83
<i>ПРИЗВАНИЕ СВЯТОЙ КЛАРЫ</i>	84
<i>ПОБЕГ И ОТРЕЧЕНИЕ</i>	86
<i>ПРЕСЛЕДОВАНИЕ</i>	87
<i>ПОБЕГ КАТЕРИНЫ</i>	88
<i>ТВЕРДЫНЯ ГОСПОЖИ НАШЕЙ БЕДНОСТИ</i>	88
<i>УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИЦЫ</i>	90
<i>ПИР ЛЮБВИ</i>	92
<i>ТРАВКА СВЯТОГО ФРАНЦИСКА</i>	93
<i>ВОИТЕЛЬНИЦА БЕДНОСТИ</i>	96
<i>ВЕЛИКАЯ ИТАЛЬЯНКА</i>	97

ГЛАВА ШЕСТАЯ **ВОИНСТВО РАСКАЯВШИХСЯ**

<i>ОБЕЩАНИЕ</i>	101
<i>КОГДА СВЯТОЙ ФРАНЦИСК ГОВОРИЛ</i>	102
<i>ГУББИЙСКИЙ ВОЛК</i>	104
<i>РАЗБОЙНИКИ</i>	106
<i>СТАРШИЕ И МЕНЬШИЕ</i>	108
<i>БУРЯ, СУМЯТИЦА И БЕСЫ</i>	109
<i>ГРАФ ОРЛАНДО</i>	110
<i>БРАТ ЯКОПА</i>	112
<i>ЧЕРНАЯ КУРИЦА</i>	114
<i>КАРДИНАЛ УГОЛИНО</i>	115
<i>ЛУККЕЗИО И БУОНАДОННА</i>	116

<i>КАЮЩИЕСЯ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ</i>	118
<i>ЗНАЧЕНИЕ ТРЕТЬЕГО ОРДЕНА</i>	119
<i>ПРОЩЕНИЕ</i>	120

Глава седьмая ДАЛЬНИЕ СТРАНСТВИЯ

<i>МЕЧТА РЫЦАРЯ</i>	125
<i>ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ</i>	126
<i>ПРЕДЕЛЫ СЛОВЕНИИ</i>	127
<i>НА ПУТИ В МАРОККО</i>	128
<i>КАК РЫЦАРИ НИЩЕТЫ ПОДЕЛИЛИ МИР</i>	129
<i>ПЕРВЫЕ БИТВЫ С ИНОЗЕМЦАМИ</i>	131
<i>ОТБЫТИЕ В МАРОККО</i>	132
<i>СВЯТОЙ ФРАНЦИСК В ЗАМОРСКОЙ СТРАНЕ</i>	134
<i>ФРАНЦИСК У СУЛТАНА</i>	136
<i>ПОБЕДА СВЯТОГО ФРАНЦИСКА</i>	137
<i>МАРОККАНСКИЙ ПОХОД</i>	139
<i>ПУРПУРНОЕ СЕМЯ</i>	141
<i>ДВА ВОИНА</i>	141

Глава восьмая СОВЕРШЕННАЯ РАДОСТЬ

<i>БЕСЕДЫ С ЖИВОТНЫМИ</i>	145
<i>ОВЦЫ</i>	147
<i>ПРЕКРАСНЫЕ СОЗДАНИЯ</i>	147
<i>ТАЙНА СГОВОРА С ПРИРОДОЙ</i>	148
<i>БЕСЕДЫ С ЛЮДЬМИ</i>	150
<i>БРАТ ЛЕОНЕ, ОВЕЧКА БОЖЬЯ</i>	153
<i>БРАТ ДЖИНЕПРО</i>	156
<i>КРАСОТА ДУХА</i>	159
<i>БЕСЕДЫ С БОГОМ</i>	160
<i>ОДИНОЧЕСТВО</i>	162
<i>ГРЕЧЧО</i>	164
<i>ТРУДНЫЕ БРАТЬЯ</i>	165
<i>БРАТЬЯ ПРОКАЖЕННЫЕ</i>	166
<i>СОВЕРШЕННАЯ РАДОСТЬ</i>	168

Глава девятая СОВЕРШЕННАЯ СКОРБЬ

<i>ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ СВЯТОГО ФРАНЦИСКА</i>	171
<i>БОЛЕЗНИ</i>	173
<i>ИСКУШЕНИЯ</i>	174
<i>КРУГЛЫЙ СТОЛ УЖЕ БОЛЬШЕ НЕ КРУГЛЫЙ</i>	177
<i>РЫЦАРИ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА</i>	180
<i>МУЧЕНИЧЕСТВО ВОЛИ</i>	182
<i>СКОРБЬ СВЯТОГО</i>	184
<i>НА ВЕРНЕ</i>	186
<i>НАЧИНАЕТСЯ ПОСТ СВ. МИХАИЛА АРХАНГЕЛА</i>	188

<i>ГОСПОДЬ ПРОСИТ У БЛАЖЕННОГО ФРАНЦИСКА ТРИ ДАРА</i>	189
<i>ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ</i>	191
<i>СОВЕРШЕННАЯ СКОРЬБЬ</i>	192
<i>ПЕЧАЛЬ БРАТА ЛЕОНЕ</i>	194
<i>СОВЕРШЕННАЯ ЛЮБОВЬ В СОВЕРШЕННОЙ СКОРЬБИ</i>	196

Глава десятая ГИМН ЖИЗНИ И СМЕРТИ

<i>ЖАЖДА БОЛЬШЕГО</i>	199
<i>ГИМН ЖИЗНИ</i>	201
<i>ГИМН МУЗЫКЕ</i>	205
<i>ГИМН БРАТУ ТЕЛУ</i>	207
<i>ГИМН ПРОЩЕНИЯ И ПОКАЯНИЯ</i>	208
<i>ГИМН СМЕРТИ</i>	211
<i>ГИМН ПРОШЛОМУ И БУДУЩЕМУ</i>	214
<i>ГИМН РОДИНЕ</i>	216
<i>ГИМН ДРУЖБЕ</i>	217
<i>ГИМН ГОСПОЖЕ БЕДНОСТИ</i>	220
<i>ПОДРУГИ</i>	221

Глава одиннадцатая ГИМН СВЯТОЙ КЛАРЕ

<i>ХЛЕБ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ</i>	224
<i>ИДИ С МИРОМ</i>	225
<i>ЕЕ ПИСЬМА</i>	228
<i>ЖЕНЩИНА И СВЯТАЯ</i>	230
<i>САН ДАМИАНО</i>	232
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	233

УЖЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ КНИГИ

- А. Де Любак **ПАРАДОКС И ТАЙНА ЦЕРКВИ**
- А. Де Любак **КАТОЛИЧЕСТВО**
- Д. Бартелеми **БОГ И ЕГО ОБРАЗ**
- И. Биффи **Я ВЕРУЮ (краткое изложение католического вероучения)**
- А. Сикари **ПОРТРЕТЫ СВЯТЫХ I**
- А. Сикари **ПОРТРЕТЫ СВЯТЫХ II**
- ИИСУС ХРИСТОС**
- Л. Джуссани **ПУТЬ ХРИСТИАНСКОГО ОПЫТА**
- Л. Джуссани **СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ**
- Л. Джуссани **РЕАЛЬНОСТЬ, РАЗУМ И РЕЛИГИЯ**
- Л. Джуссани **У ИСТОКОВ ХРИСТИАНСТВА КАК ВЫЗОВА**
- А. Пареди **СВЯТОЙ АМВРОСИЙ МЕДИОЛАНСКИЙ
И ЕГО ВРЕМЯ**

«Христианская Россия» — Италия
20133 Милан — ул. Понцио, 44
24068 Сериате (Бергамо) — ул. Таска, 36

Напечатано во Франции
Imprimé en France
Март 1992 - Mars 1992

L O U I S - J E A N
avenue d'Embrun, 05003 GAP cedex
Tél. : 92.53.17.00
Dépôt légal : 211 — Mars 1992